

ISSN 2522-1787

*Донецкий национальный университет
Филологический факультет
Кафедра русского языка*

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ РУСИСТИКИ

Научный журнал

Выпуск 3

Донецк – 2018

Донецкий национальный университет
Филологический факультет
Кафедра русского языка

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ РУСИСТИКИ

Научный журнал

Выпуск 3

Донецк – 2018

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор – д. филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**.

Ответственный секретарь – старший преподаватель **Н.В. Гладкая**

Члены редколлегии: д-р филол. наук, проф. **В. В. Федоров** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»), к. филол. наук, доц. **Н. А. Ярошенко** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»), к. филол. наук, доц. **Н. П. Курмакаева** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); д-р филол. наук, проф. **А. А. Кораблёв** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»), д-р филол. наук, проф. **В. М. Калинин** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького»), д-р филол. наук, проф. **А. Л. Факторович** (Кубанский государственный университет, Российская Федерация); д-р филол. наук, проф. **С. А. Кочетова** (ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»); д-р филол. наук, проф. **А. В. Петров** (ФГАОУ ВО «Таврическая академия Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского», Российская Федерация); д-р филол. наук, проф. **Л. А. Петрова** (ФГАОУ ВО Крымский инженерно-педагогический университет, Российская Федерация); д-р филол. наук, проф. **И. А. Герасименко** (Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» в г. Ялте, Российская Федерация); д-р филол. наук, проф. **В. И. Супрун** (ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-гуманитарный университет»).

Editorial Board:

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**.

Executive Secretary – Senior Lecturer **N.V. Gladkaya**

Members of the Editorial Board: Doctor of Philology, Prof. **V. V. Fedorov** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **N. A. Yaroshenko** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **N. P. Kurmakaeva** (Donetsk National University); Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablev** (Donetsk National University); Doctor of Philology, Prof. **V. M. Kalinkin** (Donetsk National Medical University of Maxim Gorky); Doctor of Philology, Prof. **A. L. Factorovitch** (Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation); Doctor of Philology, Prof. **S. A. Kochetova** (Horlivka Institute for Foreign Languages); Doctor of Philology, Prof. **A.V. Petrov** (Taurida Academy of Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russian Federation), Doctor of Philology, Professor **L. A. Petrova** (Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russian Federation), Doctor of Philology, Professor **I. A. Gerasimenko** (Humanities and Pedagogics Academy (branch) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta, Russian Federation), Doctor of Philology, Professor **V. I. Suprun** (Volgograd State Pedagogical University, Russian Federation)

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,

ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк

Тел: +38 062 302-92-33

E-mail: donrus452@yandex.ru, terkulov@rambler.ru, Nata.gladkaya25@yandex.ru

Печатается по решению Учёного совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». Протокол № 3 от 2.03.2018 г.

Лексикология и стилистика

УДК 81'42

Е.С. Астахова

*Северо-Кавказский федеральный университет
(Научн. рук. кандидат филол. н., доцент Э.П. Лаврик)*

ЭКСПРЕССИВНЫЙ СИНТАКСИС: ФУНКЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ

Статья посвящена исследованию функций экспрессивного синтаксиса в современном газетном тексте. Категория экспрессивности является одной из организующих для СМИ-дискурса, так как его главная задача заключается в привлечении внимания реципиента к прочитанному, способности вызвать необходимую реакцию. В работе изучены некоторые приемы экспрессивного синтаксиса (риторическое обращение, эллипсис, полисиндетон, вставные конструкции и др.), а также описаны их основные функции.

Ключевые слова: газетный текст, синтаксис, экспрессия.

Изучению категории экспрессивности посвящено довольно большое количество публикаций (И.В. Арнольд, Ш. Балли, В.В. Виноградов, В.Д. Девкин, М.Н. Кожина, В.Н. Телия, В.И. Шаховский и др.), однако в науке до сих пор не сформировано единого мнения о сущности данного понятия. Некоторые ученые связывают понятие экспрессивности со значением эмоциональной оценочности, в других работах эмотивность называется ее составной частью.

Следует разделять экспрессивное и эмоциональное в языке и речи. Например, Г.Н. Акимова считает, что «выражение эмоции в языке всегда экспрессивно, но экспрессия в языке не всегда эмоциональна» [2, 115]. Иными словами, понятие экспрессивного шире понятия эмоционального, эмоциональное значение приравнивается к нерасчлененной чувственной реакции, в то время как экспрессивное – это усилительные оттенки, наслаивающиеся на основные.

В современных лингвистических исследованиях представлены разнообразные работы, в которых изучение экспрессивности ведётся одновременно с позиции нескольких теорий, что объясняется многогранностью и сложностью данного явления. Экспрессию следует трактовать, отталкиваясь от сравнения функционального (речевого) и системно-структурного аспектов языка. В первом случае экспрессивность приравнивается к выразительности и рассматривается как свойство речи, так как проявляет себя в коммуникативном акте, повышает выразительные возможности текста [5, с. 88]. Во втором случае экспрессивность оценивается как языковое явление, связанное с семантикой слова.

Другие исследователи уделяют внимание неравнозначной по своей природе семантической и стилистической экспрессивности. Семантическая категория экспрессивности связана с экспрессивной функцией языка, «имеющей определённую систему средств на разных уровнях и служащих для реального её воплощения в речи», а стилистическая экспрессивность – явление речевое, «сознательно формируемое

автором с помощью системы экспрессивных языковых средств и стилистических приёмов» [12, с. 33].

Очевидно, что языковая экспрессия, будучи обусловленной экспрессивной функцией языка, находит своё реальное выражение в речи. Из этого следует, что единицы языка обладают потенциальной экспрессивной возможностью; речевая экспрессия первостепенна по отношению к языковой, однако в современной коммуникативной деятельности наблюдается сближение языка и речи, в связи с чем происходит соприкосновение двух видов экспрессивности.

Отличительная черта экспрессии как средства воздействия – ее заданность, преднамеренность, в то время как эмоция всегда непроизвольна, непреднамеренна в связи с тем, что является проявлением чувства.

По причине увеличившейся роли средств массовой информации во всех сферах жизнедеятельности человека, внимание лингвистов всё чаще обращается к особенностям газетно-публицистического стиля, так как изменения, происходящие в этой области, оказывают огромное влияние на состояние языка в целом. Развитие информационных технологий привело к тому, что область массовой коммуникации стала местом концентрации огромного корпуса текстов, а сами массмедиа превращаются в ключевую площадку речепользования.

СМИ постоянно оказывают давление на многочисленные сферы функционирования языка, речевые жанры, литературный язык находит в текстах современных газет, журналов, форумов и телепередач огромное количество словоформ для пополнения своего состава.

Говоря о газетно-публицистическом стиле, можно исследовать наиболее общие принципы построения газетной речи, общность ее функций, структуры и стилевой окраски. Так, к основным функциям публикаций относятся информационная, воздействующая, а также так называемая «эмоционально-заражающая» [6, с. 23]. То есть экспрессивно окрашенные элементы должны присутствовать во всей структуре текста, иначе первые две функции не смогут быть реализованы – статья не привлечет внимание читателя, а значит, он не захочет знакомиться с ее содержанием. Однако экспрессия важна не только как способ «рекламирования», но и как приём выразительности, эмоционального окрашивания той информации, которую пытаются донести.

В нашем исследовании под экспрессивностью понимается средство интенсификации высказывания, любое усиление содержания текста, выделение и акцентирование информации, осуществляемое самыми разнообразными способами и средствами [11, с. 107]. Особенно актуально данное положение для текстов СМИ.

Таким образом, экспрессивность занимает главенствующую роль в газетном тексте. Экспрессивная функция взаимосвязана с адресантом речи, а исходя из двустороннего характера языкового общения, субъект пересекается с позицией адресата речи. «Реализуя коммуникативную функцию языка, субъект выражает свое отношение к означаемому для адресата, он открывает личное отношение к предмету речи для собеседника, часто с осознанной целью воздействия на сознание последнего. Экспрессивная функция может приравниваться к прагматической (функции воздействия)» [2, с. 23].

Так, экспрессивностью можно считать свойство единиц языка, которое способствует передаче субъективного отношения адресата речи, а также качества речи, текста, организованных на базе таких языковых единиц. Экспрессивность проявляется на всех уровнях языка: фонетическом, лексическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом и даже в области интертекстуальности.

Непропорциональное возрастание отдельных микросистем, изменение устойчивых языковых моделей, словообразовательная избыточность, резкие лексические перемещения от периферии к центру чаще всего наблюдаются именно в языке массовой печати. Удачное нестандартное словосочетание, использованное журналистом, войдя в повседневную речевую деятельность, может превратиться в банальность, чего не происходит с синтаксическими экспрессивными конструкциями.

В нашей работе мы обращаем внимание на экспрессивный синтаксис как прием, наиболее часто используемый для усиления эмоциональной окраски газетного текста. Причина, на наш взгляд, заключается в сближении речи устной и письменной, стремлении сделать публицистику максимально близкой к рядовому читателю. «Тенденция к экспрессии означает стремление публицистики к яркости формы выражения, характерных для языка художественной литературы и разговорной речи» [8, с. 34], что влечет за собой усиление изобразительной силы сказанного и написанного. Но следует иметь в виду, что синтаксические средства выражения экспрессии довольно разнообразны и не сводятся только к уподоблению разговорной речи.

Говоря об экспрессивном синтаксисе, ученые используют уточнение – «стилистический» – «экспрессивный (стилистический) синтаксис», чем подчеркивают его принадлежность к категориальному аппарату стилистики. Однако, будет правомерно термином «экспрессивный синтаксис» обозначить способы построения выразительной речи, которые включают в себя лингвистические основы экспрессивизации, а понятие «стилистический синтаксис» отнести к метаязыку стилистики, ведь, как известно, подобные приемы всегда являются обнаружением потенциальных выразительных возможностей определенных средств общенародного языка [12, с. 67].

Впервые в научной сфере об экспрессивных средствах языка написала Е.М. Галкина-Федорук: «Экспрессивность в речи – это усиление выразительности и изобразительности» [5, с. 15]. Она выделила разновидности экспрессивных языковых средств: лексические и синтаксические.

Ш. Балли также обращался к исследованию данного явления, считая, что синтаксические средства способны придавать речи «аффективный заряд» [4, с. 298], он утверждал, что любая фраза, прямо или косвенно связанная с эмоциями, становится экспрессивной. В.И. Шаховский отстаивает эмоциональность языка в принципе, оспаривая тезис, суть которого заключается в том, что главное для языка – образование идеи, а не проявление чувства. Напротив, в человеке все движимо эмоциями. «В отношении эмоциональной экспрессии в синтаксисе, на передний план выходит эмоциональная насыщенность предложения как один из аспектов его изучения. Представляется, что исследование синтаксической системы является неполным, если из него исключить эмоционально-экспрессивные элементы [1, с. 80–86].

Проанализировав статьи периодического издания – общественно-политической газеты «Открытая. Для всех и каждого», мы выявили следующие приёмы экспрессивного синтаксиса:

1) Риторические вопросы: *«Пытать граждан можно безнаказанно?!»; «Для чего судья взяла в процесс мобильник? По привычке, даже зная, что это запрещено? Или в исключительном порядке, ожидая важного сообщения, касающегося именно данного дела?»*. Риторический вопрос – это предложение, вопросительное по структуре, однако семантически равное повествовательному предложению, так как передает сообщение о чем-то. Возникающее противоречие между формой (вопросительная структура) и содержанием (значение сообщения) становится

непосредственным выражением различных эмоционально-экспрессивных значений. Их основой является то, что риторический вопрос возникает всегда в условиях противодействия как эмоциональная реакция протеста. Функция этой синтаксической фигуры в том, чтобы привлечь внимание, усилить впечатление, повысить эмоциональный тон, создать приподнятость. Ответ в нем уже подсказан, и риторический вопрос только вовлекает читателя в рассуждение, переживание, делая его активным участником сообщаемого, якобы заставляя самого сделать вывод.

2) Риторическое восклицание: «*Ни единого!*» (о вопросе) Фигура, в которой в форме восклицания содержится утверждение, усиливает в сообщении выражение тех или иных чувств; также экспрессивности добавляет их торжественность и приподнятость.

3) Риторическое обращение: «*Скажи свое слово, читатель!*». Очень частый прием экспрессивного синтаксиса, необходимый для разрушения «четвертой стены» между адресатом и адресантом. Как и в художественной литературе, при прочтении статьи у читателя формируется видение сопричастности с описываемым в публикации, при помощи экспрессии, заложенной в восклицательном предложении, происходит «давление» на реципиента.

4) Парцелляция: «*Отдых на КМВ. До мирового уровня далековато*»; «*Не стыдно проигрывать. Стыдно не бороться!*»; «*Фемида. Перезагрузка*»; «*Ставрополье. Земельные войны идут по нарастающей*». Лингвисты традиционно выделяют у парцелляции 4 функции: изобразительную, характерологическую, экспрессивно-выделительную и грамматическую. Интересующая нас экспрессивно-выделительная функция реализуется тогда, когда парцелляция служит средством усиления эмоций, эмоциональной оценки или эмоционального состояния. Очень часто эта фигура используется в заголовках, когда необходимо усилить акцент на каждом элементе, заставить читателя обратить внимание как на базовую часть, так и на парцеллят. Безусловно, такие предложения входят в состав нормативных грамматических единиц, но для определения их семантики необходим контекст, который помогает понять содержание рассматриваемых предложений и их роль в осуществлении функции воздействия.

5) Повтор: «У каждого человека есть своя личная *граница* страха, *граница* боли и *граница* стыда»; «Естественно, захотелось увидеть, как реализуется само правосудие в нашей жизни в *конкретном* случае и в *конкретном* исполнении ее представителя – молодой судьи Кочубеевского районного суда Анны Корниенко»; «*Ложь, сплошная ложь* – и ничего, кроме *лжи!*». Безусловно, в данном примере повтор слова в структуре единого синтаксического целого акцентирует внимание на семантике дубликатов, а значит, добавляет экспрессивности высказыванию с целью продемонстрировать реципиенту важность удвоенных слов, удвоенного смысла.

6) Намеренное использование в структуре предложения слов, образованных по одной модели: «*..настаивала на условном, хотя Серега-выпивоха, мамиными связями-деньгами и пудовыми кулаками выбивший себе место начальника участка, не раскаялся в содеянном, не возместил ущерба, все это - по закону! - однозначно вело его прямоком в места заключения*». В этом случае можем говорить о легкой оттенке иронии, который добавляют такие конструкции. Этот прием похож на повтор, разница заключается в том, что в структуре единого синтаксического целого повторяются не одинаковые словоформы, а слова, образованные по одной словообразовательной модели.

7) Эллипсис: «*Стоматологу – фреза, анатому – 3D-очки*»; *Алина Левитская* – «*Человек года*!»; «Можно сказать, что все свои беззакония гамаюновско-

шияновская мэрия вершит строго под любовным приглядом главного районного следователя, который, судя по результатам, живет и действует по известному принципу: *«Друзьям – всё, врагам – закон»; «Тем более что определение локации звонков – не проблема»; «Узнать, кто звонил судье во время процесса – не досужее любопытство журналиста».* Из античной риторики эллипсис известен как стилистическая фигура, производящая эффект «интеллектуальной неожиданности», базирующийся на контрасте синтаксиса и семантики, который возникает из неполноты конструкции, ее открытой структуры. Структурная неполнота проявляется, прежде всего, в выпадении строевых (семантически пустых) элементов конструкции, например, вспомогательного глагола. Также процесс сокращения высказывания может затронуть и полнозначные лексические элементы, например глаголы, обозначающие движение. Этим приемом в текстах статей, а особенно в заголовках достигается эффект динамичности из-за возникающей видимости сжатости речи, передается напряженная смена действия. Эллипсис – один из вариантов умолчания. Также такой прием экспрессивного синтаксиса сближает речь письменную и устную, ярко иллюстрирует закон экономии речевых усилий. Автору важно расставить правильно как интонационные, так и смысловые акценты, и эллипсис отлично выполняет обе функции.

8) Полисиндетон (связан с однородными членами): *«И районный суд, и районная прокуратура очень расстарались, чтобы справедливость в этом деле была растоптана в прах»; «..не можем найти защиты ни в следственных, ни в надзорных органах, ни в судах», «Но ведь нет же у этих людей границ – ни страха, ни боли, ни стыда!».* К постоянной функции полисиндетона языковеды причисляют усилительно-выделительную, поскольку избыточный повтор союза является своего рода актуализатором фрагмента текста или даже сверхфразовых единств. Таким образом привлекается внимание адресанта, что приводит к усилению различных смысловых и эмоционально-экспрессивных значений.

9) Накопление: *«Но ведь нет же у этих людей границ – ни страха, ни боли, ни стыда!».* Эта фигура экспрессивного синтаксиса напрямую связана с однородными членами, от ступени к ступени наблюдается усиление экспрессивности высказывания, увеличение эмоциональной составляющей.

10) Вставные конструкции: *«..процесс она начала почти с получасовым опозданием, ничем не объяснимым, кроме надменной традиции районного (не краевого!) правосудия демонстрировать собственную важность»; «Однако своим незаконным, хитрым (неслучайным!) приказом новые хозяева открыли Большеву возможность устроиться в карьер и – не исключено – на должность, которую занимал Н. С. Ткачук»; «А Попов (по чистому совпадению, ха-ха!) – сын городского чиновника Владимира Попова, занимающегося именно вопросами ЖКХ. Это ж надо, как все совпало!»* В текстах художественной литературы для вставных конструкций не характерна экспрессивность, так как они обычно указывают на время, место, характер описываемого, поясняют, дают дополнительную информацию. В публицистических текстах чаще всего в качестве вставных конструкций используются риторические восклицания, которые акцентируют внимание на несогласии, удивлении автора происходящей ситуацией, в структуре текста иногда подчеркнута ироничность.

11) Особые приёмы композиционно-речевого оформления текста (вопросно-ответная форма изложения, несобственно-прямая речь, цитирование и т.д.): *«И как, думаете,отреагировал суд? Он полностью это заявление проигнорировал!»; «Судья – доносчик? Неприемлемо абсолютно!».* Он коррелирует с риторическим обращением, автор статьи будто ведет диалог с читателем, задавая, казалось бы, риторический

вопрос, и тут же даёт на него ответ. Обычно предложения такой структуры, как и риторические вопросы, восклицания и обращения, содержат в себе очень сильную эмоцию, таким образом реципиент входит в структуру текста, становится участником диалога, и экспрессивность, присутствующая в форме вопроса-ответа, воспринимается им как имеющая к нему непосредственное отношение.

12) Умолчание: *«И под отборную материцу со всего размаха бил парня по голове, требуя признаться, что деньги он сам потратил на спиртное, наркотики, проституток...»*; *«А Романа предупредил: менты замышляют провокацию...»*. Намеренный обрыв высказывания необходим для того, чтобы передать взволнованность речи, с целью дать читателю возможность догадаться об опущенной части, вновь сделать сопричастным с происходящим.

Таким образом, изучив элементы экспрессивного синтаксиса в газетном тексте, можем выделить его основные функции: а) привлечение внимания читателя к информации; б) вовлечение адресанта в описываемое; в) выражение эмоционального отношения к сообщаемому. Этот способ выражения экспрессии является одной из наиболее исследуемых лингвистических категорий. Газетный текст, не имеющий эмоциональной окраски, не способен воздействовать на слушателя, его чувства и эмоции. Наличие же таких категорий как парцелляция, риторические вопросы, умолчание и других, рассмотренных в работе, позволяет привлечь внимание читателя и не оставляет его равнодушным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики / В.Г Адмони // Основы теории грамматики. – М.-Л.: Наука, 1988. – 104 с.
2. Акимова Г.Н. Наблюдения над сегментированными конструкциями в современном русском языке / Г.Н. Акимова // Синтаксис и стилистика. – М.: Наука, 1976. 234 с.
3. Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. На материале английского языка: Учеб. пособие / О.В. Александрова. – М.: Высш. шк., 1984. – 211 с.
4. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: УРСС, 2001. 356 с.
5. Галкина-Федорук Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке / Е.М. Галкина-Федорук // Сборник научных трудов, посвящённый деятельности академика В.В. Виноградова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. – с. 13-21.
6. Горделий З.П. Параметры описания текстовой модальности / З.П. Горделий // Проблемы стилистической маркированности: сб. научных трудов. – М.: МГПИ иностранных языков имени Мориса Тореза, 1990, Вып. 365. – С. 86 – 93.
7. Лютая А.А. Современный газетный заголовок: структура, семантика, прагматика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 — русский язык / Лютая Анна Алексеевна – Волгоград, 2008. 26 с.

Номер 1 (796) от 10 – 17 января 2018 г.

Номер 2 (797) от 17 – 24 января 2018 г.

Номер 3 (798) от 24 – 31 января 2018 г.

Номер 45 (789) от 15 – 22 ноября 2017 г.

Номер 46 (790) от 22 – 29 ноября 2017 г.

Номер 47 (791) от 29 ноября – 6 декабря 2017 г.

Номер 49 (793) от 13 – 20 декабря 2017 г.

Номер 5 (800) от 7 – 14 февраля 2018 г.

Номер 50 (794) от 20 – 27 декабря 2017 г.

Номер 6 (801) от 14 – 21 февраля 2018 г.

8. Общественно-политическая газета «Открытая. Для всех и каждого».
9. Рогова К.А. Синтаксические особенности публицистической речи / К. А. Рогова. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. 71 с.
10. Телия В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Языковые механизмы экспрессивности: коллект. моногр. / отв. ред. В.Н.Телия. – М.: Наука, 1991. 401 с.
11. Филонова Ю.Ю. Когнитивные и прагмалингвистические особенности опосредованных деловых переговоров на морском транспорте (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Филонова Юлиана Юрьевна. – Краснодар, 1998. – 24 с.
12. Хасанова, Н.Ф. Категория экспрессивности и ее соотношение с категориями интенсивности, эмоциональности, эмотивности и образности / Н.Ф. Хасанова // Научные исследования и разработки молодых ученых, 2015, Вып. 6. – С. 105–108.
13. Шаховский В.И. Экспрессивность и оценка – компоненты детонации / В.И. Шаховский // Образные и экспрессивные средства языка. – Ростов-на-Дону: Ростовский Государственный Педагогический Университет, 1986. 254 с.

E.S. Astakhova

EXPRESSIVE SYNTAX: FUNCTIONS IN MODERN NEWSPAPER TEXT

The article is devoted to the actual problem of research of functions of expressive syntax in the modern newspaper text. The category of expressiveness is one of the discourse organizing for the media, since its main task is to attract the attention of the recipient to the read, the ability to provoke the necessary reaction. In the work some methods of expressive syntax (rhetorical treatment, ellipsis, polysyndeton, plug-in constructions, etc.) are investigated, and their main functions are given.

Key words: newspaper text, syntax, expression.

УДК 81'373.44

Т.А. Гончарова

*ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»
(Научн. рук. д. филол.н., проф. И.А. Герасименко)*

УСТАРЕВШАЯ ЛЕКСИКА В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ МУЛЬТИПЛИКАЦИИ

В данной статье исследован пассивный словарный состав русского языка, используемый в текстах современной российской мультипликации. В центре внимания данного исследования находится устаревшая лексика – историзмы и архаизмы.

Ключевые слова: язык мультипликации, устаревшая лексика, историзм, архаизм.

К числу основных процессов, происходящих в русском языке новейшего периода, относится перераспределение между лексикой активного и пассивного запасов. Названный процесс происходит в значительной мере за счёт устаревания (архаизации) одних слов и актуализации других. Понятие «архаизация» используется нами как термин, обозначающий переход лексем в разряд устаревших слов. Сам пласт устаревшей лексики в русском языке новейшего периода оказывается достаточно подвижным и существенно меняет свои границы.

Данная статья посвящена проблемам использования устаревшей лексики в языке современной мультипликации. Актуальность работы определяется значимостью анализируемого разряда лексических единиц в лексико-семантической системе современного русского языка, а также в языковом сознании его носителей и отсутствием комплексных исследований их функционирования в языке современной мультипликации. Однако подобные вопросы рассматриваются, как правило, в связи с общими проблемами языкового развития и лишь в плане системной организации современного русского языка. Вопросы же понимания и восприятия устаревших лексем современными носителями русского языка, в том числе школьниками, до сих пор оставались вне поля зрения исследователей.

Предметом исследования в работе являются устаревшие слова современной российской мультипликации, т. е. словесные единицы, «вышедшие из активного употребления, но сохранившиеся в «пассивном словаре» носителей языка» [4, с. 540]. Материалом исследования следующие мультипликационные тексты: «Алеша Попович И Тугарин Змей»; «Илья Муромец и Соловей Разбойник»; «Добрыня Никитич и Змей Горыныч».

Устаревшая лексика – это слова, которые употребляются носителями языка, но воспринимаются ими как устаревшие (например, *ланиты, оный, опричник, персты, сей, содействие* и т.п.). Причины, по которым слово устаревает, уходит из активного употребления, бывают различными. Слово может устареть потому, что устарели, вышли из употребления лицо, предмет, явление, обозначенные этим словом (ср.: *кринолин, пиццаль, царь, чиновник* и т.п.). Слово может быть по каким-либо причинам вытеснено другим обозначением того же самого предмета, явления (ср.: *выя* ‘шея’, *дружество* ‘дружба’, *зерцало* ‘зеркало’, *ланиты* ‘щеки’, *паки* ‘опять’, *сей* ‘этот’, *чело* ‘лоб’ и т.п.). Выделяются две группы устаревших слов:

1) историзмы – слова, называющие устаревшие вещи и явления. Историзмы не имеют синонимов в современном русском языке. Объяснить их значение можно, только прибегнув к энциклопедическому описанию. Именно так и подаются историзмы в толковых словарях. Кроме того, историзмы могут сопровождаться в словарях пометами ист. (историческое), устар. (устарелое);

2) архаизмы – устаревшие слова, которые называют предметы, явления, существующие и сейчас, но имеющие иные обозначения. Архаизмы имеют в современном языке синонимы, с помощью которых в толковых словарях разъясняются их значения, которые сопровождаются пометой устар.: *благость* – книжн., устар. ‘доброта’, ‘милосердие’; *вкусить* – книжн., устар. ‘съесть’, ‘выпить’, ‘отведать’; *прекословие* – устар. ‘противоречие’, ‘возражение’ и т. п.

В текстах современной мультипликации используются такие устаревшие лексемы, как *запамятовать, дозволить, князь, норовить, вольная, гонец, супостат, лютый, доколе, застава, оброк, казна, чело, палач* и др. В анализируемых текстах мультипликации историзмы и архаизмы используют как главные герои (богатыри), так и второстепенные – люди из народа. Соответственно, речь героев мультипликационных фильмов приближена к народной, разговорной речи. К историзмам языка мультипликации относятся следующие лексемы: *княже, летописец, дозор, оброк, застава, былые, кандалы, велеть, онучи, здравие, доспехи, ратный, чело, душегуб, палач, изволить, снизойти, узник, летопись, ниспослать, одолеть, окаянный, нежелли, витязь, десятина, опала, злато, служивый, миловать, казна, сговор*. Проанализируем семантику и функционирование некоторых из них.

1). *Княже* – ‘лицо, имевшее такой титул’ [7(2), с. 64]; ‘князь’, -я,мн. -зья, -зей, м. 1. В феодальной руси: предводитель войска и правитель области (*киевские князья*;

удельный князь.). 2. Наследственный титул потомков таких лиц или лиц, получавших его при царизме в награду, а также лицо, имеющее этот титул; из князей кто-н.: *князь тьмы* (книжн.) – сатана, дьявол; *из грязи в князи* (презр.) – поговорка о том, кто возвысился не по заслугам; унич. *князек*, -зька, м.: *ведет себя эдаким князькам* (перен.: ‘превышая свою власть, ни с кем не считаюсь’ [5, с 683.]. В тексте мультфильма «Добрыня Никитич и Змей Горыныч» данное слово используется в следующем контексте: *Да как можно, княже!* Слово *князь* актуализирует здесь своё основное значение ‘предводитель войска и правитель области’ [5, с 683.].

2). *Летописец* – ‘составитель летописи’; перен. ‘тот, кто регулярно ведет записи о чем-л.’ [7 (2) , с.179]; летописец, -сца, м. ‘составитель летописи’[5, с.797]. В анализируемом тексте «Илья Муромец и Соловей-Разбойник»: лексема *летописец* используется в следующем контексте: *Князь, там... там к тебе... этот, летописец пришел!* Выделенное существительное передает лексическое значение ‘тот, кто регулярно ведет записи о чем-л.’.

3). *Дозор*: 1. Устар. Обход для осмотра. 2. Небольшой отряд, высылаемый для охранения и разведки [7 (1) , с. 418]; дозор, -а, м. 1. Обход для осмотра: *выйти в д. егерей; обходить дозором*. 2. Небольшая разведывательная, наблюдательная группа от воинского подразделения; вообще высылаемая куда-н. группа наблюдателей’ [5, с.406]. В тексте мультфильма «Илья Муромец и Соловей-Разбойник» находим: *До полуночи ты стоишь в дозоре*. Данная единица языка используется для передачи лексического значения ‘обход для осмотра’.

4). *Оброк*, -а, м. Натуральный или денежный сбор, взимаемый при крепостном праве с крестьян помещиком [7 (2) , с. 564]; [оброк, -а, м. при крепостном праве: принудительный натуральный или денежный сбор с крестьян, взимаемый помещиком или государством: *о. натурой. денежный о. перевести с барщины на о.*; прил. оброчный, -ая, -ое. *о. крестьянин* (платящий оброк) [5, с.1085]. В тексте «Алеша Попович Тугарин Змей» слово *оброк* используется как актуализация смысла ‘сбор’: *«Соберем им оброк золотом, оброк тот положим в пещеру, что под Баюн-горой, а как войско тугарское войдет, то мы ловушку нашим камнем-то и прикроем!»*. Как видим, здесь лексемой *оброк* передается основное значение ‘принудительный денежный сбор’ [7 (2) , с. 564].

5). *Онучи*, ОНУЧА, -и, ж. Кусок плотной материи, наворачиваемый на ногу при ношении лаптей или сапог [7 (2) , с. 619]; [онуча, -и, ж. длинная широкая полоса ткани для обмотки ноги (приобувании в лапти). холщовые, шерстяные онучи.] [5, с.1126]. В тексте «Илья Муромец и Соловей-Разбойник» лексема *онучи* используется для обозначения предмета обуви: *«А Илья Муромец землю пашет, ... да онучи вяжет»* [7 (2) , с. 619].

6). *Десятина* -ы, ж. 1. Русская мера земельной площади, равная 2400 кв. саженьям или 1,09 гектара, применявшаяся до введения метрической системы.

2. Ист. Налог на содержание церкви и духовенства в период феодализма в древней Руси и в Западной Европе в размере одной десятой части дохода [7 (1) , с. 392]; [десятина, -ы, ж. старая русская мера земельной площади, равная 2400 кв. саженьям или 1,09 гектара; прил. десятинный, -ая, -ое] [5, с 382]. В мультипликационном фильме «Илья Муромец и Соловей-Разбойник» слово *десятина* актуализирует основное историческое значение ‘налог’ [5, с 382]: *«Скажем, пуцай не десятину, ... а этак, четвертину платят» налог на содержание церкви и духовенства»*.

7). *Казна* 1) а) устар. совокупность денежных, имущественных, земельных и т.п. средств и ценностей, принадлежащих государству; б) государство, государственное учреждение как владелец таких средств и ценностей; 2) денежные средства; 3)

хранилище денежных средств, ценностей [7 (2), с. 15]; казна, -ы, ж. (устар.). 1. Деньги, имущество, принадлежащие государству или общине (в 3 знач.), организации: *государственная к. войсковая к. монастырская к.* 2. Государство как владелец этих средств. продать лес в казну [5, с. 632]. В тексте «Илья Муромец и Соловей-Разбойник» находим: «*Соловей-Разбойник, бандит проклятый, ...казну украл!*». Выделенная лексема используется для передачи основного значения: ‘деньги, имущество, принадлежащие государству или общине’ [5, с. 632].

Как видим, в языке современной мультипликации историзмы используется как стилизация под древнюю, народную речь.

Кроме данного пласта устаревшей лексики в обозначенных мультипликационных текстах функционируют архаизмы. Среди них, например, лексема *злато*. Проанализируем семантику и использование данного существительного.

Злато 1) то же, что: золото [7 (1), с. 611]; [злато, -а, ср. (устар.). то же, что золото (в 1 и 2 знач.)] [5, с. 558]. В тексте мультфильма «Илья Муромец и Соловей-Разбойник» лексема *злато* передает свое основное значение, а именно: ‘название драгоценного металла’: «*Злато, говорят, из себя извергает!*» [5, с. 558].

Итак, устаревшая лексика в языке современной мультипликации используется для стилизации под древнюю, народную речь. Данный вид лексики служит для погружения героев, событий, а также адресатов мультипликационных фильмов в древнюю эпоху. Такие языковые единицы придают колорит эпохи, отображённый в данных мультипликационных фильмах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белянская В.Ф. Устаревшая лексика современного русского языка (историзмы): Автореф. дис. канд. филол. наук / В.Ф. Белянская. – Л., 1978. – 24 с.
2. Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания / П.Н. Денисов. М: Русский язык, 1980. — 253 с.
3. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Рус. яз., 2000. — 1222 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. — 2-е изд., доп. — М. : Большая рос. энцикл., 2002. — 709 с.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений., — М., 1960. — 2315 с.
6. Розенталь Д.Э. Современный русский язык. Учебник для вузов /Д.Э.Розенталь. – М., Высшая школа, 1979. — 317 с.
7. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. — Т.1— 696 с.; Т.2 — 736 с.
8. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика / Д.Н. Шмелев. — М: Наука, 1977. —312 с.

T. A. Goncharova

DEPRECATED LEXICON IN THE LANGUAGE OF CONTEMPORARY MULTIPLICATION

This article explores the passive vocabulary of the Russian language used in the texts of contemporary Russian animation. The focus of this study is obsolete vocabulary, namely: historicalisms and archaisms.

Keywords: *animation language, outdated vocabulary, historicism, archaism.*

ТАКТИКИ ПИКАПЕРА КАК МУЖСКОЙ ИНВЕКТИВНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В РЖ ПИКАП

В статье рассматриваются основные тактики пикапера как мужской инвективной языковой личности в речевом жанре «пикап». В современной лингвистике проблема жанра является одной из наиболее актуальных, поскольку жанры речи определяют условия для формирования общей культуры, культуры мышления и речи. Автор поднимает вопрос об инвективной тактике, затрагивающей грани речевого этикета и культуры общения в целом. В ходе исследования были определены виды инвективных тактик и их особенности, намечены дальнейшие пути решения указанной темы.

Ключевые слова: речевой жанр, пикап, флирт, инвективная языковая личность, языковая тактика.

Проблема речевых жанров (далее – РЖ) сегодня одна из ключевых в современной лингвистике. Категория жанра является одним из основных средств в описании языка. РЖ способствуют развитию личности, создают условия для формирования общей культуры, культуры мышления и речи, придают речи и коммуникации системность, стандарт и семиотическое начало, способствуют развитию и кристаллизации языка в «борьбе» с недостатками не прямой коммуникации, препятствующими эффективному обмену возможно более точными смыслами, в этом и заключается **актуальность** исследования.

Благодаря РЖ человек не просто познаёт действительность, он сам является объектом познания в рамках гендерной лингвистики. Гендерная дихотомия (мужская и женская) определяется особым вербальным кодом (отбором вербальных средств, свойственных адресанту речи). **Целью статьи** представляется определение вербальных тактик мужской инвективной языковой личности в РЖ «пикап». В данной статье мы проведём параллели пикапа с коммуникативной ситуацией «флирт»; рассмотрим различные вербальные тактики пикапера как мужской инвективной языковой личности в РЖ «пикап».

Инвективная тактика в пикапе это, прежде всего, проявление вторичной цели – желание понравиться самому. «Можно, допустим, защитить девочку от хулигана. Но когда мальчик дёргает девочку за косу – это уже явно не прямое средство понравиться» [3; с. 409] (конечно, это объективно нельзя считать средством, чтобы понравиться, но мальчик надеется именно на это). Такой пикап будет деятельностным, он трансформируется в коммуникативную ситуацию «флирт». В детстве мальчики не используют языковые средства, для того, чтобы понравиться девочкам, они это делают через разного рода действия. Мы рассматриваем пикап как речевой жанр в рамках полноценной языковой личности, когда индивид уже имеет представление о целях этого жанра и может адекватно и сознательно располагать его средствами. Более взрослые же, «наивные», пользователи жанра обычно тоже не имеют в виду «вторую цель», связанную с интересами адресата.

В пикапе инвективная языковая личность может демонстрировать пониженную знаковость и коммуникативные проявления в виде негативных эмоциональных реакций и сниженной лексики. Довольно часто пикап переступает грани культуры общения, нарушая этикет общения. Речевой этикет, входит в систему обучения и обязателен для всех представителей русской речевой культуры, во всяком случае, соблюдение основных этикетных правил и употребление определенных речевых формул имеют силу закона, а их отсутствие сигнализирует о неблагоприятном протекании коммуникативного процесса [4, с.76-80]. Данные действия могут свидетельствовать, несомненно, о внутреннем напряжении говорящего и об истинных чувствах, которые он испытывает к адресату.

«Раздражителем» (у В.П. Шеина «конфликтоген» [5, с. 108], который провоцирует создание конфликтной речевой ситуации, как основы флирта, а позже и пикапа (при трансформации), может выступать любая из форм проявления конфронтационной стратегии. Например, дискредитация, подчинение, манипуляция, самоутверждение за счёт партнёра по обществу и пр. Особую значимость в таких коммуникационных ситуациях могут приобретать «конфликтные» РЖ, которыми **являются издёвка, насмешка, провокация, словестный «наезд», колкость, ирония, стёб, навешивание «ярлыков», оскорбления** и др. [5, с. 109]. К.Ф. Седов в этом случае употребляет термин «коммуникативный садизм», отмечая, что он осуществляется посредством «словестного издевательства». А т.к. такой тип жанров речи представляет форму вербализации разной степени языковой агрессии, то Б.Я. Шафурллин предлагает дать ему название – **инвективный жанр** (он же агрессивный) [7, с. 124].

Мы рассматриваем флирт как косвенный жанр, поскольку предоставляет говорящему весьма удобную возможность не быть «пойманным» в неблагоприятном или же непрестижном, постыдном мотиве, возможно даже интенции, смысле как желании «сохранить своё лицо». Как феномен коммуникации, флирт рассматривался в трудах как лингвистов, так и психологов, социологов, например, у В.В. Дементьева, Л.Д. Колоян, И.И. Морозовой, Е.М. Тарнавской, Э. Бэрна, М. Мида и др. По коммуникативной цели пикап сближается с ситуацией знакомства, флирта и комплимента. Основное отличие пикапа от комплимента, флирта и знакомства в том, чтобы оригинально познакомиться с представителем противоположного пола с целью его соблазнения для построения отношений (в случае его реализации к незнакомому объекту), или игриво намекнуть в симпатии, проявить совсем не дружественный, а интимный интерес (если пикапер уже знаком с объектом).

Рассмотрим **инвективные тактики** мужчин в пикапе.

Для инвективной языковой личности характерна **тактика «самопрезентации»**.

П: Детка, а ты с красивыми парнями по понедельникам знакомишься?

Д: Это с тобой что ли?

П: Из нас двоих красивый парень здесь только я... Или... Нет, нет, ты что решила что я знакомится с тобой буду, ради бога не нужно так плохо обо мне думать, не узнав меня поближе [8].

В приведённом примере обращение к девушке, как «детка», сопоставление себя с девушкой в плане гендерного отношения «из нас двоих красивый парень» (контекстуальная позиция превосходства), снижение этикетной формы до «ты» относится к нарративной группе инвектив и служит для привлечения внимания. Ложная снисходительность «ты что решила, что я с тобой знакомиться буду» привносит негатив данную коммуникативную ситуацию, а фраза «не нужно так плохо обо мне думать» и вовсе настраивает девушку против пикапера, ведь пикапер ставит себя выше неё, не беря в расчёт даже тот факт, что он подошёл первым, с явными

намерениями познакомиться. Инвективная личность акцентирует особое внимание реципиента на своём моральном и физическом превосходстве.

П: Позвонишь мне позже?

Д: Первый «наберёшь».

П: Нет. Лучше ты.

Д: Естественно, я лучше, а ты мне вечером позвони.

(интернет-анекдот).

В нашем социуме активная роль в общении между мужчиной и женщиной обычно отводится первому. Это можно объяснить нежеланием девушки выступать инициатором звонка. Частица *лучше*, употреблённая адресантом, предстаёт способом подчёркивания названного действия, иронически обыгранного адресантом как сравнительной степени прилагательного *хороший*, превращенной в способ самопрезентации.

Следующая тактика – тактика «**ироническое обещание**».

П: Как мне лучше с короткими волосами или как сейчас?

Д: Я же тебя ещё с короткими не видела, мы только познакомились.

П: Тогда давай, я ко второму нашему свиданию побреюсь!

Д: Э-эй, стоп, к какому ещё «второму свиданию»..?

П: Ладно, шучу, но у меня фотки дома есть, поехали смотреть? [8].

Пикап реализуется с помощью косвенного РЖ «обещание» с общим интенциональным смыслом «взять на себя обязательства сделать что-либо». Условия, необходимые для успешной реализации такого РЖ следующие:

1) говорящий (X), осуществляя конкретное речевое действие, берёт на себя обязательство перед слушающим (Y) или перед самим собой совершить нечто (P);

2) пропозициональное содержание таких высказываний состоит в том, чтобы говорящий (X) совершил некоторое будущее действие (P), т.е. делая так, чтобы мир соответствовал его словам;

3) психологическое состояние (условия искренности), которое высказывается говорящим, заключается в том, чтобы говорящий осуществил некое действие в будущем (P).

4) предварительные существенные условия, необходимые для осуществления речевого акта «обещание», «клятва» такие [1; с. 20]:

а) X в состоянии совершить P;

б) X считает P полезным для Y или для себя;

в) X и Y считают, что P не относится к числу событий, которые произойдут сами собой.

В таком случае, мотив пикапера в данном РЖ – привлечь внимание девушки, с которой он знаком всего несколько минут. Для обоих участников коммуникации ситуация предстаёт затруднительной: пикапер, с одной стороны, хочет пригласить девушку на второе свидание, с другой – боится серьёзных отношений, поэтому иронизирует «шучу, но у меня фотки дома есть, поехали смотреть». Касательно девушки, то пикапер сначала проявил свои серьёзные намерения, обозначил не будущие отношения, но хотя бы второе свидание, что говорит о том, что это встреча не «на один раз», а позже - забрал свои слова обратно и сразу же пригласил к себе для продолжения отношений в менее формальной обстановке, после которой, второй встречи уже и не быть. Обещание пикапера должно было сделать их будущее более ясным, однако, глагол «шучу» изменил ситуацию в корне.

Рассмотрим тактику «**хамство**»:

П: Твои родители случайно не поляки?

Д: Нет.

П: Тогда откуда у них такая курва?

или

П: Твои родители случайно не инквизиторы?

Д: Нет

П: Тогда понятно почему ты все ещё жива.

(интернет-анекдот)

Данные примеры следует рассматривать как игру на «понижение самооценки» у реципиента. Таким способом адресант сообщения самоутверждается, повышая свою самооценку. Хам полностью игнорирует интересы адресата для собственного удобства, для него характерно отсутствие культуры воспитания и элементарное уважение к окружающим; для речи подобной инвективной личности характерно использование оскорблений – прямых и косвенных. В приведённых примерах содержится косвенное оскорбление, в первом случае слово «курва» используется с негативным вульгарным, бранным смыслом «девушка лёгкого поведения», во втором случае хамом-пикапером обыгрывается особенности Средневековой картины мира, о которой девушка может и не знать, но с последней репликой понимает намерения хама. Одной из тактик инвективной языковой личности может выступать и ироническое предложение.

Одной из тактик является **издёвка** (или ситуация облома) – злая оскорбительная насмешка, обидная шутка, издевательство.

Д: Ты всегда так ведёшь себя?

П: Как?

Д: Самоуверенно.

П: Только по средам и только если имею дело с милашками.

Д: Ты считаешь меня милой?

П: Вообще-то сегодня среда [8].

Девушка выстраивает свой речевой поток как ход, как комплимент, ожидая, что мужчина ответит ей тем же. Однако иллюкутивная сила её высказывания не достигла перлокутивного эффекта.

Таким образом, можно отметить, что пикап предстает как некий эмоциональный аспект общения. От типа языковой личности зависит непосредственное распределение тактик в данном РЖ. Для инвективной языковой личности в пикапе характерны следующие тактики:

- А) самопрезентация (утверждение своей значимости за счёт партнёра);
- Б) ироническое общение;
- В) хамство;
- Г) ироническое общение;
- Д) издёвка.

Выбор исследуемых тактик пикапера как инвективной языковой личности свидетельствует о внутреннем напряжении говорящего и об истинных чувствах, которые он испытывает к адресату, но в силу определённых обстоятельств не в силах выразить. Часто, благодаря пикаперам, пикап нарушает коммуникативные нормы, предполагающие осуществление коммуникативной деятельности в соответствии со сложившимися стандартами общения. Проблема, затронутая в данной работе, конечно, намного шире, в перспективе планируется более подробное исследование тактики пикаперов с точки зрения рационально-эвристической языковой личности. Такая стратегия речевого поведения будет опираться на рассудочность, здравомыслие, этот

тип разрядки тяготеет к смеху, как аффективной реакции. Негативные эмоции в данном случае выражаются косвенным, непрямым образом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галлямова Н.Ш. Речевой акт «обещание, клятва» в русской языковой картине мира: лингвокультурологический, функционально-прагматический аспекты // Язык и культура. Вып. 3(11). – Томск, 2010. – С. 16-32.
2. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация / В.В. Дементьев. – М.: Гнозис, 2006. – С. 457-458
3. Дементьев В.В. Теория речевых жанров / В.В. Дементьев. – М.: Знак, 2010. – С. 398-434.
4. Захарова Е. П. Коммуникативная норма и речевые жанры // Жанры речи. Вып. 2. — Саратов: Колледж, 1999. – С. 76-80.
5. Курьянович А.В. Инвективные РЖ в пространстве современной межличностной коммуникации / А.В. Курьянович // Вестник ТГПУ: Серия Гуманитарные науки. – Вып 3 (47). – Томск : Изд-ва ТГПУ, 2005. – С. 106-112.
6. Седов К.ф, Типы языковых личностей в стратегии речевого поведения (о риторике бытового конфликта) / К.Ф. Седов // Вопросы стилистики. Язык и человек. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1996. – Вып. 26. – С. 8-14
7. Шарифуллин Б.Я. Языковая агрессия и языковое насилие в свете юрислингвистики проблема инвективы / Б.Я. Шарифуллин // Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. – Барнауло, 2004. – С.120-132.
8. Энциклопедия пикапа. Самоучитель по знакомству и соблазнению женщин с 1999 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pickupenc.ru/>.

A. Yu. Lazurenko

PICAPER TACTICS AS A MALE INJECTIVE LANGUAGE PERSON IN THE SPEECH GENRE PICK-UP

The main tactics of the pickup as a male invective language personality in the speech genre "pick-up" are considered in the article. In modern linguistics, the problem of genre is one of the most urgent, since the genres of speech determine the conditions for the formation of a common culture, culture of thinking and speech. The author raises the question of invective tactics, affecting the verge of speech etiquette and the culture of communication in general. In the course of the study, the following types were identified: the invective tactics and their features, outlined further ways to solve the problem.

Key words: *speech genre, pickup, flirtation, invective language personality, language tactics.*

ОСОБЕННОСТИ ГРАФИЧЕСКОГО ОФОРМЛЕНИЯ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ

В статье рассматриваются основные особенности графического оформления интернет-мемов. В ходе исследования были определены роль и значение визуального компонента в структуре интернет-мема, выявлены его характерные черты и особенности функционирования.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, интернет-мем, графическое оформление, креолизованный текст.

Интернет-коммуникация занимает важное место в жизни современного человека. Интернет-пространство создаёт новые виды дискурса, присущие только ему, например, дискурс социальных сетей. Важными составляющими данного вида дискурса являются интернет-мемы. М.Н. Кронгауз в работе «Мемы в интернете: опыт деконструкции» пишет: «Представить себе сегодня коммуникацию без мемов невозможно, особенно в интернете. Они постоянно выскакивают, как чёртик из табакерки, захватывают коммуникативное пространство, нагло и агрессивно» [1, с. 87].

Сам термин «мем» был впервые употреблён профессором Оксфордского университета Ричардом Докинзом в книге «Эгоистичный ген» в 1976 году. В активное же употребление понятие «интернет-мем» вошло в середине первого десятилетия XXI века. Под понятием «мем» (от англ. mem) понимается «идея, образ, нематериальный объект культуры, который перенимается многими членами определённого сообщества» [4, с. 162]. Интернет-мем – разновидность прецедентных феноменов, информация, передающаяся с помощью интернет-коммуникации и получающая быстрое распространение в Интернете через социальные сети, форумы, блоги, мессенджеры и т.д. В качестве первоисточников для мемов могут послужить различные узнаваемые изображения: объекты культуры, актуальные новостные блоки, фильмы, высказывания пользователей интернета и т.п. Основная функция мемов – развлекательная, поэтому и их создание основывается на совокупности визуального и текстового содержания с целью вызвать смех у пользователей социальных сетей.

Интернет-мем сочетает в себе два канала передачи информации: вербальный канал (сопроводительная надпись) и невербальный (изображение, фотография и т.д.).

Кроме того, мем нередко представляет собой загадку или своеобразный «вызов» для реципиента, которому необходимо воспользоваться своим экстралингвистическим опытом и языковой интуицией для «декодирования» смысла мема. Мем позволяет проанализировать механизмы языковой игры, юмористические эффекты, стилистические средства выразительности и т.д. Также интернет-мем даёт возможность выделить культурнозначимые стереотипы в определенном языковом сообществе.

Стимулом для появления интернет-мема может служить любое явление: фраза известного человека, необычная фотография, кадр из фильма, шутка – все, что спонтанно, а в некоторых случаях и без причины приобретает популярность в интернет-пространстве. Ежедневно в социальных сетях появляются новые интернет-

мемы и становятся неотъемлемой частью интернета, приобретая огромную популярность.

Интернет-мем обладает особым графическим оформлением. Сочетание картинки и линейного текста, зачастую оформленное в ярком цвете, создает выразительный эффект. Интернет-мем использует языковые, графические и цветовые возможности, чтобы передать определенную информацию. За счет большого набора средств передачи информации мем обладает высокой четкостью, меткостью и выразительностью. Неслучайно многие мемы очень запоминаются, потому что они бросаются в глаза благодаря своему визуальному оформлению (рисунку, фотографии, яркому цвету). Текст мема в большинстве случаев представляет игру слов, афоризм, метафору или шутку.

Современные интернет-мемы представляют собой особый тип креолизованного текста. По определению Ю.А. Сорокина и Е.Ф. Тарасова, креолизованный текст – это «текст, фактура которого состоит из двух разнородных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [3, с. 180-181]. В качестве невербальной ситуации в интернет-мемах может использоваться изображение, видеозапись или прецедентная ситуация.

Визуальную составляющую интернет-мема можно разложить на несколько компонентов:

1) фон – изображение, используемое в меме: фотография, картинка, а также возможно сочетание фотографии и картинки;

2) цветовое оформление, вспомогательное визуальное оформление;

3) надпись, используемая в меме;

Фон интернет-мемов обладает важными функциями: помогает раскрыть идею, заложенную автором и служит для привлечения внимания интернет-пользователей, так именно картинку пользователь заметит в ленте в первую очередь.

Фоны в интернет-мемах можно разделить на несколько категорий:

А) прецедентная ситуация, выступающая в качестве смысловой составляющей и остающаяся неизменной;

Б) прецедентный образ, выступающий в качестве смысловой составляющей и остающийся неизменным;

В) опознавательный знак для определённого вида интернет-мемов;

Г) изображение животных;

Д) изображения-клише, в основе которого лежит противопоставление.

В качестве фона для интернет-мема используются общеизвестные картинки: кадры из фильмов, видеороликов, игр, рисунки, фотографии и т.д. Например, мем «Нельзя просто так взять и...» происходит от выражения из кинофильма «Властелин колец», в котором один из персонажей, Боромир (сыгранный актёром Шоном Бином), с характерным жестом говорит: «Нельзя просто так взять и войти в Мордор» (англ. One does not simply walk into Mordor). В интернет-меме данный кадр из фильма используется вместе с фразой, обозначающей неудачу при попытке сделать что-либо («нельзя просто так взять и не сделать репост», «нельзя просто так взять и не запостить баян», «нельзя просто так взять и перестать смотреть сериал» и т.д.).

Мем «Ты просишь меня...» основан на диалоге Марлона Брандо из фильма «Крестный отец», где он отчитывает своего следующей фразой: «Ты приходишь и просишь у меня, но ты просишь без уважения, не предлагаешь мне дружбу, даже не называешь меня крестным». Данное клише вместе с кадром из фильма используется в качестве шуточной реакции на просьбу о выполнении чего-либо («Ты просишь меня

сказать спасибо, но даже ничего не даёшь взамен», «Ты просишь меня скинуть ссылку, но ты просишь без уважения, и даже не предлагаешь вкусняшек» и т.д.). Форма клише может изменяться, но в большинстве случаев данный вид мема сопровождается кадром из фильма.

Однако картинка может становится основной составляющей интернет-мема, если в его основе лежит некая прецедентная ситуация или прецедентный феномен: без ситуативной составляющей такой интернет-мем окажется лишён смысла. Данный вид мемов довольно популярен в интернет-коммуникации («Слоупок», «Омская птица», «Филологическая дева»).

Слоупок – медлительный и вялый персонаж манги и аниме «Покемон». В интернет-коммуникации словом «слоупок» стали называть людей с плохой реакцией, медленно думающих, вялых. Вскоре на смену слова «слоупок» пришла картинка с изображением данного персонажа.

Мем «Омская птица» используется для создания разного рода шуток с отсутствием здравого смысла (например, «Сальвадору дали 15 суток», «дорогой, купи хлеба и зрелищ», «сдал кровь на четыре», «нажал «мой компьютер» – не моет»). Образ Омской птицы символизирует буквальное восприятие слов и выражений и абсурдные каламбуры. Визуальная составляющая интернет-мема такого вида всегда остаётся неизменной, однако он может употребляться в разных ситуациях, объединённых одним смысловым стержнем.

Мем «Филологическая дева» употребляется в нескольких случаях:

1. Для создания шуток о филологах.
2. Для создания шуток о людях, не разбирающихся в литературе или в русском языке.
3. Для создания шуток о людях, слишком принципиальных в вопросах грамотности.

Во всех трёх случаях в меме используется одинаковый шаблон – цветной фон с изображённым в центре портретом Вирджинии Вульф.

В качестве одного из основных составляющих изображение выступает и в мемах про животных. Данный вид мемов широко применяется в коммуникативном пространстве социальных сетей из-за любви пользователей социальных сетей к животным. В таких интернет-мемах в качестве смыслообразующего центра используется характерная черта какого-либо животного, например, неуклюжесть котиков (мем «у меня лапки») или доброжелательность собак некоторых пород (мем «хороший мальчик»). Такие черты в интернет-мемах данного вида начинают выступать в качестве прецедентной ситуации. Например, фраза «у меня лапки» может характеризовать неловкого человека в отдельности, без использования изображения.

Интернет-мемы с изображением животных служат основой для ещё одного вида мемов, в основе которого лежит какое-либо действие. Данный вид мемов можно разделить на два вида:

1. Мемы, способные функционировать без изображения («кусь», «хватъ», «цап» и т.д.) Изначально смыслообразующим центром в данном виде мемов являлись изображения животных, выполняющих какое-либо действие (например, изображение кота, кусающего человека за руку), однако благодаря узнаваемости и наглядности данного вида мемов такие фразы стали способны функционировать без изображения или с другим изображением.

2. Мемы, не способные функционировать без изображения. В основе данной разновидности интернет-мемов лежит фотография животного с какой-либо подписью (например, фотография енота, обнимающего куклу, с подписью

«невеста моя». Фотографии или фразы, составляющие смысл мема, не обладают прецедентностью, однако сама ситуация комментирования фотографии животного является прецедентной, на основе чего и можно выделить данную разновидность мемов.

В мемах про животных значительную роль играет и сознательное искажение графического образа слов, используемых в качестве подписи. Для усиления комического эффекта зачастую используются такие искажённые лексемы, как «ни нада» (*не надо*), «ни торгай» (*не трогай*), «сптю» (*сплю*), «вкютна» (*вкусно*), «отпути» (*отпусти*), «ни путю» (*не пуцу*) и т.д. Также большой популярностью пользуются междоименные формы слов: «кусь», «хватъ», «цап» и т.д.

Фон может служить в качестве опознавательного знака для какого-либо вида мемов и при этом не содержать в себе прецедентную ситуацию. Например, мем «Просто космос» обозначает крайний восторг от какого-то человека или явления (например, «шоколад, ты просто космос», «выходные, вы просто космос»). Визуализация фразы происходит на фоне картинке звездного неба или космических видов. Впоследствии мемы с космическим фоном стали употреблять с другими фразами (например, «девушки, умеющие готовить, восхитительны», «никуда не ходить по утрам замечательно», «суббота, я тебя люблю!»). Несмотря на изменение фразы, мем сохраняет семантику и благодаря космическому фону становится узнаваемым для интернет-пользователей.

Отдельную категорию составляют интернет-мемы, где в качестве смыслообразующего центра выступает изображение-клише, в основе которого лежит противопоставление. Такой мем представляет собой картинку, разделённую на две части. В правой части находится изображение с положительной семантикой, а в левой – с отрицательной. Самые популярные модели противопоставления «я – ты», «лайк – игнор». Мемы с моделью противопоставления «я – ты» используются для высмеивания кого-либо. Например, если ведётся переписка, где оппоненты спорят, данный мем может использоваться для наглядной демонстрации уровня спора собеседника. Мемы могут быть созданы и для сравнения жизни обычных людей и жизни знаменитостей, однако в таком случае значения частей мема становятся противоположными (например, в правой части располагается неудачная фотография какого-либо человека с подписью «я», а в левой – удачная фотография знаменитости с подписью «ты»).

Мемы с моделью противопоставления «лайк – игнор» создаются с целью привлечения внимания пользователей социальных сетей или продвижения какого-либо сообщества. Такие мемы имеют такую же структуру, как и предыдущая разновидность: в правой части изображение с положительной семантикой и подписью «лайк», а в левой – с отрицательной и подписью «игнор». Создатели таких мемов рассчитывают, что пользователи, увидев красивое изображение, оценят пост, тем самым повысив активность в сообществе (например, в правой части – фотография пиццы с подписью «лайк», а в левой – фотография гречки с надписью «игнор»). Однако иногда фотографии могут не использоваться. Например, мем может иметь следующий вид: таблица с графами «лайк» и «игнор». В графе «лайк» надпись – «продлить лето на 2 года», в графе «игнор» – «отменить каникулы» (создатели мема стремятся привлечь внимание пользователей не с помощью графического образа, а с помощью словесного описания, при этом сохранив формат противопоставления).

Некоторые интернет-мемы способны функционировать как с изображением, так и без него. В настоящее время в социальных сетях набрал популярность мем «сын маминной подруги». Сын маминной подруги – некий идеализированный собирательный образ. В его основе лежит шутка о том, что все матери идеализируют сыновей своей

подруги. В варианте с изображением данный мем может выглядеть следующим образом: известный кадр из фильма о «Супермене» с изменённым диалогом. Содержание диалога:

– Что значит S на твоей груди?

– Сын маминой подруги!

Встречается и такой вариант: изображение Атланта, держащего Землю на плечах, с подписью «Сын маминой подруги».

Для придания интернет-мему узнаваемости в ленте социальных сетей, авторы уделяют внимание не только изображению в меме, но и вспомогательным визуальным средствам: цвету, шрифту, фону, рамке. Цвет, используемый в интернет-меме, – один из важнейших компонентов визуального составляющего. Кроме эстетической функции, которую выполняет цвет в меме, придавая яркость, насыщенность, гармонию или контраст, цвет также может служить средством создания определенной атмосферы или определенного настроения. Например, в интернет-меме «Ну почему?» в качестве фона используются оттенки тёмно-синего цвета, что способствует передаче печального настроения.

Выбор шрифта при создании интернет-мема, как правило, обуславливается его распространённостью, узнаваемостью и удобочитаемостью. Шрифт не должен мешать восприятию содержания мема, но в то же время и быть заметным, чтобы привлекать внимание в ленте социальных сетей.

Мемы, созданные без использования изображения, также имеют форму, способную привлечь внимание пользователей. В интернет-пространстве популярны короткие и ёмкие конструкции, состоящие из одного предложения (например, «хочу на море, а не вот это вот всё», «этот неловкий момент, когда едешь в автобусе со старым знакомым и не знаешь, о чём говорить», «то чувство, когда закрыл все экзамены», «тот самый момент, когда выпался и т.д.»). В данном виде мемов смыслообразующим центром является некий шаблон, позволяющий пользователям выразить свои чувства или мысли, заметный в ленте, узнаваемый и легко запоминающийся благодаря форме. Конструкции «... а не вот это вот всё», «то чувство, когда...», «тот самый момент...», «этот неловкий момент...» выступают в роли прецедентного феномена, что позволяет считать данные образования интернет-мемами.

Особое значение имеет и графический облик надписи. Например, в мемах, где смыслообразующим центром является прецедентный образ, в тексте могут отсутствовать знаки препинания, чтобы не нарушать облик мема. Например, в меме с изображением «Омская птица» сопроводительная надпись может выглядеть следующим образом:

Нажал «Мой компьютер»

не моет

Таким образом, мем имеет следующий облик: в центре само изображение «Омской птицы», в верхней части надпись *Нажал «Мой компьютер»*, а в нижней – *не моет*. Отсутствие тире помогает сохранить симметрию в облике мема, что способствует удобному восприятию визуальной составляющей интернет-мема.

Тенденция к отсутствию знаков препинания наблюдается и в меме «Слоупок» – пунктуационные знаки отсутствуют там, где они нарушают симметрию (например, фразы «*тупи тормози*» и «сперва я ничего не понял, а потом тоже ничего не *понял*» употреблены без запятой и располагаются так же, как и в предыдущем примере).

Выразительное графическое оформление – одна из характерных составляющих интернет-мема. Многие мемы приобретают широкую популярность среди интернет-пользователей именно благодаря своей визуальной составляющей. Графическое

оформление интернет-мемов имеет две основные функции: оно выступает в роли особого канала для передачи информации и способствует привлечению внимания пользователя социальной сети. В ходе данной работы были выявлены основные средства, делающие визуальную составляющую интернет-мемов наиболее яркой и интересной: прецедентное изображение (особый образ или известный кадр из кинофильма, игры и т.д.); фон, служащий в качестве опознавательного знака для определённого вида интернет-мемов; клише (как визуальных, так и вербальных); графический облик текста (отсутствие пунктуации с целью сохранения симметрии текста или намеренное искажение графического облика слова).

ЛИТЕРАТУРА

1. Русский язык и новые технологии / Коллективная монография; сост. Г.Ч. Гусейнов; под ред. М.В. Ахметовой, В.И. Беликова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 256 с.
2. Рабкина Н.В. Конец света 21.12.12. в демотиваторах и карикатурах российского и англоязычного интернет-пространства / Н.В. Рабкина // Вестник КемГУ, 2013, №2 (54). – С. 139-143.
3. Сорокин Ю.А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М., 1990.
4. Щурина Ю.В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации / Ю.В. Щурина // Лингвистика дискурса, 2012, №3. – С. 160-172.

Е.А. Lopatina

FEATURES OF GRAPHIC DESIGN OF INTERNET MEMES

This article discusses the key features of graphic design of Internet memes. In the course of the research, was determined the role and significance of the visual component in the structure of the Internet meme, were revealed characteristic features and functioning features

Keywords: Internet communication, Internet meme, graphic design, creolized text.

УДК 81'373.46:004

А.О. Лукьянова

*ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Научн. рук. доц. А.Н. Стебунова)*

ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Дано определение понятию «словообразование». Охарактеризованы термины сферы компьютерных технологий, заимствованные из английского языка. Рассмотрены продуктивные способы создания терминологических единиц сферы компьютерных технологий.

Ключевые слова: термин, компьютерные технологии, продуктивность, словообразование, перевод.

Словообразование рассматривается прежде всего как средство номинации и пополнение словарного состава языка новыми словами для обозначения «новых явлений и понятий человеческой цивилизации и культуры, которые и обуславливают развитие речи и обновление ее лексико-семантического состава» [7, с. 11].

Под словообразованием понимают правила создания языковых единиц по определенным моделям и схемам, это система способов и средств образования новых слов. [5, с. 13]. Словообразование сближается с морфологией через использование корневых и аффиксальных морфем для строительства новых лексем. В свою очередь, с лексической системой словообразование связано конечным результатом действия - лексемой.

Результатом словообразовательного акта выступает деривационная или производная языковая единица. Некоторые лингвисты считают производными аффиксные образования и противопоставляют их сложным словам, композитам. Вслед за Е. С. Кубряковой, под производным словом мы понимаем «вторичную, то есть обусловленную другим знаком или совокупностью знаков, единицу номинации со статусом слова независимо от структурной сложности последнего» [5, с. 45].

Определяя диахронические способы словообразования, В. М. Немченко различает: аффиксальное (морфематическое) словообразование, к которому относится префиксация, суффиксация, постфиксация, приставочно-суффиксальный способ и т.д. [6, с. 32-33]. К флексийным (морфологическим) видам деривации ученый относит чистое флексийное словообразование и морфолого-синтаксическое (транспозиция). [6, с. 34], к видам словосложения (композиция) - чистое словосложение, сложно-суффиксальное словообразование, сложно-флексийное словообразование, а также лексико-семантическое словообразование и фонетическое словообразование [6, с. 36].

Проблемы словообразования исследовали многие известные лингвисты: Земская Е.А. «Словообразование как деятельность», «Современный русский язык. Словообразование» [Земская 2005, 1973], Кубрякова Е.С. «Роль словообразования в формировании языковой картины мира» [Кубрякова 1988], Бортничук Е.Н. «Словообразование в современном английском языке» [Бортничук 1988].

Важное место при исследовании словообразовательной модели, словообразовательного значения занимает понятие «форманта». Под «формантом» мы понимаем один или несколько словообразовательных средств, которые детерминируют семантические и формальные изменения в исходной лексической единице. Считается, что главным образом в роли формантов выступают префиксы и суффиксы (иногда одновременно).

Лингвисты не имеют единого мнения относительно определения производительности словообразовательной модели. Считается, что модель является продуктивной, если по ее образцу созданы десятки или сотни производных. Относительно словообразования понятие производительности употребляют по отношению как к способам словообразования, словообразовательным моделям, так и к словообразовательным формантам.

Нами были описаны основные способы создания компьютерных терминологических единиц.

Поскольку сфера компьютерных технологий постоянно развивается, распространяясь практически на все сферы жизни и деятельности человечества, ее характерной чертой является постоянное пополнение единицами для обозначения новых понятий и реалий. Одновременно некоторые термины устаревают и постепенно выходят из общего употребления, заменяясь новыми в связи с эволюционными изменениями, происходящими в определенной сфере.

Многие новообразованные термины русского языка заимствованные из английского. Это связано с возникновением компьютерных технологий в Соединенных Штатах Америки. Единого и универсального способа перевода не существует. Принято выделять несколько способов перевода терминов:

1. *Переводческая транслитерация.* Способ транслитерации заключается в том, что с помощью русских букв передаются буквы, из которых состоит английское слово: *radar* - *радар*, *marketing* - *маркетинг*, *Internet* - *Интернет*, *server* - *сервер*, *monitor* - *монитор*. Трудно предусмотреть все случаи сочетания букв русского языка и обозначаемых ими звуков, и поэтому невозможно установить единые правила транслитерации. Однако лингвисты стремятся сформулировать некоторые принципы транслитерации, установив регулярные отношения между графемами двух языков. Транслитерация широко использовалась переводчиками вплоть до конца XIX века. Для этого переводчику необязательно было знать произношение английского слова, он мог ограничиться его зрительным восприятием.

2. *Переводческая транскрипция.* Этот способ более распространен в переводческой практике современности. Заключается он в передаче русскими буквами не орфографической формы, а звучания английского слова. С точки зрения произношения, в устной речи на этом этапе используется фонетика языка-источника, позже английское произношение начинает подчиняться нормам русского; при отсутствии равнозначных соответствий английские звуки заменяются отдаленно напоминающими их по артикуляции русскими фонемами. Так, из-за значительных различий фонетических систем русского и английского языков, такая передача всегда является несколько условной и воспроизводит только сходство английского звучания. Следует иметь в виду, что при использовании приема транскрипции всегда присутствует элемент транслитерации: *chat* - *чат*, *hacker* - *хакер*, *device* - *девайс*, *browser* - *браузер*; *site* - *сайт*, *display* - *дисплей*.

3. *Трансформированные англицизмы.* Трансформация предполагает некоторую «переделку» английского заимствования для уподобления, имитации русского слова

или словосочетания, что происходит путем добавления букв, не существующих в языке-источнике, замены транскрибированных или транслитерированных английских

букв и звуков на другие, более «смешные» русские буквы, изъятия некоторых букв из

графически освоенного англицизма. Шутливое звучание англицизма способствует его

лучшему запоминанию. Трансформации встречаются часто в компьютерном и молодежном жаргонах. Например: *бьякпойнт* (break point) – место в коде программы,

где должно быть прервано его исполнение. Английское «брейк» трансформировалось в

русское шутливое «бряк», имитируя русское звукоподражательное местоимение, используемое для передачи резкого короткого звука. Английское слово «cracker» (взломщик) имеет три варианта графической ассимиляции:

транскрибированный (крэкер), транслитерированный (кракер) и трансформированный

(крякер), последнее употребляется в компьютерном сленге с большей частотностью.

4. *Калькирование*. Этот способ заключается в замене составных частей, морфем или слов (в случае устойчивых словосочетаний) их лексическими соответствиями в языке перевода. Особенность калькирования заключается в сохранении неизменной внутренней формы лексической единицы. Калькирование как прием создания эквивалента похож на буквальный перевод - эквивалент целого создается с помощью простого сложения эквивалентов его составляющих. Например, *antivirus* - *антивирус*, *mailbox* - *почтовый ящик*, *autorepeat* - *автоматический повтор*. Нередко в процессе перевода транскрипция и калькирование используют одновременно: *control panel* - *панель управления*; *matrix printer* - *матричный принтер*; *hot keys* - *горячие кнопки*.

Преимуществом приема калькирования являются краткость и простота полученного с помощью эквивалента, а также его однозначная соотнесенность с исходным словом. Хотя в эквивалентах-кальках имеется буквализм, но краткость и потенциальная терминологичность делает их весьма привлекательными для использования в газетно-публицистических и общественно-научных работах [4, с. 103-104].

4. *Описательный перевод, или экспликация*. Прием перевода, который заключается в описании средствами другого языка определенного понятия. Бортничук Е.Н. дает такое определение описательному переводу: «Лексико-грамматическая трансформация, при которой лексическая единица языка оригинала заменяется словосочетанием, эксплицирует ее значение, то есть дает более или менее полное объяснение этого значения на языке перевода» [1, 104]. Это средство можно применять как для объяснения значения в словаре, так и при переводе в конкретном тексте.

Описательный перевод используется в случае, если переводчик не может передать термин с помощью транслитерации, транскрипции и калькирования. Это случается тогда, когда новые термины еще не нашли свои эквиваленты и не успели закрепиться в языке перевода: *native mode* - *режим работы в собственной системе команд*; *processor-specific code* - *программа, которая привязана к определенному процессору*; *non-mouse program* - *программа, которая не поддерживает работу с мышкой*; *business application* – *программа коммерческих расчетов*.

Кроме перевода, термины сферы компьютерных технологий из английского языка могут заимствоваться в русский язык другими способами. Самыми основными и продуктивными способами создания инновационной лексики является аффиксация, словосложение, аббревиация и семантическая деривация.

1. *Аффиксация*. Этот способ образования слов считается наиболее продуктивным и принадлежит к морфологическим способам словообразования, в котором производное слово образуется присоединением словообразовательных аффиксов (суффиксов, приставок и т.д.) к образующей основе.

Наиболее продуктивными приставками является кибер-, теле-, е-, анти.

- Сначала префикс *cyber-* использовался для формирования слов, касающиеся компьютеров, компьютерной культуры, информационных технологий и виртуальной реальности. Впоследствии его стали использовать более конкретно, в терминах, связанных с интернетом, режимом онлайн и т.д. [3; с. 87]: *киберпространство*, *кибератаки*, *киберагрессия*.

- Приставка *теле-* означает "осуществляемый на расстоянии": *телекоммуникация*, *телемонитор*.

- Приставка *е-* означает слово «электронный» (*electronic*) и используется для определения принадлежности к электронной сфере: *емейл* (*e-mail*).

• Анти- придает слову оттенок противоположности, противодействия или защиты от опасности, угрозы: *антивирус, антиплагиат, антиспам*.
Наиболее продуктивными суффиксами является -ер, -ин, -инг, -инг, -ист.

• Суффикс -ер служит средством обозначения лица, предмета или механизма, выполняющего определенное действие: *хакер, драйвер, браузер, провайдер, сервер, винчестер, юзер, геймер*.

• Суффикс -ин означает присоединение, вхождение к чему-либо: *логин, плагин*.

• Чаще всего -инг обозначает действие, место и превращает слово в существительное: *троллинг, флейминг, хостинг, ребутинг*.

• Суффикс -ист по значению подобен суффиксу -ер, но в отличие от него обозначает только лицо, занимающееся социальной деятельностью, связанной с компьютером: *программист, технологист*.

2. *Словосложение*. Словосложение является действенным способом образования инновационной лексики, «поскольку оно позволяет сконцентрировать смысл фразы в одном слове, сэкономив таким образом языковые ресурсы» [2; с. 123]. Под словосложением понимают сочетание двух (или более) слов, словоформ в одном сложном слове.

Основным критерием в отделении сложных слов от словосочетаний считается их содержательная целостность, которая указывает на то, что данный предмет или явление представляется прежде всего как нечто единое, особое целое, даже если отмечается сложность его построения или выделяются отдельные его признаки. Термин «цельнооформленность» определяется как неделимость, невозможность разделения на части и расположения между ними других элементов.

По структуре своих компонентов англоязычные инновационные единицы метатерминосистемы сферы компьютерных технологий, образованные путем словосложения, делятся на следующие типы:

а) сложные слова, образованные от простых основ: *скриншот (screen - «экран», shot - «снимок»), смартфон (smart «умный», phone «телефон»);*

б) сложно-производные слова: *фривар (freeware - «свободно распространяемое обеспечение»), фрилансер (free-lancer - «свободный рабочий»);*

в) сложносокращенные слова: *вебкастинг (web + broadcasting - «радиовещание» - передача информации через всемирную паутину), конфаб (confer - «совещание» + confabulation - «общение» - чат-конференция в сети Интернет).*

Роль словосложения в создании компьютерной инновационной лексики в последние десятилетия определяется ростом количества сложных понятий в сфере компьютерных технологий и других сфер, опосредованных ее развитием.

3. *Аббревиация*. Аббревиатуры - сложносокращенные слова, образованные из первых букв или из других частей слов, входящих в название или понятие. Употребляются они в устной и письменной речи. Основной задачей создания аббревиатуры становится экономия языковых средств, ведь при произношении аббревиатура по времени звучания в разы короче чем соответствующее ей понятие, а при написании такая экономия еще более востребована. В зависимости от того, что принимается за составные части - один элемент или определенный сегмент, аббревиатуры принято делить на инициальные сокращения (акронимы) и сложносокращенные слова.

Акроним - сокращение, фонетическая структура которого совпадает с фонетической структурой общеупотребительных слов. Как отмечает Л. Ф. Каховская,

преимущественно звуковые сокращения называются акронимами, а буквенные сокращения сохраняют за собой название «аббревиатура».

К инициальным сокращениям принадлежат *ПС* (*персональный компьютер*), *БИОС* (*BIOS - basic input / output system - базовая система ввода / вывода*), *СД* (*CD – компакт-диск – compact disc*).

К сложносокращенным словам можно отнести следующие: *скринейджер* (*screen - «экран» и teenager - «подросток» - подросток, который растет в окружении экранов и мониторов*), *хактивист* (*хакинг + активист, обозначает хакера, что взламывает систему для дальнейшей агитационной деятельности*).

4. *Семантическая деривация*. Понятие «семантическая деривация» было введено в лингвистический оборот выдающимся польским языковедом Е. Куриловичем в 30-е гг. XX века. Одной из задач семантики (от греч. *Semantikos* - то, что обозначает), как отдельной науки, изучающей план содержания языка, значения и смысл его единиц, является исследование закономерностей развития значения слов. Семантическая деривация базируется на природных свойствах человеческого мышления, способности человека сопоставлять различные явления и понятия внеязыковой действительности, обобщая их в слове.

Возникновение новых значений в словах не случайно. По мнению когнитологов, они определяются когнитивным структурированием действительности человеком, а сам процесс развития значения является процессом и результатом познания ими сущности определенного объекта внеязыковой действительности. Именно поэтому семантическая деривация становится базой для выявления «фактора человека» в языке, выяснения особенностей его мышления. Она также выступает источником отображения когнитивных структур в языке.

Процессы семантической деривации традиционно связывают с: терминологизацией - использованием слов общеупотребительного языка в узкоспециальных значениях; транстерминологизацией - изменением значения, которое происходит вследствие переноса слов с одной терминосистемы в другую, детерминологизацией - переходом терминов в общеупотребительный язык [4, с. 82].

В основе всех семантических процессов находится изменение связи между формой и значением, тем, что обозначается и тем, что обозначает, и одним из способов такого изменения является увеличение или уменьшение количества референтов, обозначенных этой лексической формой [8, с. 72].

Основными механизмами семантической деривации выступают метафора и метонимия. *Метафорическая номинация* заключается в изменении референтной соотношенности языковой единицы в результате установления ассоциативных признаков сходства между референтами:

- *сносить* - удалить, уничтожить какую-то программу или операционную систему в компьютере. Возникло от одного из значений этого слова: «ломать, разрушать здание, сооружение, удалить ее с какой-то поверхности».

- *чайник* - новичок в компьютерной технике, начинающий пользователь. Сначала это понятие касалось только альпинистов-новичков. Они любили фотографироваться именно так: одну руку ставили в сторону, а другой опирались на лыжную палку. Таким образом, рука, что была на стороне, напоминала ручку чайника, а та, которая опиралась на лыжную палку, - носик чайника. Поэтому горного лыжника называли чайником. Еще есть версия, что термин «чайник» связан с туризмом. Турист-новичок в поход вешал чайник к своему рюкзаку извне, не зная, что это дело не является необходимым и брать его в поход необязательно.

- *пиратство* - незаконное копирование и распространение программ, баз данных, музыки. Возникло от ассоциативной связи с пиратами - разбойниками, которые грабили корабли. В виртуальном мире также, нарушая законы, грабят, но правообладателя.

- *баг* - (от англ. Bug - «инфекционное заболевание, микроб») - это ошибка в программе, которая приводит к ее неправильному функционированию.

- *ламер* - (от англ. Lame - «хромой») - неопытный и неумелый пользователь компьютером.

Под метонимией мы понимаем «перенос наименования на основе пространственных, временных и узуальных связей как один из видов семантических изменений» [7; с. 79]. *Метонимический перенос* происходит не по сходству понятий, а базируется на их смежности. Именно поэтому метонимия акцентирует внимание на индивидуальных чертах, позволяя идентифицировать понятие, выделить его из сферы наблюдения, отличить от других:

- *болванка* - чистые диски без записей. Болванками вообще называют металлические детали, которые готовы к обработке на токарном станке.

- *камень* - электронный блок, что управляет работой каждого прибора на компьютере и позволяет выполнять программное кодирование. Процессор включает в себя пластину из кремния, а кремний - это камень.

- *софт* - (от англ. soft - «мягкий, нежный») - любое программное обеспечение. Полностью называется software. Название противопоставляется hardware - компьютерное «железо», все оборудование компьютера (hard - «тяжелый», soft - «мягкий, нежный»).

Итак, можно сделать вывод, что большинство терминов сферы компьютерных технологий были заимствованы в русский язык с английского языка такими способами перевода как транслитерация, транскрибирование, трансформация, калькирование и описательный перевод (экспликация). Из всех способов словообразования самыми продуктивными являются аффиксация (префиксация и суффиксация), словосложение, аббревиация (инициальные и сложносокращённые слова), семантическая деривация (метафорическая и метонимическая).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бортничук Е.Н. Словообразование в современном английском языке / Е.Н. Бортничук, И.В. Василенко, Л.П. Пастушенко. – К.: Вища школа, 1988. – 261 с.
2. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. Е. А. Земская. — М.: Изд-во КомКнига, 2005. – 224 с.
3. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование / Е.А. Земская. – М.: Просвещение, 1973. – 304 с.
4. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: курс лекций / В. Н. Комиссаров. – М. ЭТС. – 2000. – 192 с .
5. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е.С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – с. 141-172.
6. Немченко В. Н. Основные понятия словообразования в терминах : [крат. слов.-справ.] / В. Н. Немченко. – Красноярск: КГУ, 1985. – 182 с.
7. Полюжин М.М. Функциональный и когнитивный аспекты английского словообразования / М.М. Полюжин. – Ужгород: Закарпатье, 1999. – 239 с.

8. Суперанская А.В. Общая терминология: Вопросы теории / Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. – М.: УРСС, 2003. – 246 с.

A.O. Lukyanova

MAIN WAYS OF CREATING COMPUTER TERMINOLOGICAL UNITS

The concept of "word formation" is defined. The terms of the sphere of computer technologies, borrowed from the English language, are characterized. Productive ways of creating terminological units of the sphere of computer technologies are considered.

Key words: *term, computer technologies, productivity derivation, translation.*

УДК 811.371+811.541+811.55+811.56+811.81/82

С.С. Калинин

*ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»
(Науч. рук. д. филол.н., проф. А.Г. Фомин)*

АРЕАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ФРЕКВЕНТАЛИИ ПАЛЕОАЗИАТСКИХ ЯЗЫКОВ И ПРОБЛЕМА ИХ ВНЕШНИХ СВЯЗЕЙ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ НА ТРАНСФЕР ЗНАНИЙ

В статье описываются основные ареальные особенности палеоазиатских языков, касающиеся, прежде всего, уровня их грамматики и типологии. Перечисляются фреквенталии, характерные для данного ареального объединения. В данной работе ареальное палеоазиатское объединение понимается шире, чем в традиционных работах по данной теме: помимо прочего, с учетом фактического языкового материала и типологических особенностей, в него включаются язык бурушаски и айнский язык. На основании теории цивилизационных ограничений трансфера знаний и т.н. принципа Эверетта делается попытка проследить становление анализируемых ареальных особенностей этих языков. По ходу изложения обсуждаются уже доказанные внешние связи ряда палеоазиатских языков. В заключение работы на основании вышеизложенного, дается ряд гипотез о внешних связях языков, чья генетическая принадлежность является спорной и окончательно не установленной.

Ключевые слова: *палеоазиатские языки, языковое родство, трансфер знаний, цивилизационные ограничения трансфера знаний, языки коренного населения Северной Америки.*

Прежде всего, необходимо определить, что подразумевается под трансфером знаний (трансфером информации). Согласно определению, данному В.З. Демьянковым, трансфер знаний в широком смысле можно определить как «передачу от человека к человеку не только практических и теоретических сведений, но и навыков, установок, предпочтений в выборе подходов к решению житейских или научных проблем... Такие знания переносятся из одной позиции в «информационной системе» человека в другую позицию – той же или другой системы» [11, с. 87]. В узком же смысле трансфер знаний определяется как «перенос мнений или теоретических достижений (иногда – и предрассудков) из одной сферы жизни человека в другую» [11,

с. 87]. В качестве примера такого трансфера знаний в узком смысле В. З. Демьянковым приводится метафоризация и само явление метафоры [11, с. 87].

Естественно, как пишет Е. С. Кубрякова, что обобщение человеческого опыта и его передача (трансфер) невозможны вне языка, без языка, поскольку именно язык объективирует всю информацию, поступающую к человеку извне, при помощи материальных знаков, обеспечивает все виды деятельности с информацией [21, с. 36-37]. В конечном итоге, замечает Е. С. Кубрякова, любая деятельность по категоризации мира носит языковой характер [21, с. 37]. Необходимость вербального компонента при трансфере знаний (информации) замечает и А. В. Вдовиченко: для того, чтобы говорить и понимать (т.е., осуществлять процесс коммуникации), нужно обладать каким-то знанием [4, с. 126]. Возникает, однако, вопрос: какие именно структуры составляют вербализуемое и вербально передаваемое знание?

Э. Даль полагает, что язык представляет собой по своей сути негенетически наследуемую систему [10, с. 102]. Он отмечает, что язык передается, скорее, вертикально (т.е., из поколения в поколение), а не горизонтально (т.е., между людьми, принадлежащими к одному поколению) [10, с. 102-103]. Обсуждая в этом аспекте применение меметики и широкого популярного понятия мема, введенного Р. Докинзом в известной работе «Эгоистичный ген» [12, с. 395], сам Э. Даль определяет мем как «когнитивный или поведенческий паттерн, который может быть передан от одного индивида к другому» [10, с. 102]. Однако, по его мнению, применение меметики в лингвистике оказалось весьма ограниченным [10, с. 102]. Тем не менее, Э. Даль считает перспективным применением меметики в лингвистике [10, с. 102].

Наиболее общие элементы, которые формируют язык как средство коммуникации вообще Э. Даль, называет «языковыми паттернами» [10, с. 91]. Конкретные воплощения – простые (слова, морфемы) либо сложные (словосочетания, конструкции в смысле грамматики конструкций) – языковых паттернов называются «языковыми объектами» [10, с. 91]. Принципиально важно сопоставить дихотомию «языковой паттерн – языковой объект» с классической дихотомией Ф. де Соссюра «язык – речь» [28, с. 21-22, 26-27], а также с дихотомией «коммуникация – передача информации», выделенной С. Г. Проскуриным и А. В. Проскуриной [25, с. 49-51]. Эта дихотомия также может сопоставлена с классической дихотомией «синхрония – диахрония» [28, с. 82-83], в том числе как полагают сами авторы [25, с. 60]. По мнению авторов, коммуникация является процессом синхронным, а передача знаний (информации) – диахронным [25, с. 50-51]. Кроме того, коммуникация и передача могут взаимно сочетаться в процессе развития языковой системы [25, с. 59-60].

Таким образом, можно заметить, что единицей трансляции информации во времени в пространстве (т.е., трансфера информации, знаний), как полагает А. В. Проскурина, является именно мем, служащий «когнитивной опорной конструкцией» языковых структур, в частности, тех или иных языковых паттернов и объектов [26, с. 122]. Таким образом, мы можем представить, мемы, в соответствии с теоретическими выкладками А. В. Кравченко [18, с. 277], как культурные конструкты первого порядка, а языковые паттерны и объекты – как культурные конструкты и первого, и второго порядка (в зависимости от уровня и типа референции того или иного паттерна).

Логичным образом вышеприведенные рассуждения подводят нас к проблеме цивилизационных ограничений на трансфер знаний и следствиям из этого ограничения. В частности, как пишет В. З. Демьянков, одни и те же феномены человеческого бытия (в том числе, и феномены языковые) могут быть объяснены с различных точек зрения: культурной и цивилизационной [11, с. 88]. Как пишет цитируемый автор, «В

языкознании XX–XXI вв., стартуя с универсалистской площадки, видят аналогию между цивилизацией и универсалиями языка, с одной стороны, и культурами и идиоэтническими особенностями языкового употребления, с другой» [11, с. 88]. Таким образом, В. З. Демьянков приходит к выводу, что цивилизация соотносится с культурой таким образом (по словам автора, «выражаясь языком пропорций»), как языковые универсалии соотносятся с реально засвидетельствованными фактами в исторически известных языках [11, с. 88]. Данный вывод имеет основополагающее значение не только, собственно, для лингвокультурологии, но и для теории языковых универсалий и типологии, т.к. определяет, что «может» быть теоретически или могло теоретически быть в том или ином языке, и каких явлений мы там встретить не можем. Реализацию этого принципа мы увидим чуть ниже на конкретном языковом материале, когда будем говорить о ряде типологических особенностей палеоазиатских языков.

Помимо прочего, стоит учитывать и т.н. постулат Эверетта или гипотезу Эверетта, высказанную им в знаменитой работе [35] о южноамериканском языке пирраха. Д. Эверетт считает, что культура, в том числе, и материальная, того или иного этноса определяет особенности его языка, в том числе, и особенности его грамматики [35, с. 258-259]. Наиболее яркое доказательство этого принципа, приводимое самим Д. Эвереттом, – анализ системы числительных языка пирраха [35, с. 257-258]. Ниже мы также увидим поразительные совпадения, касающиеся постулата Эверетта, в системах числительных некоторых палеоазиатских языков и языка пирраха.

Упомянем также в качестве лингвофилософской теоретической модели обоснования цивилизационных ограничений на трансфер знаний и т.н. «космический синтаксис», разработанный В. С. Юрченко и апробированный им на материале, прежде всего, русского языка (более подробно см. работу [36, с.176-219]). Согласно основным положениям космического синтаксиса язык не только, как известно, репрезентирует окружающую реальность, но и сам язык (слово, предложение) может экстраполироваться, проецироваться на мироздание, вселенную [36, с. 37]. Таким образом, возможно понимание окружающей реальности и вселенной вообще как субъектно-предикатной структуры [36, с. 23]: именно по данной причине В. С. Юрченко избирает в качестве единицы космического синтаксиса не слово с определенным значением и смыслов, как, например, А. Ф. Лосев [22, с. 49-50] и С. Н. Булгаков [3, с. 17-18] (последний писал «слова, как первоэлемент мысли и речи, суть носители мысли... это самосвидетельство космоса в нашем духе, его звучание» [3, с. 21]), а именно предложение (высказывание) с определенной субъектно-предикатной структурой [36, с. 22]. Следует отметить, что, развивая положения космического синтаксиса, нам нужно будет учитывать и аргументную структуру предиката (его согласование с основными членами предложения), и контенсивно-типологические особенности основной единицы космического синтаксиса, и возможность существования слов-предложений (например, в полисинтетических языках) и мн. др. Кроме того, при этом неизбежно поднимаются проблемы эколингвистического характера: как слово влияет/воздействует на мир и социум, за счет чего возможно сохранение и поддержание разнообразия как внутри одного языка, так и в определенных языковых ареалах, и вообще в мире и т.д.

Перейдем теперь от теоретических рассуждений к практике. Следует для начала отметить крайне важный факт, что палеоазиатские языки не являются генетическим объединением: это подчеркивается как современными исследователями, в частности, А. П. Володиным [8, с. 8], так и в классических исследованиях. Так, А. П. Володин пишет о том, что Л. И. Шренк, который впервые ввел термин «палеоазиатские языки» в науку, не предполагал, что эти языки связаны генетическим родством [8, с. 8]. Об этом

же сообщает в своей статье о палеоазиатских языках и Г. К. Вернер [6, с. 357]. Согласно данным цитируемых выше авторов, Л. И. Шренк полагал, что палеоазиатские народности – это остатки древнейшего автохтонного населения Северной Азии, вытесненные в современные места обитания за счет миграций носителей алтайских (тюрских, монгольских, тунгусо-маньчжурских) языков [8, с. 8], [6, с. 357]. Частично они были ассимилированы алтайскими народами, некоторые из них мигрировали в Новый Свет [6, с. 357]. В частности, это следует из работ Э. Вайды [43], [44], обнаружившего признаки генетического родства между современными енисейскими языками и языками североамериканских индейцев на-дене.

В рамках данной работы мы придерживаемся мнения о том, что палеоазиатский языковой ареал представляет собой в большей степени географическое объединение, хотя ряд языков из него может быть связан между собой генетическим родством. Традиционный состав этого объединения следующий: чукотско-камчатские языки, эскимосско-алеутские языки, енисейские языки, юкагиро-чуванские языки (единственный ныне сохранившийся представитель – юкагирский язык), нивхский язык (изолят) [8, с. 8]. По ряду причин, как лингвогеографического, так и собственно лингвистического характера, А. П. Володин относит сюда также изолированный айнский язык и язык бурушаски [8, с. 8]. Далее мы рассмотрим причины, почему именно эти два языка также можно включить в палеоазиатское объединение.

Теперь рассмотрим основные паттерны, характеризующие палеоазиатские языки. Все эти языки можно отнести с точки зрения формальной типологии к агглютинативному типу [8, с. 9] (хотя, как показывает В. М. Алпатов, в айнском языке содержатся отдельные элементы флективности [1, с. 129]). С точки зрения морфосинтаксической техники в палеоазиатских языках различаются два способа образования словоформ: по т.н. алтайскому типу (корень всегда стоит в абсолютном начале слова) и по т.н. кавказскому типу (в начале слова могут оказываться и служебные морфемы) [8, с. 9-10]. Агглютинацию по алтайскому типу демонстрируют эскимосско-алеутские языки [8, с. 9]. Агглютинацию по кавказскому типу демонстрируют енисейские, чукотско-камчатские языки и айнский язык [8, с. 9-10]. Кроме того, согласно анализу А. П. Дульзона [13, с. 6; 583], кетский язык как яркий представитель енисейской семьи является языком полисинтетическим и инкорпорирующим, что сближает его с рядом северокавказских языков и языков Северной Америки, что было строго показано значительно позже С. А. Старостиным [29], С. Л. Николаевым [38] и в уже упоминавшихся работах Э. Вайды [43], [44]. Однако, А. П. Дульзон идет дальше и сближает кетский язык с другими индейскими языками [13, с. 583-584], в которых имеются полисинтетизм и инкорпорация, в частности, ссылаясь на работу Л. Блумфилда о языке оджибве (алгонкинский язык) [цит. по 13, с. 583]. О типологических сходствах между енисейскими языками (точнее, праенисейским) и алгонкинскими языками пишет и Г. А. Климов [16, с. 178-179], см. также анализ Х.-Ю. Пинновым согласования глагольного предиката с аргументом в алгонкинских языках в зависимости от его одушевленности/неодушевленности [40, с. 58], которая типологически во многом схожа с реализацией данной категории в кетском языке [13, с. 65]. Сравнивается А. П. Дульзоном енисейские языки и с языком такелма (такелма-калапуйянская семья, распространенная в Калифорнии) [6, с. 583]. Кроме того, им же замечено сходство в употреблении форманта пассива в кетском языке и в языке кус (ханис, кусская семья языков Орегона), как на типологическом, так и на материальном уровне [13, с. 584]. Найдено, правда, достаточно мало словарных совпадений [13, с. 584], однако, несомненным является факт, что «отдаленных родственников» енисейских языков, помимо семьи на-дене, следует искать на

американском континенте. В этом отношении примечательно наблюдение Х. К. Уленбека об употреблении префиксов 1 л. ед. ч. и 2 л. ед. ч. в посессивной функции в различных языках коренного населения Северной Америки (алгонкинских, такелма, хайда, на-дене, сиу, мускогских, цимшианских и мн.др.) [31, с. 198-203], с которым сравнивает А. П. Дульзон факты кетского языка [13, с. 583].

Аффиксацию по кавказскому типу демонстрирует и выше упоминавшийся язык бурушаски, который располагает широким набором префиксов, суффиксов и даже инфиксов, которые используются в образовании глагольных словоформ [17, с. 53-56]. Помимо прочего, язык бурушаски отдаленно связан с енисейскими языками «узами» генетического родства, что отмечается как в классических трудах В. Н. Топорова [30] и А. П. Дульзона [13, с. 582-583], так и в обзоре недавнего времени Вяч. Вс. Иванова [15, с. 137], причем обоснование вхождения бурушаски в сино-кавказскую макросемью он делает со ссылкой на лекцию С. А. Старостина (в которой, вероятно, и содержалось данное доказательство) [15, с. 137]. Таким образом, отнесение бурушаски к палеоазиатским языкам, отмеченное в работе А. П. Володина, правомерно по причинам как формально-типологического, так и континентально-типологического характера [8, с. 10].

Полисинтетизм и инкорпорация характерны и для чукотско-камчатских языков [8, с. 9], за исключением, ительменского языка, в котором инкорпорация отсутствует [9, с. 21]. На этом основании иногда предлагается исключить ительменский язык из числа чукотско-камчатских языков и считать его отдельным изолированным языком [9, с. 13]. Кроме того, по некоторым свойствам, связанным с континентальной типологией, ительменский также может быть выделен как язык-изолят.

А. П. Володин на основании вышеизложенного, в том числе, на основании того, что чукотско-камчатские языки обладают двусторонней аффиксацией (мы выше характеризовали ее как кавказский тип аффиксации, но он распространен и в Северной Америке) полагает, что родственников чукотско-камчатским языкам (за исключением ительменского) следует искать в Новом Свете [9, с. 14]. Наиболее близкой ему представляется атабаскская ветвь семьи на-дене [9, с. 14] – большая группа языков, распространенная в Северной Америке от Аляски на Севере до Калифорнии, Нью-Мексико, Аризоны и северных областей Мексики на юге [42, с. 73]. Атабаскские языки также являются полисинтетическими [41, с. 517; 533-534]. Существует гипотеза и о родстве чукотско-камчатских языков с языками алгонкино-вакашской (алмосанской) филы, кересскими языками и языками сиу, см. работу [37].

Особый случай представляют юкагирский и нивхский языки. Во втором выделяется слабо развитая префиксация, что позволяет отнести его к группе палеоазиатских языков, обладающих двусторонней агглютинацией по «кавказскому» или «североамериканскому» типам [8, с. 9] (на этом основании нивхский иногда сопоставляют с языками Северной Америки, см. работу С. Л. Николаева о родстве нивхского с языками алмосанской филы, прежде всего, с алгонкинскими, ритванскими и вакашскими [39, с. 25-26]). Нивхский же иногда, например, в работе Е. А. Крейновича, относят к полисинтетическим языкам с инкорпорацией [19, с. 21-22]. В юкагирском же языке, по замечанию того же Е. А. Крейновича, префиксация все же обнаруживается, хотя она и слабо развита [20, с. 20-21], при этом, она играет существенную роль в глагольной морфологии (при том, что остальные грамматические значения глагола в юкагирском языке передаются суффиксами [20, с. 118]). Таким образом, юкагирский также возможно отнести к языкам с двусторонней аффиксацией по «кавказскому» типу.

В плане контенсивной типологии основными паттернами палеоазиатских языков являются [8, с. 9-10]:

- эргативный паттерн: чукотско-камчатские (за исключением ительменского), эскимосско-алеутские, юкагирский (так утверждает, в частности, Г. К. Вернер [6, с. 358], юкагирский представляет собой особый случай эргативности), бурушаски [17, с. 35-36].

- номинативный паттерн: ительменский, нивхский, енисейские, айнский.

Енисейские языки и айнский язык содержат в своем строе значительное количество элементов активного построения, см., в частности, работу Г. К. Вернера о реликтовых признаках активного строя в кетском языке [7] и работы В. М. Алпатова об особенностях контенсивной типологии айнского языка [1, с. 135], [2]. Особый вариант кодирования актантов представлен в юкагирском языке. Здесь основа глагольной морфологии – деление всех глаголов на переходные и непереходные [20, с. 118; 129-131; 145-146] (что типично для языков эргативного построения) сочетается с особенностями тема-рематического членения предложения [24, с. 160-163]. Поэтому в ряде случаев основные конструкции юкагирского языка возможно классифицировать как эргативно-номинативные [24, с. 166]. В целом же его можно охарактеризовать как язык, сочетающий в себе как эргативную и номинативную, так и тема-рематическую стратегию кодирования актантов. В этом отношении представляется интересным анализ У. Чейфом эргативных конструкций в аспекте тема-рематического членения, т.е., распределения «старой и новой информации», по У. Чейфу [34, с. 265-266].

Таким образом, можно перечислить те паттерны палеоазиатских языков, которые являются фреквенталиями (термин Б. А. Серебренникова [27, с. 73]) для данного объединения:

- агглютинативный способ конструирования словоформы с точки зрения формальной типологии;

- эргативная стратегия кодирования глагольных актантов с теми или иными вариациями либо номинативная с реликтовыми импликациями активного строя;

- наличие полисинтетизма и инкорпорации (отсутствует в ительменском, дискуссионное положение касательно нивхского и айнского, см., однако [1, с. 129], [19, с. 32-33]);

- слабая формальная разграниченность частей речи (нехарактерно для айнского [1, с. 129]), что сближает эти языки с языками Северной Америки, см. анализ Ч. Хоккетта противопоставления имени и глагола в языке нутка (вакашские языки) [33, с. 48-49], см. также признаки синкретизма имени и глагола в енисейских языках [5, с. 173], [14, с. 50-53];

- слабая формальная выделенность имени прилагательного и имени числительного, что особенно характерно для кетского [13, с. 92] и юкагирского языков [24, с. 159]. В кетском языке категория числительного вообще слабо развита, простых производных названий чисел имеется всего лишь 8-10 [13, с. 123] (ср. с упомянутым нами выше анализом Д. Эвереттом системы числительных в языке пирраха). В ряде случаев кетский язык просто заимствует соответствующие русские числительные, преобразуя их по собственным фонетическим законам [13, с. 131; 133; 134]. В юкагирском языке числительное в большинстве случаев составляет подкласс глагола [24, с. 159];

- тяготение к вершинному маркированию, что особенно касается языков, где имеется полисинтетизм: в предложении доминирует глагольная словоформа [6, с. 358];
- из синтаксических паттернов преобладает простое предложение [6, с. 358], простых предложений количественно больше, чем сложных, последние не получили большого развития.

Представляется, что такое ареальное распределение особенностей палеоазиатских языков не доказывает того, что все они связаны между собой генетическим родством, даже отдаленным. Принцип цивилизационных ограничений на трансфер знаний и принцип Эверетта могут объяснить появление этих ареальных особенностей. Материальная культура, условия жизни и общественного быта ряда палеоазиатских народов являются схожими, что, согласно принципу Эверетта, и породило схожести в структуре языков этих народов. Много у этих народов общего и в культуре духовной, что также может свидетельствовать в пользу справедливости гипотезы Эверетта. Часть же ареальных особенностей палеоазиатских языков представляют собой следы древних миграций и древних языковых контактов (коммуникации), когда за счет информационного обмена (трансфера) контактирующие языки приобретали общие черты. Возможно, на это наслонились субстратные явления (что касается, в частности, ительменского и юкагирского языков) или другие типы формирования в нетривиальных социокультурных условиях. Что же касается вопроса о внешних связях (т.е., путях древних миграций, путях распространения и трансфера соответствующего лингвокультурного фонда), то вопрос о родственных связях енисейских, чукотско-камчатских языков и нивхского языков уже затрагивался выше. Урало-юкагирская же гипотеза, по мнению П. Хайду, является недоказуемой [32, с. 168], и реконструкция урало-юкагирского праязыка, как пишет сам исследователь, «заведомо безнадежна и заранее обречена на неудачу» [32, с. 169]. То же самое П. Хайду относит и к гипотезам об урало-эскимосско-алеутском и урало-чукотско-камчатском родстве [32, с. 168]. Г. А. Меновщиков по ряду причин считает необоснованной гипотезу о родстве эскимосско-алеутских языков с уральскими, алтайскими и индоевропейскими языками [23, с. 14-15]. Сходство между чукотско-камчатскими и эскимосско-алеутскими языками он объясняет длительными временем языковых контактов, длительным временем сосуществования различных языковых типов и конвергентным развитием [23, с. 14]. Приходится констатировать, что вопрос о родственных связях юкагирского языка и эскимосско-алеутских языков на данном периоде развития языкознания не может быть удовлетворительно решен. Гипотетически, юкагирский язык может быть как языком древнейшего автохтонного населения Северной Азии, так и быть родственным языкам Нового Света (что представляется нам более вероятным). Однако, все выдвигаемые на этот счет гипотезы нуждаются в комплексном обосновании. Что же касается айнского языка, то он являет собой классический пример языка-изолята, родственных связей для которого, по словам В. М. Алпатова с надежностью так выяснить и не удалось [1, с. 126]. В качестве гипотезы, основанной на ряде как лингвистических, так и экстралингвистических факторов, можно сделать предположение о том, что отдаленных «родственников» айнскому языку следует искать в Австралии или на Новой Гвинее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. М. Айнский язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. М.: Изд-во «Индрик», 1997. С. 126-138.

2. Алпатов В. М. К типологической характеристике айнского языка // Вопросы языкознания. 1983. № 5. С. 81-86.
3. Булгаков С. Н. Философия Имени. СПб.: Наука, 1998. 448 с.
4. Вдовиченко А. В. Лингвистические и внелингвистические основания «всеобщего», «универсального», «личностного», «национального», «культурно-специфического» и прочего знания // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии. Отв. ред. В. В. Фещенко. М.: Культурная революция, 2016. С. 124-149.
5. Вернер Г. К. Енисейские языки // Языки мира. Палеоазиатские языки. М.: Издательство «Индрик», 1997. С. 169-177.
6. Вернер Г. К. Палеоазиатские языки // Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 357-358.
7. Вернер Г. К. Реликтовые признаки активного строя в кетском языке // Вопросы языкознания. 1974. №1. С. 34-45.
8. Володин А. П. Палеоазиатские языки // Языки мира. Палеоазиатские языки. М.: Изд-во «Индрик», 1997. С. 8-11.
9. Володин А. П. Чукотско-камчатские языки // Языки мира. Палеоазиатские языки. М.: Изд-во «Индрик», 1997. С. 12-22.
10. Даль Э. Возникновение и сохранение языковой сложности. Пер. с англ. Д. В. Сичинавы. М.: Издательство ЛКИ, 2009. 560 с.
11. Демьянков В. З. Цивилизационные и культурные ограничения на трансфер знаний в свете концепции В. Н. Телия // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей памяти В. Н. Телия. Вып. 53. Отв. ред. серии В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 86-90.
12. Докинз Р. Эгоистичный ген. Пер. с англ. Н. Фоминой. М.: АСТ: Corpus, 2014. 512 с.
13. Дульзон А. П. Кетский язык. Томск: Издательство ТГУ, 1968. 636 с.
14. Живова Г. Т. Признаки синкретизма имени и глагола в кетском языке // Вопросы строя енисейских языков: сборник научных трудов. Отв. ред. Е. И. Убрятова. Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1979. С. 49-54.
15. Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему. М.: Языки славянской культуры, 2004. 208 с. (серия Studia Philologica).
16. Климов Г. А. Типология языков активного строя. Изд. стереотип. М.: URSS, 2016. 320 с.
17. Климов Г. А., Эдельман Д. И. Язык бурушаски. Отв. ред. В. М. Солнцев. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2018. 112 с. (серия «Языки народов мира»).
18. Кравченко А. В. От языкового мифа к биологической реальности: переосмысляя познавательные установки языкознания. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2013. 388 с. (серия «Разумное поведение и язык»).
19. Крейнович Е. А. Об инкорпорировании в нивхском языке // Вопросы языкознания. 1958. №6. С. 21-33.
20. Крейнович Е. А. Юкагирский язык. Л.: Ленинградское отделение издательства АН СССР, 1958. 289 с.
21. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования. М.: ИЯ РАН; Знак, 2012. 208 с. (серия «Разумное поведение и язык»).
22. Лосев А. Ф. Философия имени. М.: Изд-во Московского университета, 1990. 269 с.

23. Меновщиков Г. А. Эскимосско-алеутская языковая общность и ее отношение к другим языкам // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Материалы всесоюзной конференции 14-16 июня 1973 г. Томск: Изд-во ТГУ, 1973. С. 11-15.
24. Николаева И. А., Хелимский Е. А. Юкагирский язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. М.: Изд-во «Индрик», 1997. С. 155-168.
25. Проскурин С. Г., Проскурина А. В. Культурные трансферы и тексты. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. 176 с.
26. Проскурина А. В. Трансляция информации во времени и в пространстве: эгоистичный мем // Идеи и идеалы. 2017. № 2(32). Т. 2. С. 120-131.
27. Серебренников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике. Предисл. К. Г. Красухина. Изд. 2-е., стер. М.: КомКнига, 2005. 376 с.
28. де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. Ред. Ш. Балли и А. Сеше. Пер. с фр. А. Сухотина. Под общ. ред. М. Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. 432 с.
29. Старостин С. А. Гипотеза о генетических связях сино-тибетских языков с енисейскими и северокавказскими языками // С. А. Старостин. Труды по языкознанию. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 265-282.
30. Топоров В. Н. К вопросу о типологической близости енисейских языков и бурушаски // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Материалы межвузовской конференции 11-13 мая 1969 г. Томск: Изд-во ТГУ. С. 217-220.
31. Уленбек К. Х. Идентифицирующий характер possessивной флексии в языках Северной Америки // Эргативная конструкция предложения. Сост. Е. А. Бокарев. Вступ. ст. А. С. Чикобава. М.: Изд-во иностранной литературы, 1950. С. 186-207.
32. Хайду П. Уральские языки и народы. Пер. с венг. Е. А. Хелимского. Под ред. К. Е. Майтинской. Предисл. Б. А. Серебренникова. М.: Прогресс, 1985. 432 с.
33. Хоккетт Ч. Проблема языковых универсалий. Пер с англ. Е. Л. Гинзбурга и В. З. Санникова // Новое в лингвистике. Выпуск V (языковые универсалии). Под ред. и с предисл. Б. А. Успенского. М.: Изд-во «Прогресс», 1970. С. 45-76.
34. Чейф У. Л. Значение и структура языка. Пер. с англ. Г. С. Щура. М.: «Прогресс», 1975. 432 с.
35. Эверетт Д. Л. Не спи – кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей. Пер. с англ. И. В. Мокина, П. С. Дронова, Е. Н. Панова. Сост. А. Д. Кошелев. М.: Издательский дом ЯСК, 2016. 384 с. (серия «Разумное поведение и язык»).
36. Юрченко В. С. Философия языка и философия языкознания: лингвофилософские очерки. Отв. ред. Э. П. Кадькалова. Вступ. ст. О. Б. Сиротининой, Э. П. Кадькаловой. Изд. 3-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 368 с. (серия «История лингвофилософской мысли»).
37. Mudrak O., Nikolaev S. Gilyak and Chukchi-Kamchatkan as Almosan-Keresiouan languages: lexical evidence (preliminary report) // Explorations in language macrofamilies. Bochum: Dr. Norbert Brockmeyer, 1991. Pp. 67-87.
38. Nikolaev S. Sino-Caucasian languages in America // Dene-Sino-Caucasian languages. Ed. by V. Shevoroshkin. Bochum: Brockmeyer, 1991. Pp. 42-66.
39. Nikolaev S. Toward the reconstruction of Proto-Algonquian-Wakashan. Part 1: Proof of Algonquian-Wakashan relationship // Journal of language relationship. 2015. 13/1. Pp. 23–61.
40. Pinnow H.-J. Die nordamerikanischen Indianersprachen: ein Überblick über ihren Bau und ihre Besonderheiten. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1964. 138 S.
41. de Reuse W. J. Western Apache, A Southern Athabaskan language // The Oxford Handbook of polysynthesis. Ed. by M. Fortescue, M. Mithun and N. Evans. Oxford: Oxford University Press, 2017. Pp. 517-535.

42. Tuttle S. G., Hargus S. Explaining variability in affix order: The Athabaskan areal and third person prefixes // Working papers in Athabaskan languages. №4. Fairbanks: Alaska Native Language Center, 2004. Pp. 70-98.

43. Vajda E. A Siberian link with the Na-Dene // Anthropological Papers of the University of Alaska. 2010. Volume 5. New Series. Pp. 31-99.

44. Vajda E. Yeniseian, Na-Dene, and Historical Linguistics // Anthropological Papers of the University of Alaska. 2010. Volume 5. New Series. Pp. 100-118.

S. S. Kalinin

AREAL PECULIARITIES AND NEAR-UNIVERSALS OF PALEO-SIBERIAN LANGUAGES AND THEIR EXTERNAL RELATIONSHIPS IN THE LIGHT OF THE THEORY OF CIVILIZATIONAL RESTRICTIONS ON KNOWLEDGE TRANSFER

The article describes the main areal features of the Paleo-Siberian languages, which relate primarily to the level of their grammar and typology. The main near-universals which are typical for this areal group of languages are listed. In this paper, the areal Paleo-Siberian (Paleo-Asiatic) group is understood more broadly than in traditional studies on this topic: among other things, it includes the Burushaski language and the Ainu language, taking into account the actual linguistic material and typological features. The author makes an attempt to trace the formation of the analyzed areal features of these languages on the basis of the theory of civilizational restrictions on the knowledge transfer and so-called the Everett's principle (Everett's hypothesis). In the course of the presentation, the external relationships of a number of Paleo-Asiatic languages are discussed, especially the Dene-Yeniseian theory as well as the external relationships of Yeniseian languages with other language groups and families of North America. In concluding the work, a number of hypotheses are given and are discussed about the external relationships of some languages, data of whose genetic relationships are controversial and need to be more precise. Especially, the Uralic-Yukaghir hypothesis is discussed and the Ainu problem is described with some alleged methods of its solution.

Key words: *Paleo-Siberian languages, language relationship, knowledge transfer, civilizational restrictions on knowledge transfer, indigenous languages of North America.*

УДК 81`28

С.А. Кошарная

*ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»*

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКЕ РЕГИОЛЕКТА БЕЛГОРОДЧИНЫ

Региолект Белгородчины рассматривается в статье как языковая система языкового и этнокультурного пограничья. Относительная «маргинальность» данной лингвосистемы сближает её с диалектами территорий позднего заселения. Явления лингвокультурного пограничья нередко обусловлены влиянием «извне». В то же время говоры Белогорья в целом являются русскими в своей основе и по своему происхождению, в силу чего на территории Белгородчины наблюдается столкновение различных этноязыковых потоков и традиции.

Ключевые слова: *региолект, диалектизм, регионим, украинизм, пограничье.*

«В настоящее время происходит переосмысление места порубежных пространств <...>. Обращается внимание на значительный потенциал пограничий (культурный, экономический, политический)» [4, с. 116-117]. Так, особое место в современных диалектологических исследованиях занимают говоры пограничья, к последним относятся региолект и говоры Белгородской области.

Исследователи справедливо считают белгородские говоры уникальными в своей основе (Г.В. Денисевич, В.П. Загоровский, Н.Г. Шубина и др.). Это связано с тем, что они прошли довольно длительный период формирования и явились средоточием особого мировосприятия, духовных и культурных ценностей жителей Белгородчины. Специфика белгородских говоров в первую очередь связана с тем, что они представлены говорами с исконно русской языковой основой и говорами с украинской основой. Это сосуществование и взаимодействие предопределило довольно сложный диалектный ландшафт территории Белгородской области.

Формирование региональных языковых особенностей началось, по мнению учёных, ещё в ранние эпохи феодализма. Исследователи, изучавшие историю Белгородского края (А.И. Дудка, В.В. Овчинников, А.И. Папков, В.А. Шаповалов и др.) говорят о существовании на его территории в XII веке трёх поселений. Это город, расположенный недалеко от современного села Крапивное Шебекинского района, крепость на Холковском городище, а также город и крепость на Хотмыжском городище. Однако во время монголо-татарского нашествия эти города были полностью разрушены.

Таким образом, историками установлено, что во времена Киевской Руси на территории современной Белгородской области жили славяне, а после татаро-монгольского нашествия XIII века Белгородчина надолго опустела. Неслучайно степные земли к югу от Рязанского княжества назывались в течение нескольких веков *Диким полем*, ставшим открытой дорогой для крымских татар и кочевников, совершавших набеги на Московское государство. В этот период здесь, по мнению исследователей, практически не было славянских поселений.

Лишь с конца XVI века началось новое заселение Белгородского края: были основаны города Белгород, Старый Оскол и Валуйки. Уже в первой четверти XVII века на территории современной Белгородской области было 3 уезда – Белгородский, Оскольский и Валуйский. В Белгороде проживало более 12 тысяч человек. С этого же времени начинается массовое поселение на Белгородчине украинцев, бежавших от социально-религиозного гнёта польско-литовской и украинской шляхты. Этому переселению благоприятствовало стремление московских правителей к славянизации окраин, в положении которых оказались южные лесостепные и степные области [2, с. 82].

В середине XVII века для обороны от набегов крымских татар была сооружена Белгородская оборонительная черта, которая протянулась по современным областям – Сумской (территория нынешней Украины), Белгородской, Воронежской, Липецкой и Тамбовской. На этой территории возникло 20 городов, судьба которых сложилась по-разному. В окрестностях городов-крепостей возникали села и деревни, основанные русскими служилыми людьми.

Исследуя отношения на территории порубежья Российского царства и украинских земель Речи Посполитой, историк А.И. Папков пришёл к выводу о том, что «интересы России на южной окраине определялись не хозяйственными, а стратегическими соображениями» [5, с. 68-69].

Заселение территорий современных Воронежской, Белгородской и Харьковской областей происходило практически одновременно как с севера русскими служилыми людьми, так и с запада украинскими казаками и крестьянами. Царское правительство было заинтересовано в переселении украинцев: это позволяло укреплять южные границы. Таким образом, в XVII – XVIII веках в верховьях Ворсклы, Северского Донца, Нежеголи и Оскола возникли целые украинские поселения. Поселения, в которых жили украинцы, назывались *слободами* (отсюда и название земель – *Слобожанщина*).

По-видимому, с этого времени начинается формирование диалектов, представляющих сплав материнских южнорусских говоров и говоров украинского языка.

«Во время проведения первой ревизии населения Российской империи в начале двадцатых годов XVIII века западные и центральные районы современной Белгородской области находились в составе Белгородской провинции Киевской губернии, а восточные районы – в составе Воронежской провинции Воронежской губернии. Граница между Воронежской и Белгородской провинциями проходила по границе современного Валуйского района с Вейделевским районом, далее по центру Красногвардейского района и по границе Красногвардейского и Волоконовского районов. На юго-востоке современной Белгородской области находились Верхососенский (северо-запад Красногвардейского района) и Усердский (Алексеев. и центр Красногвардейского района) уезды Воронежской провинции, а также Полатовский (юг Красногвардейского и восток Волоконовского районов), Новооскольский и Валуйский уезды Белгородской провинции. Территория современного Ровеньковского района входила в состав Острогожского слободского полка» [1].

При этом, как указывает А.А. Бережной, «по данным переписи малороссиян 1748 г., <...> основную часть населения составляли украинцы, жившие на землях российских помещиков, однодворцы и помещичьи крестьяне. <...> Большинство населения всех трех юго-западных уездов Воронежского наместничества составляли украинцы, жившие на землях российских помещиков» [Там же].

Всё это не могло не сказаться на языковом «портрете» края. И в этой связи встает «основной вопрос» – о том, каким образом следует квалифицировать этот особый язык (региолект) пограничья с Украиной, в котором будто бы присутствует значительное количество прямых заимствований.

На первый (поверхностный) взгляд, региолект Белогорья схож с суржилом, который традиционно трактуется как результат наложений на русскую или украинскую основу. Однако в нашем случае речь идёт о непротиворечивом сосуществовании элементов двух языков, проявляющемся в обилии лексических вариантов. Подобные явления проф. М.В. Федорова квалифицировала как феномен констрата [10]. Особое географическое, а как следствие – лингвокультурное, положение Белгородской области (близость границы с Украиной, смешанный состав населения) обусловило наличие констратных наименований в говорах региона: это не просто проникновение большого количества украинизмов в лексику белгородских диалектов, а изначальное их присутствие в связи с особенностями заселения края: лишь «к концу XVI в. в составе России появляются Орел (1566 г.), Воронеж (1586 г.), Белгород (1593 г.), Курск (1597 г.). <...> Названные процессы повлекли за собою интенсивное междиалектное взаимодействие» [8, с. 207].

В этом взаимодействии нет наложения, но есть сосуществование двух «языковых течений», выступающих в виде двух равноправных источников, внутри особой

региональной разновидности языка. Большинство диалектов Белгородской области являются собой результаты этого смешения, или сращения, то есть речь в данном случае не идет о заимствованиях из украинского языка, как это было бы в случае с суржилом: в белгородских говорах, граничащих с Украиной, мы имеем не одну базовую основу в виде конкретного языка, на которую накладываются элементы другой языковой системы, а две основы, взаимодействие которых повлекло возникновение особого местного региолекта.

Примечательно, что «колонизация» Русского Севера приходится на тот же исторический период, в который возводятся крепости Белгородской засечной черты (после XV в., то есть уже после завершения процесса формирования русского языка). Население территорий, на которых функционируют так называемые «вторичные» говоры, сформировалось достаточно поздно: самые ранние из таких говоров складываются только в XVI-XVII вв., в том числе в нижнем течении Дона.

На «Диалектологической карте русского языка» 1914 года (составленной коллективом ученых, в который входили Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколов, Д.Н. Ушаков), показано, что большая часть территории современной Белгородской области находится за пределами распространения материнских говоров. В частности, это территории современных Валуйского, Корочанского, Грайворонского и др. (ныне – пограничных) районов.

Некоторые особенности проживания русского этноса на Севере и на Юге зеркально отражают друг друга. Так, в северных сёлах, расположенных на территории Коми республики, жители нередко разграничивают «русский конец» и «коми конец». Равным образом, на территории Белгородской области в некоторых населенных пунктах говорят о противопоставлении «русского конца» и «украинского». В то же время это не абсолютное тождество «противоположений». Дело в том, что на Севере речь действительно идет о разноязычных этносах: славянском и финно-угорском. На Юге вопрос об этнических различиях в диахронии оказывается, скорее, чисто географическим, территориальным.

Косвенным доказательством здесь может служить само отношение носителей говоров к номинациям «москаль» и «хохол», которые выступают здесь не в качестве уничижительных (поскольку, используя данные «маркеры», могут характеризовать не только другого, но и самого себя) и даже не в качестве определения национальности, но, скорее, являются определением «ведущего» начала в том или ином разговорном варианте русского (не украинского – в своей основе) языка (меньше или больше украинизмов).

О смешении двух разговорных стихий на Белгородчине свидетельствуют и фамильные антропонимы, образованные от данных основ. Так, от основы *хохол* образуется фамилия *Хохлов* (с русским фамильным формантом *-ов*). Известно, что фамилии на *-ов/ев* относятся к образованным от личных прозвищ, которые, в свою очередь, могли быть образованы от предметных существительных или прилагательных [9, с. 117]. В то же время от основы слова *москаль* образуется фамилия *Москаленко* (с украинским фамильным формантом *-енко*). По наблюдениям Т.Н. Романовой, фамилии на *-енк-о* типа *Бондаренко* встречаются прежде всего в восточных и северо-восточных областях Украины [6].

По мнению ряда исследователей украинского языка, по своему происхождению такие фамилии характерны в основном для жителей районов, пограничных с Россией, а для украинцев западных областей более характерны фамилии, заканчивающиеся на *-чук*, *-ив*, *-ий*, и фамилии, образованные от прозвищ, профессий и т.п., например: *Черновол*, *Беловол*, *Гончар* и подоб., поэтому вопрос о квалификации так называемых

«украинизмов» в белгородском региолекте не может быть решен однозначно, по крайней мере, в диахронии.

Например, в этом контексте представляют особый интерес номинации, известные украинскому языку и функционирующие в диалектах и региолекте Белогорья. Например, широко распространенные по области регионимы *бурак/ буряк* (ср. укр. *буряк* – ‘сахарная свёкла’), *гáрбуз / гарбу́з* (ср. укр. *гарбуз* – ‘тыква’) и некоторые др., казалось бы, отражают украинское влияние. Однако всё не так однозначно, поскольку география слова *бурак/буряк*, запечатленная в сводном «Словаре русских народных говоров», позволяет предположить его исконность в региолекте Белгородчины как собственно русского образования [7, с. 279-280, 301]. В частности, исконно русские – новгородские, псковские – диалекты, в которых фиксируется данная лексема, ставят под сомнение украинское происхождение фитонима.

Номинанта *гарбуз*, восходящая к тюркскому наименованию и проникшая в белгородские говоры через посредство польского и украинского языков, представлена двумя фонетическими (акцентными) вариантами и отличается полисемией в региолекте Белгородчины (в отличие от украинского языка), что также позволяет предположить её раннее проникновение в говоры Белогорья.

В обоих случаях перед нами – элементы региолекта, широко распространённые по области. Частным проявлением и еще одним доказательством статуса регионима для подобных образований является их способность к генерированию имен собственных: фитоним *гáрбуз* становится основой для фамильных антропонимов *Гарбуз, Гарбузов*, бытующих на территории области, и для топонима *Гарбузово* (село в Алексеевском районе).

В то же время здесь имеются и прямые заимствования, например, *кавун* – ‘арбуз’. Но, попадая в иноязычные говоры, украинизм подвергается встречному воздействию, переживая своеобразную ассимиляцию в принимающем языке (диалекте). Слово вступает в системные отношения внутри региолекта, проявляет словообразовательные потенции. Так, вариативные украинские фитонимы *кавун* и *каун* образуют фамилии *Кавун, Каун*.

Подобные лексемы распространены не только в целом ряде районов области, граничащих с Украиной (Ровенском, Грайворонском, Шебекинском и др.), но и в районах, которые не контактируют непосредственно с Украиной (Губкинский, Старооскольский, Чернянский и др.), что свидетельствует об историческом (уходящем в глубокое прошлое) взаимодействии белгородских говоров с пограничными диалектами Украины и смешении разноязычной диалектной лексики в микросистемах белгородских говоров.

Исходя из лингвокультурологического анализа с привлечением авторитетных словарей, можно сделать некоторые выводы, которые нашли подтверждение при анализе различных тематических групп регионально маркированной лексики Белгородской области.

Несмотря на особое географическое, а как следствие – лингвокультурное, положение Белгородской области (близость границы с Украиной, смешанный состав населения), вопрос о квалификации так называемых «украинизмов» в белгородском региолекте не может быть решен однозначно, по крайней мере, в диахронии. Данный термин как будто вполне уместен, так как территория ряда районов современной Белгородской области заселялась в XVI-XVII веке в основном украинскими переселенцами из восточной Черниговщины, Полтавщины и слобожан Правобережья Украины. В то же время первыми переселенцами были русские люди из современных Орловской и Тульской областей: переселенцы несли караульную службу и

одновременно занимались земледелием, скотоводством и бортничеством. Поскольку это были служивые люди (стрельцы, пушкари), специфика их воинской деятельности нашла отражение в топонимике области: с. *Стрелецкое*, с. *Пушкарное*, с. *Драгунское*. Отметим, что подобные топонимы фиксируются по всей засечной черте, хотя в Белогорье обнаруживается своеобразие таких ойконимов, проявляющееся в их грамматическом оформлении. Так, в Тульской области, где для охраны государственных границ также селились служивые люди, имеются ойконимы *Пушкари*, *Стрельцы* и подоб., омонимичные формам множественного числа нарицательных имен *пушкари*, *стрельцы*. На Белгородчине аналогичные топонимы оформляются как прилагательные, согласуемые со словом *село* (*Пушкарное*, *Стрелецкое*, *Казацкое*), подчеркнём: *село* (ср.р.), а не *слобода* (что детерминировало бы женский род субстантива).

На момент возникновения региолекта Белогорья украинского языка как самостоятельного этнолингвистического образования еще не существовало, а потому речь должна идти об историческом взаимовлиянии южнорусских (и даже среднерусских – как привнесенных, исходя из особенностей заселения края) и малороссийских диалектов, сложившихся на территории слободской окраины Российского государства. При этом так называемые «украинизмы» зачастую оказываются архаичнее по своим формальным приметам и семантическому наполнению, нежели соответствующие им русизмы, поэтому речь идет о сохранении на окраине государства архаичных языковых черт в силу удаленности от центра, что характерно окраинным говорам вообще, в частности, окраинным севернорусским диалектам и говорам территорий позднего заселения, о чем свидетельствуют материалы наших более ранних полевых исследований, произведенных на территории Коми республики [3]. Следовательно, не всегда бытование того или иного слова, имеющего аналог в украинском языке, следует связывать с заимствованием. В частности, это демонстрируют сравнения с фактами говоривших, далёких от пограничья с Украиной.

Регионимы пограничья могут быть гораздо более древними по происхождению, нежели возникший сравнительно недавно (по историческим и языковым меркам) – в XVIII-XIX вв. – украинский язык, и восходить непосредственно к древнерусскому лексическому наследию. Даже такие «очевидные», казалось бы, заимствования из украинского, как *бурак/буряк* могут быть осмысленны и как исконные для русских говоривших образования в силу их широкого распространения по собственно русской территории.

Таким образом, белгородские диалекты в своей специфике сопрягаются с диалектами территорий позднего заселения (системные параллели, имеющиеся в говорах Белогорья, Русского Севера и Урала еще только предстоит осмыслить и описать диалектологам) и выходят по своим языковым чертам за границы материнских говоривших. В то же время зачастую именно в таких говорах сохраняется языковая архаика, утраченная материнскими говорами, что делает их перспективными с точки зрения не только синхронического, но и диахронического описания национального языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бережной А.А. Заселение юго-востока Белгородской области в XVIII веке. [Электронный ресурс] / А.А. Бережной // Режим доступа: <http://www.vgd.ru/STORY/belgorod.htm>

2. Дудка А.И. Активизация межнациональных контактов в XVI-XVIII веках и их влияние на развитие традиционной культуры Белгородчины / А.И. Дудка // Современные наукоемкие технологии. – Пенза: ИД «Академия естествознания». – №9. – 2005. – С. 82-84.
3. Кошарная С.А. Вариативность лексических единиц в народном говоре: На материале говора с. Спаспуруб Прилузского района Коми республики : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / С.А. Кошарная. – Санкт-Петербург, 1992. – 164 с.
4. Папков А.И. Днепро-Донская лесостепь как этноконтактная зона: Россия, Речь Посполитая и Крымское Ханство / А.И. Папков // TRACTUS AEVORUM. Эволюция социокультурных и политических пространств. Т.1. № 1. Белгород, 2014. – С. 106-126.
5. Папков А.И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века) / А.И. Папков. Науч. ред. А.Л. Хорошкевич. – Белгород: «КОНСТАНТА», 2004. – 352 с.
6. Романова Т.Н. Российские фамилии украинского происхождения : Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Т.Н. Романова. – Чебоксары, 2001. – 242 с.
7. Словарь русских народных говоров / Сост. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, О.Д. Кузнецова и др. – Вып.3. – Л., 1968. – 360 с.
8. Судаков Г.В. История русского слова / Г.В. Судаков. – Вологда, 2010. – 334 с.
9. Унбегаун Б.О. Русские фамилии / Б.О. Унбегаун. – М.: «Прогресс», 1995. – 448 с.
10. Фёдорова М.В. Контактные и констратные ойконимы Белгородской области / М.В. Фёдорова // Очерки по исторической лексикологии. – Белгород, 1996. – С.62-69.

S.A. Kosharnaya

TO THE QUESTION ON ETHNO-CULTURAL SPECIFICITY OF REGIOLECT OF BELGOROD REGION

The regional language of Belgorod region is considered in the article as a language system of linguistic and ethno-cultural Borderlands. The relative "marginality" of this linguistic system brings it closer to the dialects of the territories of late settlement. The phenomena of linguocultural Borderlands are often caused by the influence of "outside". At the same time, the dialects of the Belgorodie as a whole are Russian in their basis and in their origin, which is why in the territory of the Belgorod region there is a clash of different ethno-linguistic flows and traditions.

Key words: regiolect, dialecticism, regionym, *ukrainianism*, *Borderlands*.

**ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК СРЕДСТВО ХАРАКТЕРИСТИКИ
ВНУТРЕННЕГО МИРА И ВНЕШНОСТИ ЧЕЛОВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ
РОМАНА М. ШОЛОХОВА "ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА")**

В статье рассматриваются диалектные и литературные фразеологические единицы, используемые М.А. Шолоховым в романе «Поднятая целина». Актуальность темы обусловлена недостаточным освещением роли писателя в обогащении и совершенствовании фразеологической структуры русского языка и конкретно диалектной фразеологии. В ходе исследования было подтверждено, что фразеологические обороты в произведении М.А. Шолохова в большей степени используются для точного выражения эмоций и отношения автора к тому или иному герою романа.

Ключевые слова: фразеология, диалектная фразеология.

Фразеологизмы используются во многих художественных произведениях, публицистических статьях, устной речи. Лингвисты уделяют большое внимание этому вопросу: существует немалое количество научной литературы, диссертаций, но эта область языка продолжает быть интересной, как для исследователей, так и для тех, кому импонирует слово.

Предмет нашего исследования – диалектные и литературные фразеологические единицы. Цель исследования – анализ роли фразеологизмов в романе М.А. Шолохова «Поднятая целина».

Главными героями романа являются деревенские жители, в их речи основную роль играют просторечия, грубо просторечные обороты, в которых имеет большое значение диалектная фразеология, например: *бузу трешь, не моги ее телешить*. Следовательно, имеет место быть определенный социальный круг, донские казаки.

Следует отметить, что М.А. Шолохов родился на хуторе Кружилине станицы Вешенской Донецкого округа и находился среди донских казаков. Это и сыграло определенную значимую роль в дальнейшем, очень повлияло на язык романа «Поднятая целина».

Диалектная лексика является частью не общенародной лексики, которая в свою очередь выступает характерной принадлежностью речи того или иного населения, в зависимости от местонахождения. Существуют слова, характерные как для северных, так и для южных говоров.

В произведениях М.А. Шолохова диалектизмы не являются набором внезапно услышанных человеком какой-либо культуры деревенских слов. Они являются точным отражением донской речи родной этому писателю. Автор слышит и чувствует ее в разговорах казаков. Они имеют отношение к авторским описаниям природы, используются как образные поэтические средства.

В романе «Поднятая целина» встречаются такие фразеологические обороты, благодаря которым один из присутствующих компонентов принадлежит диалектной лексике, вот поэтому они отсутствуют во фразеологических словарях.

Язык М.А. Шолохова является одним из удивительных явлений русской и мировой литературы XX века. М.А. Шолохов достиг невероятного искусства в использовании удивительного по своей красоте художественного приема, рисуя совершенную реалистическую картину, сделав ее в то же время символом, наполнив огромной силой образности и эмоциональности.

Языковое богатство персонажей романа «Поднятая целина» отражает многообразие характеров, а это говорит, прежде всего, об индивидуализации и самобытности таких героев, таких как дед Щукарь, Макар Нагульников, Андрей Разметнов, Семен Давыдов и многих других. Именно своеобразное употребление фразеологических единиц наделяет героев данного романа индивидуальными чертами характера.

В ходе исследования фразеологических единиц в романе М.А. Шолохова «Поднятая целина» были определены следующие изобразительно-выразительные функции фразеологии:

- Фразеологизмы оживляют язык произведения, делают его более эмоциональным.

- Употребляются в речи героев для установления контакта с собеседником, для выражения отношения к нему, для того, чтобы дать положительную или отрицательную характеристику собеседнику.

- С помощью фразеологических оборотов можно оценить какое-либо действие, ситуацию.

В романе при описании столкновений человеческих судеб, картин природы, в диалогах самих героев – всюду поражает богатство народной речи, которым с большим значением пользуется писатель. Используя фразеологические обороты, предполагающие конкретные функции, М. А. Шолохову удалось передать особенности диалекта, на котором говорит казачество и который отображает колорит деревенской жизни.

В произведении «Поднятая целина», Макар Нагульников так дает характеристику людям, вышедшим из колхоза: «Да разве ж это колхозники? Это так, *ни рыба ни мясо!*» [1, с. 175].

Следует рассмотреть речь других героев романа:

«Да он толечко сопит и глаза лупит, *как баран на новые ворота*» [1, с. 127], потешается над Демидом Молчуном дед Щукарь.

«Я про такую гаду ядовитую и докладывать не хочу! Ему (Баннику) бы за его слова ни такую *бубну надо выбить!* На мне (Макаре) от обиды *волосы дыбом поднялись!*» [1, с. 149]. – Со злостью отзывается о Баннике Макар и тут же оценивает свой поступок: «И чего я его стукнул? *Ума не приложу!*» [1, с. 150].

Речевая характеристика этих героев соответствует объекту повествования – разноязычной и словоохотливой казачьей массе. Речь казаков является духовным богатством простого человека, в котором отражается неистощимая удаль, насмешливая мудрость народа. У М.А. Шолохова народное слово есть разное, как и сами герои.

В самой речи Давыдова в основном встречаются междометные фразеологизмы, которые выражают сложный комплекс оценок, эмоций, волеизъявлений. С такими чувствами как злорадия, негодования, переживания, возмущения произносит слова Семен о кулаках и тех людях, которые не помогают и не дают ему строить общие дела – создавать колхоз:

«Кулацкое дело, факт! Они нам всячески мешали организовывать колхоз ... – вот и *выселить их к черту!*» [1, с. 123]. «– Ну, уж это *черта с два!* – улыбнулся Давыдов. – А если придет, мы его подальше отправим» [1, с. 160].

Обращаясь к бабам, устроившим бунт, Давыдов выкрикивает: «*Катитесь* отсюда к чертовой матери!» [1, с. 190].

В зависимости от ситуации, в которых оказываются герои романа, Давыдов подбирает разные выражения для оценки характеров других персонажей и их поступки оценивает по-разному. Рассматривая не самые правильные поступки Макара по привлечению людей в колхозе, он говорит с чувством негодования: «*Черт бы тебя драл* с твоим происхождением!» [1, с. 86]. И с такими чувствами как восхищение, удивление он дает отзыв Ванюшке Найденову: «*Черт его знает*, ходит по дворам, балагурит ... И хлеба и него везут без мордобоя и без сажаний в холодную, факт!» [1, с. 88].

Анализ речи Давыдова с лексической точки зрения говорит о том, что он по-своему талантливый оратор, который умеет не говорить слова, а действовать словами. «... а тебе, товарищ, *рубану напрямик*, по-рабочему: твоя линия ошибочная..., факт!» [1, с. 26]. «Кулак-вампир его *засосет в доску...*» [1, с. 38]. «Вы, ядрена-зелена, и сами в колхоз должны идти ...» [1, с. 39]. «Так ты чего же *бузу трешь?* Сначала надо колхоз родить ...» [1, с. 39]. Речь Давыдова является меткой, сжатой и лаконичной и изобилует именно диалектными фразеологизмами.

В отличие от Давыдова, у которого все его слова являются весомыми, у Щукаря слово, и фразеологические единицы в том числе, имеют развлекательную функцию. Речь этого персонажа является красноречивой, богатой фразеологическими оборотами, что в свою очередь делает ее эмоциональной, неповторимой:

«Родился я на «Евдокию», но в этот день ... воробьи на лету *замерзли к ядренной матери!*» [1, с. 190]. «Будешь к Олюткеишо ходить?» «- Нет, говорю, – не буду, *в рот тебе клеп!*» [1, с. 193]. «Макарушка, ты же сам не помнишь, соколик! Ты сам тогда как испужался, что *на тебе лица не было ...!*» [1, с. 113].

Фразеологические обороты в романе М. Шолохова помогают определить портрет героя, рассмотреть его характер, также выразить отношение автора к нему.

У шолоховских коммунистов разные характеры. Некоторые из них могут быть храбрыми, дерзновенными, способными жертвовать большим, чем просто самим собой. Именно таким представляется читателям Макар Нагульнов. Всем сердцем он переживает за народ, который истязают буржуи: «В сердце *кровя сохнет*, как вздумаешь о наших братьях за границами ...» [1, с. 102].

С какими эмоциями он отзывается о статье Сталина: «... что эта статья как пуля, пронзила навывлет, и во мне *закипела* горячая *кровь...*» [1, с. 171].

О женщине, с которой по воле судьбы пришлось расстаться, с чувством большой любви говорит: «*Сердцем* я к ней *присох ...*» [1, с. 91], врагам колхоза с ненавистью кричит: «Удались зараз же отседова, контра, а то вот *дам тебе в душу*, и поплывешь на тот свет... Я ить тоже шутить умею!» [1, с. 121].

М. Шолохов достиг огромного мастерства, создавая собирательный образ творца истории. Изучив пример диалога жителей Гремячего Лога на самом собрании, можно понять, что одним из главных и не менее важных составляющих «духовную суть народа» является юмор, шутка является той насмешливой мудростью, которую несет в себе простой человек. «... *стекла* на Титковом курене *дрожали*. – Много дуже! ... – *Курям на смех!* ... – У нас

жирной земли ... *с воробьиный нос!*.. Сказал, *как в воду дунул!*» [1, с. 124].

Фразеологические обороты делают язык произведения живым.

Фразеологические единицы помогают оценить какое-либо действие, ситуацию.

В диалоге Давыдова с Нестеренко следует указать такие выражения:

«... стряпуха-то видела как мы с тобой возились ..., что она подумает о нас? Скажет – наверное, *с ума спятили* дяди...» [1, с. 328]. Фразеологический оборот *с ума спятили* употреблен в значении совершать безрассудные поступки, глупости; не давать отчета о своих действиях.

«Привились в партийном быту неумные действия и соответствующие им выражения: *снять стружку*» ... [1, с. 329]. Употребляется в значении отчитывать, ругать, пробирать.

«...Стал он меня спрашивать про содержание книги, а я – *ни в зуб ногой*, (в значении совершенно ничего не знать, не смыслить)...

Так вот, *заруби себе на носу* (в значении запомнить крепко-накрепко, навсегда): грамотной девушке ты не нужен» [1, с. 330].

«Ну, братец ты мой, позор на твою голову! Ну, милый мой, это *ни в какие ворота не лезет!* (в значении очень плохо, никуда не годиться) [1, с. 331].

Фразеологические обороты представлены нам в виде образных поэтических средств, входящих в авторское описание природы:

Черная – *глаз коли* – наволочь крыла хутор» [1, с. 104]. Совершенно ничего не видно, полный мрак.

« ... что эти соловьи вытворяют у нас тут, в Терновой балке, - *уму непостижимо!*» [1, с. 323]. В значении совершенно необъяснимо.

Можно утверждать, что М.А. Шолохов является большим мастером художественного слова. Речь его героев, насыщена фразеологическими оборотами, они не просто оживляют язык персонажей, но делают его неповторимо-самобытным, эмоциональным, образным, метким и лаконичным.

Фразеологические обороты в романе М.А. Шолохова используются для описания портретов персонажей, а также для более точного выражения эмоций и отношения автора к тому или иному герою романа. Грамотные народные выражения помогают автору точно понять ситуацию, дать определенную оценку героям, следственно их поступкам и действиям, выразить сложный комплекс переживаний героев. Для современной литературы деревенская проза с большим количеством диалектных слов и оборотов оказывает важное влияние.

Дальнейшие исследования могут быть проведены с точки зрения семантической спаянности компонентов, многозначности, вариантности, синонимии, антонимии фразеологических единиц и т. д. Данная работа – лишь небольшой вклад в исследование, посвященное языку художественных произведений М.А. Шолохова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шолохов М.А. Поднятая целина. – М.: Советский писатель, 1977. - 554 с.

A. Sukhorukova

DIALECTIVE AND LITERARY PHRASEOLOGISTS AS A MEANS OF OBJECTIVES OF EMOTIONS AND CHARACTERISTICS IN A NOVEL OF M.A. SHOLOKHOV "PODNYATAYA TSELINA"

The article is about dialectal and literary phraseologists used by MA. Sholokhov in the novel "Podnyataya tselina". The relevance of the topic is the role of the writer in enriching and improving the phraseological structure of the Russian language and dialect phraseology.

M.A. Sholokhov uses phraseologists to express some emotions and the author's attitude to characters of the novel.

Key words: phraseology, dialect phraseology

УДК 81'1

Э.М. Левина

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТОСФЕРЫ ПОЭТА (НА МАТЕРИАЛЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ПОЭЗИИ)

Статья посвящена выявлению и описанию смысловых составляющих культурно-исторического концепта «РОДИНА/МАЛАЯ РОДИНА» в контексте поэтической традиции, отражающей особенности русского национального сознания. Данный концепт рассматривается в работе на материале белгородской поэзии, при этом выявляются как общекультурные, ядерные, признаки, так и периферийные включения, обусловленные индивидуально-авторским мировидением.

Ключевые слова: концепт, структура концепта, языковая картина мира, средства языковой репрезентации концепта, прецедентность.

Литература Белгородчины, представленная множеством ярких индивидуальностей, сегодня отражает неповторимую историю и культуру Белгородского края и становится значимым явлением. Именно она содержит важные ценности в системе «человек – природа – общество», многогранно воплощенные в литературных текстах, посредством которых осуществляется переосмысление всего достигнутого человечеством.

Цель предлагаемого исследования – выявление и описание смысловых составляющих культурно-исторического концепта «РОДИНА/МАЛАЯ РОДИНА» в контексте поэтической традиции, отражающей особенности русского национального сознания.

Актуальность обусловлена распространенностью анализируемого явления в белгородской поэзии. Одним из признаков современного речевого творчества как раз и является включение в производство речи прецедентных текстов. Исследователи пишут, например, о широком распространении в художественных текстах последнего времени всевозможных аллюзий и реминисценций. По причине начавшихся более двух десятилетий тому назад изменений социально-политического устройства общества как спонтанная, так и подготовленная речь носителей современного русского литературного языка стала свободной, раскованной и более творческой. Одним из признаков современного речевого творчества как раз и является включение в производство речи прецедентных текстов.

Поскольку с позиций категорий интертекстуальности и прецедентности творчество белгородских авторов практически не описано, исследование функциональной нагруженности системы интертекстуальных и прецедентных средств, воплощенных в произведениях писателей Белгородчины, является актуальным.

Реалистическая литература изображает типические явления жизни и характеры в типических обстоятельствах. Ей свойственно воспроизведение событий в рамках

определенного пространства и времени. В творчестве поэтов Белгородчины особое место отводится нашему краю.

Поэтическая картина мира поэтов Белгородчины не мыслится вне родной природы. Один из важнейших аспектов исследования прецедентности – выявление и описание смысловых составляющих культурно-исторического концепта «РОДИНА/МАЛАЯ РОДИНА» в контексте поэтической традиции, отражающей особенности русского национального сознания. Данный концепт рассматривается в работе на материале белгородской поэзии, при этом выявляются как общекультурные, ядерные, признаки, так и периферийные включения, обусловленные индивидуально-авторским мировидением.

В общем смысловом объеме исследованного материала, опубликованного за последние десятилетия, отражены обычные общечеловеческие мысли, идеи. Понятие Родины и родной природы у большей части поэтов Черноземья связано с Россией, причем здесь темпоральные характеристики у всех авторов приблизительно одинаковые. Лишь в отдельных случаях видим поиски понимания того, что мы живем в очень сложное, в какой-то степени двойственное время.

*Повернулось ли время вспять
Или что-то случилось в мире?*

*Я уже не могу молчать,
Я глаза открываю шире.*

Пролетая над миром, мгновенья

Открывают для нас имена,

Пониманья ищут, объясненья

В эти двойственные времена. (А. Малахов).

*Плуг идет по всей **России**,*

Пласт на пласт кладет.

Да, в тебе такая сила:

Прут воткни – цветет! (В. Федоров).

В лингвистических работах последних десятилетий индивидуальный стиль художника слова изучается с учетом соотношения языка и мышления, способов выражения в языке внеязыковой действительности, знаний о мире, законов организации языковой картины мира. Приоритетным для современных лингвистических исследований является функциональный подход, изучающий язык в действии и в своей основе ориентированный на языковую личность.

На этом стыке проблем одной из актуальных является лексическое проявление культурных концептов, базовых понятий культуры общества, его духовной жизни. Термин концепт в последние десятилетия XX в. стал широко использоваться в лингвистической литературе и оказался одним из ключевых понятий современной лингвистики [4; 5, с. 40-76 и др.].

Содержание концептов, свойственных тому или иному художнику слова, определяется особенностями его авторской модальности, художественно-образного мировосприятия и индивидуально-авторской картины мира. Конкретное смысловое наполнение определенного художественного концепта может быть выявлено «в результате анализа лексико-семантической системы индивидуального стиля художника слова и составляющих ее лексико-семантических полей» [2, с. 30].

Концепт «РОДИНА/МАЛАЯ РОДИНА» занимает доминирующее положение в белгородской поэзии, как и в общерусской культуре, и является ключевым в русском национальном сознании.

Анализ понятийной составляющей концепта «РОДИНА» на базе лексикографических источников позволил выделить в ней следующие основные, или ядерные, признаки: 1. Родина – «мать»; 2. Родина – «земля, край отцов, где живут близкие»; 3. Родина – «государство, в котором человек родился»; 4. Родина – «отечество, отчизна, государство, гражданином которого состоит». Ключевым именем концепта является лексема *Родина*. Каждый из смыслов репрезентируется в поэтических текстах авторов Белгородчины, при этом лексемы *Русь*, *Белгород* являются доминантными в синонимических рядах – *Белгород*, *Белый город*, *Белгородчина*, *Русь*; *святая Русь*, *Матушка-Русь*.

Актуализация концепта «РОДИНА/МАЛАЯ РОДИНА» происходит путем наименования объекта – *Родины* – *матери*:

...**Мать-Рассеюшка** -

Судьба

С горем и обманом...

Белый город,

вы края,

Что меня растили,

Вы учили петь меня

*И любить **Россию**. (И. Чернухин).*

Упоминание объекта как «земля, край отцов, где живут близкие» вербализуется через словосочетания – *родной край*, *земля*, *родной домишко*, *родное селение*.

Оглянулся мужик,

Посмотрел рассеянно

*На **родной домишко**,*

*На **родное селение**. (И. Чернухин).*

При номинации объекта – «большой Родины» происходит отождествление Родины с «государством, в котором человек родился», «отечеством, отчизной, государством, гражданином которого состоит» при этом используются прецедентные топонимы – *Россия*, *Русь*, *Родина*, *Рассеюшка*.

*Плуг идет по всей **России**,*

Пласт на пласт кладет.

Да, в тебе такая сила:

*Прут воткни – **цветет!** (В. Федоров).*

Анализируя периферийные признаки репрезентации концепта «РОДИНА/МАЛАЯ РОДИНА», опираемся на методику выявления признаков, выявленную Г. Воркачевым [1, с. 26] и выделяем три дополнительных (периферийных) кластера: историко-географический; эмоционально-ценностный; императивный.

Речь идет о специфических языковых средствах, репрезентирующих концепт «РОДИНА/МАЛАЯ РОДИНА» в русской языковой картине мира. Анализ фрагмента языковой картины мира на основе поэмы позволяет выявить периферийные признаки концепта «РОДИНА/МАЛАЯ РОДИНА», которые отражают особенности формирования ценностной картины мира в сознании русской ментальности.

В поэтических текстах историко-географический кластер включает в себя прежде всего природно-ландшафтные признаки: *горы*, *кручи*, *леса*, *камышовые заросли*, *камыш*, *край степей*, *двор*, *синие леса*, *черные погосты*, *небо*, *просторы*, *теплые края*, *край*, *дерево*, *мел*, *поместья*, *города*, *земля*, *травы*, *степь*, *березы*, *меловые горы*, *дорога*, *гром*, *горькая трава*, *степное раздолье*, *свет зари*, *поле*, *раздолье*, *солнце*, *журавли*, *журавлиный крик*.

*Бирюзовых озер красота
И дубы – великаны на Ворскле
Все это – моя сторона!
Святая моя **Белгородчина**.. (Н. Жаркова).*

Упоминание различных природных явлений и ландшафтных особенностей формирует представление о родине как о пространстве, территории, богатой своими природными особенностями.

Особую значимость в поэме приобретают пространственно-временные признаки, которые вербализуются через противопоставления (*Великая Русь – город*):

*У каждого из нас своя **Россия**,
Свои деревни, села, города.
Одна судьба нас связывает с ними
И **Родина – Россия** навсегда (В. Молчанов).*

Особую значимость приобретают географические места, которые актуализируются через топонимические признаки. Поэты упоминают географические наименования в качестве места разворачивания действия и представляет название той местности, природу которой они описывают. Чаще всего это названия сел, городов, географических объектов Белгородской области. Кроме того, некоторые названия, которые исчезли из повседневного употребления, сохранены именно в поэтических строках. Местные топонимы помогают более конкретно создать зарисовку географической среды и отчасти проливают свет на историю развития селений, на их естественно-географические и культурно-исторические особенности: *Белгород, Россия, Москва, Донец, Пушкарное, Казацкое, Стрелецкое*:

*Или музыка слов, уникальных, насыщенных смыслов:
Ровеньки, Волоконовка, Грайворон, Губкин, Хотмыжск,
А легенда о **Ворскле! А Нежеголь** в ритме струистом!
Плюс кувшинки, стрекозы, чирки, элодея, камыш. (В. Харченко).*

Особый интерес представляют номинативные варианты, различные по структуре (монологические, бинарные, многокомпонентные), содержащие в себе богатый объем лингвистической информации. В таких наименованиях отражены история географического объекта, его величие и значимость, авторское отношение, оценка, мощь изображаемого географического объекта, роль географического объекта в развитии культуры и жизни нации в целом.

РУСЬ – Россия, великая, Святая, большая наша, земля большая, сердцу милая страна (В. Колесник, К. Зуев, В. Федоров).

БЕЛГОРОД – герой, Белгородская земля, мой Белый город, богатырь-герой из русской сказки, Белый город-дом, клад России (К. Зуев, Г. Островский, В. Федоров).

ШЕБЕКИНО – город-труженик, город-солдат, город-сад (К. Зуев).

ГРАЙВОРОН – город маленький, старинный, назван так царем Петром (К. Зуев).

КОРОЧА – город милый, мой родной, большая наша Русь (К. Зуев);

ВАЛУЙКИ – страна чудес, подаренная Богом, Валуй, Валуйка-крепость (К. Зуев).

ВОЛОКОНОВКА – родной мой, милый край (К. Зуев).

В репрезентации исторической судьбы родины участвуют исторические признаки, которые актуализируются через устаревшие формы и лексемы, старославянизмы: *мякинушка, боярин, царь-государь, скоморохи, звонарь-бунтарь, Московия, знамо дело, почто, барские поместья, град, молодчики*:

Оглянулся мужик,

*Посмотрел рассеянно
На родной домишко,
На родное селение.
Рукавом **армяка** глаза протер.* (И. Чернухин);

*Вспоминаю я, как шли хазары,
Как татары шли ордой,
Как **Валуи** держал удары
И смывал их всех волной* (К. Зуев).

История многокультурной общности россиян и единство народов России репрезентируется демографическими признаками. Судьба народа – это судьба нашей Родины. Демографические признаки актуализируются через слова и словосочетания: *православный народ, царь-государь, боярин-барин, дьяк-хитряк, звонарь-бунтарь, скоморохи, мужик, вдовы, стрельцы-молодцы, казаки, народ служивый, народ, народ темной:*

*Из-под Тулы, из Москвы, Орла и Шацка,
Из Одоева, Коломны и Путивля
Шел **народ сюда работный и служилый** –
Кто «по выбору», кто волею своею...» (В. Колесник).*

Следующий кластер связан с эмоционально-ценностными признаками концепта «РОДИНА/МАЛАЯ РОДИНА». Любовь к родине также актуализируется в дискурсе поэмы: *любить, Русь*; признак уникальности репрезентирован лексемами: *одна, единственная*, что позволяет сформировать в сознании носителей русской лингвокультуры неповторимый образ родной страны:

*...Вы учили петь меня
И **любить Россию.**
Петь **по-русскому,**
Свое*

*И **любить по-русски.** ...» (И. Чернухин).*

Чувство родимой земли неотделимо от восприятия природы. Выделение этой группы признаков актуализирует чувства привязанности к родине, неотделимости от неё, это особое чувство – чувство Родины, связанное с чувством гордости за свою страну: *березы, зорька летняя, степушка-степь, ноченька, солнышко, журавлиный говор.*

Отдельный кластер составляют императивы долженствования и обязанности перед Родиной, что актуализируется через слова и словосочетания: *как русский, народ служивый, дружина, вражьи силы, поднимайся, собирайся.*

***Поднимайся, народ,**
Служивый.*

Собирайся, народ.

В дружины. ...» (И. Чернухин).

Концепт «РОДИНА/МАЛАЯ РОДИНА» является ведущим в поэзии авторов Белгородчины и представляет собой одну из центральных «семантических сфер» в индивидуально-авторском стиле поэтов, которая связана с прецедентностью. Как показал анализ, смысловое наполнение названного концептуального образования последовательно формируется на протяжении всей поэмы и включает в себя несколько концептуальных признаков: *Родина – «мать»; «земля, край отцов, где живут близкие»; «государство, в котором человек родился»; «отечество, отчизна, государство, гражданином которого состоит».* Названные смысловые планы состоят из ряда семантических линий (семантических составляющих), которые,

взаимодействуя, создают поэтическую картину мира, соответствующую мировосприятию автора.

Языковые средства вербализации концепта РОДИНА – члены синонимической и антонимической парадигм, тематические области и способы их лексического представления (конституирующие их единицы), репрезентирующие исследуемый концепт в поэтических текстах; изобразительно-выразительные средства и их функции при создании семантики образа «РОДИНА/МАЛАЯ РОДИНА» в поэтических текстах.

Обобщая прецедентные признаки концепта «РОДИНА/МАЛАЯ РОДИНА», выделенные в художественных текстах, можно сделать выводы.

1. Родина предстает как субъект мирового географического пространства, значительный по размерам – бескрайняя страна с ландшафтными особенностями и природными богатствами, где протекают природные, социально-экономические, исторические и демографические процессы.

2. Уникальность и красота Родины вызывают личностные переживания – особое чувство Родины и связанное с ним чувство гордости за свою страну. Таким образом, эмоционально-ценностная составляющая РОДИНЫ конституируется некими абстрактными сущностями, которые не поддаются описанию. При этом отмечено активное использование автором прецедентных единиц, которые связаны с народно-поэтической картиной мира: *Русь; святая Русь, Матушка-Русь, Расся, Рассеюшка, Белый город, Белогорье, Московия царь-государь православный народ, народ служивый, Куликово поле* и т.п.

3. Признаки императивного кластера, репрезентированные значительно меньшим количеством упоминаний в текстах по сравнению с выявленными признаками историко-географического и эмоционально-ценностного кластеров, актуализированы для формирования в сознании личности идеи гражданственности и патриотизма и связанные с ними ценности.

4. Вербализации подвергаются, в основном, реалии окружающего мира, характер и круг конкретных черт окружающей действительности, что свидетельствует о том, что для поэтов малая родина и большая родина неотделимы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воркачев С.Г. Слово «РОДИНА»: значимостная составляющая лингвоконцепта// Язык. Коммуникация и социальная среда. – Воронеж: ВГУ, 2006. – С. 26-36.
2. Данскова Т.Н. Концепт «любовь» и его словесное воплощение в индивидуальном стиле А.Ахматовой. Дис. . канд. филол. наук. – Воронеж, 2000.- 195 с.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.
4. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры: опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С.40–76

E.M. Levina

PRECEDENT AS REPRESENTATION OF THE CONCEPT SPHERE OF THE POET (BASED ON BELGOROD POETRY)

The article is devoted to the identification and description of the semantic components of the cultural and historical concept "MOTHERLAND" in the context of the poetic tradition, reflecting the peculiarities of the Russian national consciousness. This concept is considered

in the work on the material of the Belgorod poetry, while both General cultural, nuclear, signs and peripheral inclusions due to the individual author's worldview are revealed.

Key words: concept, structure of concept, language picture of the world, the means of language representation of the concept of precedent.

УДК 81`28

М.И. Саенко

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

(Научн. рук. д. филол.н., проф. И.И. Чумак-Жунь)

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ БЕЛГОРОДЧИНЫ КАК ИСТОЧНИК ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО И РЕГИОЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

Статья посвящена лингвокультурологическому и сопоставительному описанию регионально маркированной лексики Белгородской области. На основе комплексного анализа диалектизмов и регионимов, функционирующих в текстах народных колыбельных песен Белгородчины, выявляются особенности отражения в региолекте традиционного быта, хозяйственной деятельности жителей региона, возникшего на границе языковых культур.

Ключевые слова: лингвофольклористика, диалект, региолект

Социолингвистика, как и лингвофольклористика, на современном этапе развития в качестве одного из приоритетных направлений рассматривает изучение специфики региональных говоров. Задача изучения территориальных вариантов русского языка, фиксации и научного описания живой народной речи в отечественном языкознании не нова. Еще в XVIII столетии народные говоры становятся объектом внимания ученых гуманитариев. Активная работа над созданием областных словарей ведется в XIX и в первой половине XX вв. Однако уже в последней четверти прошлого столетия начался процесс трансформации диалектов в несколько иную «языковую формацию» – региолект, местную региональную речь, которая сегодня «представляет собой наддиалектное образование и остается одной из репрезентативных характеристик региона [10, с. 173]. Концептуальными признаками региолекта в современной науке признаны: 1) устная форма речи, 2) отсутствие архаических диалектных элементов, 3) появление новых черт и особенностей, 4) повсеместное распространение на территории региона, 5) зависимость от социального фактора [3, с. 13]. Интересно, что в рамках социолингвистических и лингвофольклористических отечественных исследований в качестве предмета изучения рассматриваются оба лингвообразования – диалект и региолект. Поэтому **целью** нашей статьи становится исследование и диалектизмов, и регионимов как элементов языкового материала колыбельных песен Белгородчины.

Вопрос о разграничении терминов «диалект» и «региолект» по-прежнему считается одним из самых сложных в социолингвистике. Мы будем опираться на толкование терминов, предложенное С.А. Кошарной: «...региолекты могут возникать на основе нескольких диалектов; региолект функционирует на территории региона (или даже нескольких регионов) и используется всеми его жителями (без социальных, возрастных и других ограничений) в отличие от диалекта, который используется преимущественно сельскими жителями определенной местности (то есть диалект более ограничен локально и функционально)» [8, с. 14-25].

Феномен Белгородского говора, как объединенного языкового пространства, состоит в том, что его формирование происходит на стыке (а) с иноязычной территорией (Украиной), (б) с различными административно-территориальными центрами (Курск, Воронеж). В результате словарь Белгородского региона отмечен разноязыковыми и междиалектными чертами: *цэбэрка* (укр.) и *ведро* (рус.), *гай* (укр.) и *лес* (рус.), *лыва* (курск. диал.) – *калюжа* (укр.) – *лужа* (рус.). Сегодня ведется активная работа по изучению лингвокультурного материала Белгородчины. В начале 2018 года в Белгороде был создан дифференциально-сопоставительный словарь «Опыт областного словаря Белгородчины», вобравший в себя почти 7 тысяч лексических единиц. Учеными кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета была также издана монография «Диалектизмы и регионализмы в речи жителей Белгородчины конца XX – начала XXI века». Наша статья станет продолжением лингворегионоведческого исследования белгородских текстов.

Отметим, что работа в русле лингвистической регионалистики позволяет рассматривать слово в контексте не только конкретно языкового материала (выделять фонетические, грамматические, лексико-фразеологические характеристики), но и работать с краеведческой, историко-культурной информацией, заложенной в фольклорной местнографии.

Тексты народных колыбельных песен, распространенных и бытующих на территории Белгородчины, обладают большим лингвокультурологическим и региолектологическим потенциалом. **Задачами** нашей работы стали (1) выявление и (2) классификация диалектных и региолектных элементов языка текстов колыбельных песен Белгородчины. **Материалом** исследования являются тексты колыбельных песен, представленные в этнографических сборниках Белгородской области.

Согласно классификации Н.А. Мещерского [9, с. 263-264] среди диалектизмов выделяют: 1) фонематические; 2) лексические; 3) лексико-семантические; 4) этнографические; 5) морфологические; 6) словообразовательные.

Анализ фольклорных колыбельных песен Белгородской области показал, что наиболее частотными в употреблении являются фонематические диалектизмы (были изучены архивные аудиозаписи этнографических экспедиций в районы области). Нами выделены следующие фонетические особенности, характерные для южной группы южнорусского наречия и проявляющиеся в языке народных песен Белгородчины.

1. Замена звука [г] фрикативного щелевым образованием [Ү]: [Ү]ули, Ан[Ү]ель.

2. Отсутствие фонем <ф> и <ф'>, их замена на фонетическое сочетание [хв]: *Да сорву я лопушок, / Сию кыце хвартушок, дам тебе канхвет.*

3. Для языка колыбельных песен характерно явление «яканье», также распространенное в большинстве южнорусских говоров. Яканье – система вокализма предупредных слогов, при которой гласные неверхнего подъема в первом предупредном слоге после мягких согласных всегда или в некоторых случаях совпадают в звуке [‘а] [14, с.12-16]. Например: *Татары шли / ковылу жгликашу варили / поевши кашу / людей дялили; Вот брат сястру / на Русь пустил / а зять тѣшишу / в служанки взял; Побяжали во лясок и др.*

4. Появление протетического звука [в]: *вумница, вумный, вострый, вухо* и др.

5. Произношение звука [w] ([у]-неслогового) на месте [в]: [w]зъл, [w]месте и др.

6. Специфичная форма местоимений: *о сабе, о табе* (ср.: о себе, о тебе).

Отметим, что для форм местоимений характерна не только замена внутрикорневой фонемы /e/, но и проявление древнерусского редуцированного Ъ в сильной позиции: *мене*.

Язык фольклорных колыбельных песен ярко маркирован не только на уровне фонетики. Выделим лексические диалектизмы с исконно русской архаикой: *унучек* (*унуня*) – ‘внук’; *коло* – ‘около’; *побачить* – ‘увидеть’, *торжок* – ‘рынок’; *горница* (*горенка*) – ‘зал, парадная комната в крестьянском доме’; *рятовать* (*рятувать*) – ‘спасать’; *поладил* – ‘отправил’; *та* (*тай*) – ‘и’; *затышичек* (*затышок*) – ‘место, защищенное, закрытое от ветра’ и др.

Анализ лексики колыбельных демонстрирует и результаты межъязыкового взаимодействия – активное функционирование в белгородских говорах украинизмов: *хвортка* – ‘калитка, дверь’; *чи* – ‘или’; *годувать* (*гадавать, годувать*) в значении ‘кормить’. Интересно отметить, что в текстах колыбельных песен лексема *годувать* сохраняет именно исконную «украинскую» семантику, в то время как в белгородских говорах слово приобретает добавочную семему: ‘выращивать кого-то’, ‘вскармливать’ [13, с. 79]. Вслед за С.А. Кошарной обратим особое внимание на то, что подобные лексемы-украинизмы «распространены не только в целом ряде районов области, граничащих с Украиной (Ровенском, Грайворонском, Шебекинском и др.), но и в районах, которые не контактируют непосредственно с Украиной (Губкинский, Старооскольский, Чернянский и др.), что свидетельствует об историческом (уходящем в глубокое прошлое) взаимодействии белгородских говоров с пограничными диалектами Украины и смешении разноязычной диалектной лексики в микросистемах белгородских говоров» [7, с. 29].

Одним из самых распространенных анималистических образов русской колыбельной песни является образ голубя. Особенность его в том, что лексема *голубь* встречается в народных текстах крайне редко, в отличие от особой формы множественного числа – *гули* (*гуленьки, гулички, гулюшки*). Не распространен в фольклорных песнях и белгородский диалектизм *гуркунок* – ‘голубь дикий’. Однако именно в колыбельных «рождаются» и функционируют такие глаголы-дериваты, как *горковать, (гурковать, урковать), гулить* – ‘ворковать по-голубиному’: *Люли, люли, люлюшки, / Прилетели гулюшки, / Стали гули гурковать: / «Что нам Маше кушать дать?»*.

В толковом словаре Даля зафиксировано два варианта: *гарковать* (с пометой *вор., тмб.*) и *гурковать* (с пометой *орл., вор.*). В лексикографический состав Опыта областного словаря Белгородчины данная лексема не включена, что дает основание говорить о жанровых рамках распространения данной лексемы в белгородских говорах.

Колыбельные песни Белгородчины становятся источником семантических изменений в диалектизмах. Так, лексема *куток*, зафиксированная в Опыте областного словаря Белгородчины, имеет единственное толкование – ‘угол’. В контексте колыбельной же слово обретает второй лексико-семантический вариант ‘улица за углом’: *Да через выгон на куток, / у чужой погребок*.

Модификация значения также наблюдается в лексеме *долбни*: *А и где ж та вода? / - Воли попили./ - А и где ж те волы? / - Долбни побили./ - А и где же те-та долбни? / - Черви поточили*.

Словарь Ушакова предлагает следующее толкование слова *долбни* (с пометой *школьн., вульг.*): ‘то же, что долбежка (бессмысленное заучивание наизусть)’. На наш взгляд, эта лексема семантически и структурно соотносится с глаголом *долбить* (‘ударять, бить’) и в сюжетном пространстве колыбельной песни приобретает иное значение – ‘орудие труда, палка’.

Расширение семантики наблюдается в лексеме *цапня*. Это слово интересно не только с точки зрения морфологии (усеченная форма глагола-диалектизма), но и с лексико-семантической позиции. В Опыте областного словаря Белгородчины лексема

имеет толкование *‘трогать’*, однако же в контексте колыбельной появляется еще один лексико-семантический вариант – *‘хватать’*.

Совершенно новое значение в фольклорном дискурсе приобретает слово *котик* – ‘колыбельная песня’. В украинской культуре широко известно выражение *котика (котка) співати (казати)*, что означает ‘петь колыбельную’ [4, с 190]: *А Сашечка будет спать, / А я котика казати.*

Лингвокультурологический анализ рассматриваемых текстов колыбельных песен позволил выявить диалектные лексемы, репрезентирующие бытовые особенности жизни предков. Это этнографизмы *груба* и *выгон*: *Тот дрова рубал, тот золу выгребал, // Тот грубку топил, тот кашу варил...; Как повадился коток, // Да через выгон на куток, // У чужой погребок.*

Этнографизмы *груба* – ‘печка’ и *выгон* (*выгин, выгинь*) – ‘поле для выпаса домашнего скота’ имеют широкое распространение в районах области, что дает основание говорить о принадлежности данных лексем к группе белгородских регионимов. Здесь же скажем еще об одном выявленном в текстах колыбельных региониме – *дюже (дюжа)*, употребляемом в значении ‘очень, сильно’: *Котика вловили, // Дюжа больно били. // Не учись, котик, воровать, // А учись, серый, работать.*

Диалектизмы и регионимы, семантика которых связана с материальной и духовной культурой предков, представляет этнографическую и культурологическую ценность, «несут в себе отражение картины ценностного восприятия мира носителями языка» [2, с. 3.]. Так, лексема *выгон*, входящая в группу белгородских ландшафтных регионимов, дает возможность «реконструировать» элементы сельскохозяйственного уклада белгородской деревни. А фиксация в текстах народных колыбельных лексемы *груба* свидетельствует об особом отношении крестьянина к домашней печи – горячему сердцу дома.

Примечательно, что в исследованных нами народных текстах выявлены продукты народного словотворчества. Значение таких лексем в словарях не отражено, вследствие этого их толкование основывается на контекст и словообразовательную мотивацию:

подушить – ‘положить подушку’: *Ай, баю, баю, баю, / Ходит котик по двору. / Пошел котик во лесок – / Нашел сабе поясок. / Чем люлечку подушить / Да Наташу положить. / Будя детка крепко спать, / Котик ее величать;*

сухо (*суха, сушко, сушечка*) – ‘сухое место’: *Пошла кыса по водицу / И упала в криницу, / Пошел котик рятувать, / Кысу за ушки тягать. / Вытянул кысу на суха, / Посадил кысу, где сухо...; Узял кысу за ухо, / Да вытянул на сухо...; Пишев котик вытягать, / Тай вытяг за ушко, / Положил на сушко...; Вытянул за ушечко / Посадил на сушечку. / Цыц, киця, не мурчи, / Як упала, так молчи.*

Среди многочисленных морфологических диалектизмов отметим архаичную словоформу *коту*, сохранившую древнерусскую грамматическую категорию – звательный падеж: *Коту серый, коту белый, / Не ходи, ты, коло хаты, / А иди к нам, ты, ночувати, / Там Марусю колыхати.* Обращение к образу кота для жанра русской колыбельной песни традиционно. Кот в славянской культуре признан символом домашнего тепла и уюта, поэтому именно с него начинается знакомство младенца с миром [4, с. 235].

Необходимо сказать и о так называемых «белых пятнах» в семантическом поле колыбельных текстов. При работе с этнографическими сборниками были выявлены лексемы, толкование которых затруднено: они не зафиксированы в словарях, утрачена словообразовательная мотивация:

прилепочек: А дуду, дуду, дуду, / Я горошек молочу, / На чужом точку, / На прилепочку;

хороборочки: Ко мне курочки летят, / Хороборочки клевать.

порывается: Медведь на печи порывается, / Старый дед на печи обувается...

Материнская поэзия является одним из самых древних жанров народного творчества. Архаичные формы текстов народных колыбельных аккумулируют в себе ценный лингвистический и культурно-исторический информативный комплекс, требующий серьезного филологического анализа. Изучение диалектной и региолектной лексики белгородских колыбельных позволили выявить специфичные черты местных говоров, зафиксировать факты расширения семантики диалектизмов и появления новых лексем – народных неологизмов в дискурсе фольклорного жанра.

ЛИТЕРАТУРА

1. БГЦНТ: Ходит сон у окон: этнографический сб. / сост. и нотация Н. Моисеева; отв. за выпуск Т. Романенко. – Белгород: БГЦНТ, 1999. – 27 с.
2. Власова Л.А. Лексика кухонной утвари и посуды в орловских говорах: Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – Орел, 2002. – 269 с.
3. Герд А.С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия / А.С. Герд. – СПб: Изд-во С.-Петербур. ун.-та, 2001. – 488 с.
4. Головин В.В. Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе / В.В. Головин. – Турку: ÅboAkademiUniversityPress, 2000. – 451 с.
5. Ивн. ЦНТ: Родники под Ивами: этнографический сб. / сост. Н.Ф. Зеленская // Ивнянский центр народного творчества. – 1998. – Вып. № 3. – 50 с.
6. Колыбельные: Колыбельные для всей семьи: сборник колыбельных песен Губкинского района / МБУК «ЦБС №1», Б-ка-филиал №2. – Старый Оскол: ООО «Ассистент плюс», 2016. – 48 с.
7. Кошарная С.А., Плотникова Л.И. Диалектизмы и регионимы в речи жителей Белгородчины конца XX – начала XXI века / Под общ. ред. С.А. Кошарной. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2017. – 176 с.
8. Кошарная С.А. Региолект Белгородчины как лингвокультурное образование // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. – 2017. № 14 (263). – Выпуск 34. – С. 14-25.
9. Мещерский Н.А. Русская диалектология: уч. пособие для вузов / Н.А. Мещерский. М.: Высшая школа, 1972. – 304 с.
10. Новикова Т.Ф. Теоретико-прикладные проблемы описания современных диалектов / Т.Ф. Новикова // ThecentralEuropeanJournalofsocialsciencesandhumanities, 2017. – № 19/1. – С. 171-178.
11. НП Белг. обл.: Народные песни Белгородской области / сост. Н.М. Элиаш. – Воронеж: Центр.-Черноземн. кн. изд.-во, 1970. – 88 с.
12. НП Белг. края: Народная песня Белгородского края: хрестоматия / И.Н. Карачаров. – Белгород: Шаповалов, 1996. – 192 с.
13. ООСБ: Опыт областного словаря Белгородчины: дифференциально-сопоставительный словарь: 3700 слов / С.А. Кошарная, А.С. Алейник, А.И. Медведева; под общ. ред. С.А. Кошарной. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2017. – 332 с.79
14. Рухленко Н.М. Работа с диалектным материалом на уроке русского языка / Н.М. Рухленко // Русский язык в школе, 2005. – №6. – С.12–16.
15. ТК Белг. края: Традиционная культура Белгородского края: Борисовский, Вейделевский, Волоконовский район. – 2006. – Вып. № 1. – 148 с.

16. Традиции НХК: Традиции народной художественной культуры Прохоровского района: учебно-метод. пособ. – Белгород, 2001. – 154 с.

17. УНТ Прох. р.-на: Устное народное творчество Прохоровского района / Прохоровский районный организационно-метод. центр. – Прохоровка, 1998. – С. 1-2.

M.I.Saenko

BELGOROD LULLABY AS THE SOURCE OF DIALECTOLOGICAL AND REGIOLECTIC MATERIAL

The article is about Belgorod folklore lullaby. The linguistic and culturological analysis of dialect vocabulary demonstrates specific features of traditional life and economic activities.

Key words: lingvofolkloristics, dialect, regiolect

УДК 81:656.123.4

Е. В. Юрьева

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»

МЕСТО СЛОГАНА СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ В ОСМЫСЛЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ДОНБАССА

Главной задачей социальной рекламы является преобразование поведенческой модели современного общества, поэтому изучение проблемы использования языковых средств, благодаря которым адресантом создается убедительный запоминающийся образ объекта рекламирования, имеет в наше время большое теоретическое и практическое значение. В статье рассматривается донбасский региональный компонент слоганов социальной рекламы. Цель работы – показать национальные особенности языка через отражение донбасского регионального сознания.

Ключевые слова: слоган социальной рекламы, социальная проблема, донбасское региональное сознание.

Действенным инструментом привлечения внимания к социальным проблемам во всём мире признаётся социальная реклама. Она выступает своеобразной формой общественной рефлексии, распространяющей культурные, духовные и нравственные ценности [8, с. 95].

Обратимся к слоганам социальной рекламы Донбасса.

Социальная реклама в Донбассе сегодня – это отображение приоритетных направлений работы существующих социальных институтов: *государство* («Народ – вот истинный хозяин ДНР» (<https://yaroslav-gunin.livejournal.com/470069.html>)), *семья* («Дети – наше будущее» (<https://yaroslav-gunin.livejournal.com/470069.html>)), *образование и наука* («Образование и наука будущего должны превратиться в систему, подотчетную обществу – это исключит возможность коррупции» (<https://yaroslav-gunin.livejournal.com/470069.html>)), *медицина и здоровье* («Помогаем и дарим надежду. Республиканский протезно-ортопедический центр» (<http://antifashist.com/item/doneck-v-billbordah-fotoreportazh.html>)), *право* («Судебная система – на страже завоеваний республики» (<https://yaroslav-gunin.livejournal.com/470069.html>)) и др. Такая реклама имеет большое идеологическое

и патриотическое значение. Основной лейтмотив вышеперечисленных слоганов – достижение стабильности в новом государстве и удовлетворение потребностей общества.

За мужество, стойкость и массовый героизм 26 августа 2017 г. Донецку было присвоено почетное звание «Город-Герой». На улицах города появилась социальная реклама, призывающая чтить и помнить заслуги не только солдат Великой Отечественной войны (рис. 1), но и героев нового времени, например, слоган *«Наши павшие – как часовые. Бессмертный полк»*. Бессмертный полк в Донбассе отличается от других регионов тем, что он объединяет в себе три колонны: героев Великой Отечественной войны, воинов-интернационалистов и героев новой войны, которая длится уже четыре года. В этом слогане адресант использует такой действенный, на наш взгляд, прием как апелляция к прецедентному феномену: формирование эмоциональной реакции дестинатора достигается за счет отсылки к строкам из известной песни Владимира Высоцкого о Великой Отечественной войне. Это популярное и в наши дни произведение было написано в 1969 г. для кинофильма «Сыновья уходят в бой». В социальной рекламе широко распространен прием создания нового слогана на основе уже знакомого дестинатору (прецедентного) текста. Прямая и косвенная цитация отличают язык современного слогана социальной рекламы Донбасса. Прецедентные феномены в слоганах социальной рекламы служат аттракторами, актуализируют желаемые эмоции и являются наиболее эффективным средством усиления воздействия на адресата. Апелляция к патриотическим чувствам дестинатора усиливается также за счет метафорического сравнения павших в бою героев с часовыми, которые даже после смерти обороняют свой пост, защищают Родину.

Рис. 1. *«Победа! 9 мая. Я помню! Я горжусь!»* (https://restoring-donbass.com/blog/edyard_voskresenskiy/40511-donetsk-prazdnuet-9-maya/).

Слоганы, в которых адресант акцентирует внимание дестинатора на последствиях деструктивного саморазрушающего поведения (курения, алкоголизма, наркомании) в настоящее время не актуальны в нашем регионе. Крайне редко на билбордах встречается слоган Республиканского Наркологического Центра *«Трезвость – русская традиция»* (<http://novosti.dn.ua/news/267744-foto-dnya-doneck-segodnya>). Использование таких слов, как «традиция», «русская», «трезвость» в данном слогане несет

положительную семантику, поскольку адресант ассоциирует данные лексические единицы с домашним уютом, традиционным укладом, домовитостью и т.д. Эти понятия близки восприятию донбасского регионального сознания. На протяжении многих десятилетий у жителей Донбасса формировалось четкое представление, что наш родной край – это индустриальный регион, а город Донецк – это шахтерская столица. Люди в Донбассе видят свою реализацию в получении образования и работе в производственной отрасли или в энергетическом секторе. В школе и в семье у молодых людей активно формируется осознание недопустимости употребления алкоголя в большом количестве и разных видов наркотиков.

В настоящее время в СМИ культивируется не только образ промышленного Донбасса, но и образ Донбасса культурного, чистого и озелененного, что наглядно демонстрируют нижеприведенные примеры.

Общеизвестно, что в 70-е годы по решению ЮНЕСКО Донецк был признан наиболее зелёным из всех промышленных городов мира, после чего его стали называть «городом миллиона роз». Донецк получил это звание не случайно: под покровительством Владимира Ивановича Дегтярева – советского политического деятеля на улицах города более 50 лет назад было высажено около миллиона роз. В настоящее время Донецк продолжает бороться за чистоту. В мае 2017 г. на клумбах города коммунальные службы высадили два миллиона роз, поэтому в Донецке нет места для мусора. Кроме того, с 2014 года серия слоганов «У мусора есть дом» формирует эстетическое мировоззрение дончан.

В следующих примерах (рис.2, 3) внимание адресата привлекает не только вербальный, но и визуальный компонент.

Текст слоганов «Семья из 2-х банок снимет мусорный бак. Чистоту гарантируем» и «Подсади, браток!» (<http://vse-ravno.net/feedback/poster-u-musora-est-dom>) сведён к минимуму для того, чтобы воздействие главным образом было визуальным. Комическое в этих креолизованных текстах проявляется в способности увидеть в обыденной жизни курьёзность, отказаться от механического мировосприятия, посмотреть на обычные вещи по-новому [9, с. 166].

Рис. 2. «Семья из 2-х банок снимет мусорный бак. Чистоту гарантируем».

Рис. 3. «Подсади, браток!».

Адресант вышеприведенных креолизованных текстов с целью усиления прагматического потенциала использует визуальную метафору, а точнее олицетворение. Метафора заключается в том, что мусору присваиваются человеческие свойства, а мусорный бак или урна являются его домом. В данном случае невербальный компонент привлекает внимание, способствует запоминанию и вызывает желание адресата помочь этим «живым» неодушевлённым предметам и, как следствие – меньше разбрасывать мусор на улицах города [9, с. 167].

Социальная реклама – коммуникационный канал, позволяющий формировать и распространять определённое когнитивное и поведенческое отношение к миру. В то же время это – средство выражения мнения определённых общественных групп, предлагающих и конструирующих своё видение социальных проблем и способов их решения. Поэтому социальная реклама, безусловно, это – инструмент создания образа социальной реальности [8, с. 96]. В настоящее время потенциальные возможности социальной рекламы, в частности слогана социальной рекламы Донбасса, до конца не изучены, поэтому не используются в полной мере.

Слоган социальной рекламы всегда направлен на достижение перлокутивного эффекта. Перлокутивный эффект зависит от тактик и стратегий, выбранных адресантом, а также от того какие речевые акты (прямые / косвенные) выберет адресант для выражения своих намерений. По нашему мнению, в рамках данного исследования необходимо рассмотреть слоганы социальной рекламы Донбасса с точки зрения теории речевых актов и определить их лингвопрагматические особенности. Для анализа материала нашего исследования наиболее приемлемой представляется классификация Н. И. Формановской, согласно которой можно выделить 7 видов речевых актов:

- репрезентативы – утверждения, главная функция которых – передача информации («Оплата за электроэнергию производится в отделениях Центрального Республиканского Банка» (<https://yaroslav-gunin.livejournal.com/470069.html>) – косвенный речевой акт (завуалированная просьба «Оплатите счет за электроэнергию»));

- комиссивы – речевые акты принятия обязательств («Воспитаем достойное поколение»);

- директивы – советы, приказы, просьбы и т.д. («Минздрав ДНР – против коррупции! Если с Вас требуют деньги в больнице – требуйте чек!» (<https://yaroslav-gunin.livejournal.com/470069.html>));

- экспрессивы – речевые акты, выражающие эмоции адресанта. Это могут быть поздравления, пожелания, сочувствия, извинения, сожаления («С днем защитника Отечества! С праздником мужества, доблести и отваги!» (<http://antifashist.com/item/doneck-v-billbordah-fotoreportazh.html>));

- декларативы – официальные заявления, высказывания, объявления, назначения, присвоения званий и т.д. (МЧС ДНР предупреждает: «Не оставляйте детей без присмотра» (<http://antifashist.com/item/doneck-v-billbordah-fotoreportazh.html>));

- рогативы – вопросы («Мы платим за услуги ЖКХ – уют нашего дома. Ты с нами?» (<https://yaroslav-gunin.livejournal.com/470069.html>)). В данном слогане функция вопроса – не выяснение информации, а просьба выполнить определённое действие (завуалированный директив) «Оплати услуги ЖКХ»;

- контактивы – извинения и благодарности («Спасибо, Россия!» (<https://yaroslav-gunin.livejournal.com/470069.html>)).

В ходе исследования мы проанализировали 200 слоганов. Анализ фактического материала показал, что адресант слогана социальной рекламы Донбасса наиболее часто прибегает к двум видам речевых актов из семи возможных: директивам и репрезентативам. Классификация, используемая в нашем исследовании, выглядит следующим образом (диаграмма 1).

Диаграмма 1. Виды речевых актов в слоганах социальной рекламы Донбасса.

Итак, в слоганах социальной рекламы Донбасса преобладают репрезентативные и директивные речевые акты, цель которых не только сообщить информацию, но и спровоцировать определённые действия адресата. Таким образом, уместно будет вспомнить об использовании в рекламном дискурсе прямых и косвенных речевых актов. Дж. Серль в статье «Косвенные речевые акты» говорит о том, что адресант по той или иной причине (например, из вежливости или для более глубокого воздействия на адресата) прибегает к косвенному способу выражения своей иллокутивной цели [11, с. 59-82]. Например, с целью избежания актов, которые «угрожают лицу» адресата в слогане социальной рекламы, речевой акт директива может быть представлен формой репрезентатива или другого речевого акта (с иллокуцией директива), благодаря чему слоган приобретает рекомендательный характер, не «отталкивая» при этом своего дестинатора излишней категоричностью. Следует отметить, что в слоганах социальной

рекламы Донбасса face threatening acts используются довольно часто. Это можно объяснить не только коммуникативными особенностями слогана (за короткое время текст сообщения должен быть предельно ярким и максимально эффективным), но и психолингвистическими особенностями жителей Донбасса, которые отличаются высоким уровнем эмоциональности и экспрессивности коммуникативного поведения.

Так как основной задачей социальной рекламы является преобразование поведенческой модели современного общества, рассмотрение проблемы использования языковых средств, посредством которых адресантом создается убедительный запоминающийся образ объекта рекламирования, приобретает в наше время большое практическое и теоретическое значение [9, с. 200-201]. По мнению Г. П. Грайса, общение подчиняется определенным законам. Успешность коммуникации зависит от соблюдения либо нарушения этих законов, а точнее, максим принципа кооперации. Возникает вопрос, в какой мере эффект коммуникации в дискурсе социальной рекламы Донбасса зависит от соблюдения максим Г. П. Грайса?

Удачное общение представлено постулатами качества, количества, релевантности и способа [10, 41-58].

Основные кооперативные максимы Г. П. Грайса в совокупности регулируют обмен информацией между индивидуумами, вовлеченными в интеракцию. Теория основана на предположении, что пользователи языка молчаливо согласились кооперировать, внося тот вклад в разговор, которого требует определенная ситуация [5, с. 91]. Одним из главных понятий концепции Г. П. Грайса является *импликатура*, которая представляет собой имплицитный (завуалированный) смысл, образованный в результате нарушения определенных максим. Ниже нами проанализированы случаи соблюдения / нарушения авторами слоганов социальной рекламы Донбасса максим принципа кооперации.

Максима количества (постулат информативности): адресант должен быть настолько информативным, насколько того требует ситуация общения, то есть количество информации не должно быть ни слишком маленьким, ни слишком большим. Говорящий всегда обладает определенными знаниями о своем адресате – в частности, знает, в каком количестве информации дестинатор нуждается, что именно он должен знать. В свою очередь, редуцию количества информации (нарушение максимы количества) можно рассматривать как сигнал контекстуализации, которая показывает, что говорящие являются членами одной социальной группы и разделяют часть невысказанных контекстуальных знаний. Нарушение максимы является значимым в сообщении определенных импликатур [5, с. 92]. Например, в слогане «*Осторожно! Тонкий лед*» (<https://yaroslav-gunin.livejournal.com/470069.html>) адресант нарушил максимум количества информации, но адресат способен вывести импликатуру: «*Не стоит пренебрегать мерами предосторожности, выходя на тонкий лед: тонкий лед может стать причиной трагедии*». Адресантом данного слогана является МЧС ДНР. Подобную рекламу мы видим каждый год в зимние месяцы вдоль побережья реки Кальмиус. Адресант не считает нужным применять длинную фразу, приведенную выше. Используя междометие «осторожно» (призыв к соблюдению осторожности), он игнорирует максимум количества. По его мнению, каждый сознательный человек сам знает, какими могут быть последствия прогулок по непрочному льду. Нарушенный постулат количества информации восстанавливается за счет общего фонда знаний коммуникантов. Несмотря на то, что они дистанцированы друг от друга, дестинатор сможет правильно интерпретировать высказывание.

Таким образом, нарушая принцип количества информации, адресант предполагает, что адресат разделяет вместе с ним часть контекстуальных знаний и способен вычленить разговорную импликацию [5, с. 92].

Максима качества. Высказывание адресанта должно быть истинным и правдивым. Обычно в слоганах социальной рекламы Донбасса эта максима соблюдается адресантом (в отличие от коммерческой рекламы), но все же встречаются случаи ее нарушения с целью привлечения внимания интерактанта. Например, адресант слогана «*Наркотики – не модно*» (<https://maxi-good.livejournal.com/148751.html>) игнорирует максиму качества: современная молодежь отказывается от наркотиков, но этот вид деструктивного поведения никогда не считался модным в нашем регионе. Рассмотрим еще один пример нарушения вышеупомянутой максимы. Нарушение максимы качества в тексте слогана социальной рекламы должно быть стратегически обоснованным [9, с. 94]. Адресату слогана «*Анечка, 4 года. Она уже выкурила 70 пачек ... хотя не прикасалась к сигаретам. Перестань курить в общественных местах*» (<http://mf.mediasapiens.ua/material/22693>) понятно, что Анечка за свою жизнь еще ни одной сигареты не выкурила. Откуда же тогда такая внушительная цифра (70 пачек)? Предоставляя такие среднестатистические и ничем не подтвержденные данные, адресант игнорирует максиму качества с целью привлечь внимание адресата к проблеме пассивного курения. Большинство людей, членов современного общества, даже не задумывались над тем, что курение в общественных местах вредит здоровью окружающих.

Максима релевантности. Ради успешной коммуникации адресант не должен отклоняться от темы. Новая информация должна быть связана с тем, что было сказано ранее.

В ходе исследования нами было выявлено, что авторы слоганов социальной рекламы Донбасса всегда соблюдают вышеупомянутую максиму. Даже создавая ряд слоганов, относящихся к определенной социальной проблеме, адресант освещает её с разных сторон и в любом случае не отклоняется от темы, каждый раз дополняя уже сказанное новым содержанием. Например: «*Спасибо за чистый воздух!*», – *Алёна, официантка* или другой слоган, который продолжает эту мысль в рамках проекта «Донбасс без табачного дыма»: «*Еда и напитки вкуснее без табачного дыма*» (<https://vk.com/club24663444>). Принцип релевантности применяется во всех без исключения проанализированных слоганах, так как они содержат высказывания, которые релевантны друг другу и представляют собой единое целое [9, с. 96].

Максима способа выражения (манеры). Эта категория формулируется постулатом «высказывайся понятно» [10, с. 41-58].

Несоблюдение максимы манеры (способа действия) выражается в разного рода языковых аномалиях, от лексических неологизмов и грамматически ошибочных конструкций до прагматически неожиданных высказываний – неожиданных с точки зрения прагматических правил построения связного текста [4, с. 66].

Вместе с тем, умышленное нарушение этой максимы придаёт слогану особую стилистическую окраску, оттенок оригинальности, привлекает внимание адресата, стимулирует интерес, способствует запоминанию, вызывает перлокутивный эффект. С этой целью адресант может использовать различные средства, например, метонимию: «*Донецк дышит розами, а ты?*» (<http://mf.mediasapiens.ua/material/22693>). Метонимия основана на замене слова по «смежности» (часть вместо целого или наоборот; представитель вместо класса или наоборот; вместилище вместо содержимого или наоборот и т. п.) [7]. Адресант данного слогана под словом «Донецк» подразумевает людей, проживающих в городе. Адресант апеллирует к эмоциям адресата (нежеланию

быть не таким как все), которые актуализируются благодаря использованию неожиданного противопоставления действий адресата и большинства жителей города, что настраивает дестинатора на правильное (с точки зрения адресанта) восприятие информации. И, как следствие, адресат может отказаться от очередной сигареты.

Соблюдение / нарушение максим Г. П. Грайса в слоганах социальной рекламы Донбасса зависит от уровня фоновых знаний интерактантов, социального статуса адресата, его эмоционального состояния и т. д.

В определенных контекстах говорящий сознательно может игнорировать тот или иной коммуникативный постулат для придания информации завуалированной формы, не выражая своих намерений эксплицитно, тем самым он заставляет слушателя изъять соответствующий компонент содержания высказывания в качестве коммуникативной имплицатуры [2, с. 237].

Соблюдение / нарушение максим принципа кооперации позволяет адресанту добиться максимального воздействия на адресата слогана.

Итак, рекламный текст в его региональном преломлении – явление яркое, уникальное, так как он создает неповторимую национальную особенность языка, которая в значительной мере влияет на восприятие, мышление и понимание человеком картины мира [6].

Специфика региональной ментальности позволяет воспринимать информацию, изложенную в слогане социальной рекламы, как объективную и вызывающую доверие, так как она «своя». В некоторых случаях адресант косвенно навязывает дестинатору мнения, установки, определенные цели. Для эффективного воздействия на адресата адресант слогана может использовать акты с завуалированной иллокуцией, употреблять изобразительно-выразительные средства, основанные на переносном значении слов, нарушать максимы принципа кооперации, апеллировать к прецедентным феноменам и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобровская Г. В. Двусмысленность в рекламных текстах / Г. В. Бобровская // Журналистика и медиаобразование-2007: сб. науч. тр. II-й Междунар. науч.-практ. конф.: в 2-х т. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. – Т. II. – С. 33-36.
2. Вахтин Н. Б. Социоллингвистика и социология языка / Н. Б. Вахтин, Е. В. Головкин. – Москва: Гуманитарная академия, 2004. – 388 с.
3. Воронина О. С. Прием компрессии в текстах региональной рекламы / О. С. Воронина // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий : материалы Международн. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 23–24 апреля 2015 г. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. – Т. 2. – С. 116-120.
4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – Москва: КомКнига, 2006. – 288 с.
5. Кравченко Н. К. Практическая дискурсология: школы, методы, методики современного дискурс-анализа / Н. К. Кравченко / Практическое пособие. – Луцк: Волиньполіграф, 2012. – 251 с.
6. Неговорова И. В. Рекламный текст как отражение кубанского регионального сознания [Электронный ресурс] / И. В. Неговорова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2009. №1. – Режим доступа URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reklamnyy-tekst-kak-otrazhenie-kubanskogo-regionalnogo-soznaniya> (дата обращения: 05.06.2018).

7. Савельева А. И. Метонимия как инструмент языковой игры в печатных рекламных текстах [электронный ресурс] / А. И. Савельева // Материалы XVII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов 2011». – Режим доступа: http://conf.msu.ru/archive/Lomonosov_2011/1245/32528_e78f.pdf
8. Шовина Е. Н. Место социальной рекламы в осмыслении региональных социальных проблем (на примере Мурманской области) / Е. Н. Шовина [Электронный ресурс] // Проблемы развития территории. 2013. №4 (66). – С. 95-101. – Режим доступа URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-sotsialnoy-reklamy-v-osmyslenii-regionalnyh-sotsialnyh-problem-na-primere-murmanskoj-oblasti> (дата обращения: 06.06.2018).
9. Юрьева Е. В. Слоган социальной рекламы: коммуникативно-прагматические и когнитивно-концептуальные функции : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Юрьева Е. В. – Горловка, 2017. – 228 с.
10. Grice H. P. Logic and conversation / H. P. Grice // Syntax and semantics / ed. by P. Cole and J. L. Morgan. – N. Y.: Academic Press, 1975. – Vol. 3. – P. 41-58.
11. Searle J. R. Indirect speech acts / John R. Searle // Syntax and Semantics / Cole P., Morgan J.L. (eds.). – New York, San Francisco, London: Academic Press, 1975. – Vol. 3: Speech Acts. – P. 59-82.

E. V. Yuryeva

THE PLACE OF SOCIAL ADVERTISING SLOGAN IN UNDERSTANDING THE SOCIAL PROBLEMS OF DONBASS

The main task of social advertising is to transform the behavioral model of modern society, so the consideration of the problem of using language means, through which the addressee creates a convincing memorable image of an advertised object, has in our time a great practical and theoretical value. The article deals with the Donbass regional component of social advertising slogans. The purpose of the work is to show the national peculiarities of the language through the reflection of the Donbass regional consciousness.

Keywords: social advertising slogan, social problem, Donbass regional consciousness.

УДК 81`42

Н.П. Курмакаева, А.С. Мазурова
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Научн. рук. доц. Н.П. Курмакаева)

ГАЗЕТНЫЙ ЗАГОЛОВОК: ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ НАГРУЗКА И СПЕЦИФИКА

В данной статье рассмотрена специфика и функциональная нагрузка газетного заголовка в СМИ ДНР. Цель – показать, что главная задача заголовка заключается в привлечении внимания адресата.

Ключевые слова: газетный заголовок, функциональная нагрузка, специфика заглавия

Заголовок как обязательный элемент в газетном тексте выполняет важнейшую коммуникативную нагрузку, позволяя ориентироваться в содержании газетной полосы и выбирать для себя интересные публикации. Предваряя текст, заголовок несет определенную информацию о содержании публицистического произведения и вместе с тем содержит определенную эмоциональную окраску, привлекая внимание, возбуждая читательский интерес. В исследовательской литературе отмечается, что заголовок в публицистическом тексте полифункционален, это «аббревиатура смысла». Можно сказать, что заголовок – это собственное имя текста, а также специфический элемент системы указателей. Специфика заглавия проявляется в том, что оно служит своего рода «ярлыком».

Ученые (например: Г.Г. Хазагеров, Э.А. Лазарева и др.) выделяют несколько функций заголовочных текстов. Заголовок называет, обозначает текст (номинативная функция), активизирует работу читательского мышления через возбуждение интереса, сообщая что-либо (информативная функция), он привлекает непровольное внимание с помощью различных графических средств (графически-выделительная функция) и произвольное внимание к тексту статьи (рекламная функция), помогает понять смысл публикации (смыслообразующая функция), понять журналистскую концепцию (функция изображения авторского отношения к предмету речи) и реакцию читателя (оценочно-экспрессивная функция), включается в создание стилистических текстовых эффектов (стилистическая или аттрактивная функция), в целом помогает чтению и запоминанию газетных публикаций (мнемоническая функция) [1, с. 105].

Заголовок – это «текстовый знак, являющийся обязательной частью текста и имеющий в нем фиксированное положение» [2, с. 59].

«Перед» текстом заголовок в функции условного знака лишь «намекает» на содержание текста. «После» текста, когда имеется уже версия его цельности, заголовок сообщает своим преобразованным значением о содержании текста» [2, с. 60].

«Заголовок, предваряя текст, несет определенную информацию о содержании публицистического произведения и имеет эмоциональную окраску. Исследования психологов показывают, что около 80 % читателей уделяют внимание только заголовкам» [3, с. 16]. «Газетные заголовки – это центр газеты, ее лицо. По заголовкам можно судить о богатстве газеты, о ее стиле и культуре» [3, с. 17].

С точки зрения Э.А. Лазаревой, заголовок имеет двойную природу. С одной стороны, это языковая структура, предваряющая текст, стоящая над ним и перед ним. Поэтому заголовок воспринимается как речевой элемент, находящийся вне текста и имеющий определенную самостоятельность. С другой стороны, заголовок – полноправный компонент текста, входящий в него и связанный с другими компонентами целостного текста (началом, серединой, концовкой), вместе с которыми он составляет архитектуру текста. Эта «двойственная природа заголовка» и определяет его особенности [3, с. 46].

Любой заголовок концентрированно представляет содержание материала, выражает некую целостную идею или образ произведения, настраивая таким образом читателя не только идейно, но и психологически. И.Р. Гальперин отмечает, что в некоторых произведениях заголовок лишь называет проблему, решение которой дается в тексте. В других – название как бы тезис самого корпуса текста. В иных произведениях название текста настолько глубоко закодировано, что его декодирование возможно только по прочтении всего произведения [4, с. 133].

«Функция заголовка в публицистике подобна функции рекламы: чем удачнее, тем больше шансов, что товар, в данном случае информация, будет куплен. Поэтому

в заголовках используются различные средства привлечения внимания: обыгрываются фразеологические единицы... строчки из песен и литературных произведений... лозунги» [4, с. 12].

«Имя текста в современной газетной публицистике отличается высоким экспрессивным фоном. Выполняя информативную и прагматическую функции, заголовок играет роль первой скрипки в тексте и во всем заголовочном ансамбле и служит ориентиром для читателя» [2, с. 48].

Специфика газетных заголовков заключается в том, что в них, когда они отвечают своему назначению, в сжатой, лаконичной форме отражена основная мысль публикации и выражено отношение пишущего к содержанию текста.

Специфика заглавия проявляется и в том, что, занимая сильную позицию в тексте, оно, наряду с зачином и концовкой, относится к тем композиционным элементам текста, которые привлекают повышенное внимание при первом знакомстве с публикацией, способствуют подготовке читателя к восприятию информации, создают определенный эмоциональный или оценочный фон. Сделать заголовок легким для восприятия, информативным и одновременно интригующим – одна из труднейших задач журналиста.

Для создания такого броского, необычного заголовка автор нередко прибегает к использованию прецедентизмов всех разновидностей. Употребление в заголовке стереотипного, понятного для собеседника изречения является сигналом принадлежности к данному социуму, связи с его культурой и традициями. Газетный заголовок выполняет функции условного рефлекса, это намек, от которого явление социально-психологического характера или событие общественно-политического, исторического значения оживает, активизируется в сознании читателя. Подобные единицы обычно выполняют не столько номинативно-информативную, сколько рекламную-экспрессивную и эмоционально-оценочную функцию.

Заголовки, используемые в современных газетных текстах, «наглядно иллюстрируют тенденцию качественных массовых и бульварных газет использовать свой набор выразительных средств. Анализ языка газет показывает, что каждой из них свойственна направленность «употреблять свой словарь экспрессии» [5, цит. по 42: 69]. Одним из распространенных экспрессивных средств, используемых в заголовке, можно считать всякого рода аллюзии, т.е. намеки на смысловую связь содержания «нового» текста с феноменом из «старого», «известного», например: Встречаются и смешанные аллюзии, которые обладают признаками как исторической, так и литературной аллюзии.

В газетных заголовках используются следующие разновидности литературной аллюзии [7]:

1. Литературные цитаты-реминисценции, имена персонажей, названия произведений: «Человек - это звучит горько» (Донецк Вечерний, 2017); «Они знали, как нас похоронить, но не знали, что мы – семена» (Донецк Вечерний, 2017); «Зубами и ногтями за землю» (Вечерний Донецк, 2009).

2. Видоизмененные высказывания ученых, политиков, деятелей культуры: «Новое? Нет, хорошо забытое старое» (Вечерний Донецк, 2009); «Украина пускает пыль в глаза мирового сообщества Раунд переговоров» (Донецкая республика, 2017); «Жребий брошен! Ждем игры!» (Вечерний Донецк, 2009); «Сирийский узел: Разрубить нельзя развязать» (Новороссия, 2017).

3. Библиизмы (факты, имена, фразы из Ветхого и Нового Завета): «Служба воздушного движения грубо нарушила наставления по производству полетов - своего рода «Отче наш» авиаторов» (Вечерний Донецк, 2010).

4. Цитаты, в том числе трансформированные, из популярных песен: «Любимый урка может спать спокойно» (Новороссия,2016).

5. Измененные названия теле- и видеофильмов, фразы из популярных фильмов и телепрограмм, рекламы: «Тишина в эфире!» (Новороссия,2017); «Юным акулам пера» (Донецкая Республика,2016).

6. Трансформированные крылатые выражения: «Теперь все будет просто: пришел, увидел, поменял» (Новороссия,2016); «Третья сила» умерла. Да здравствует «Третья сила»?» (Вечерний Донецк,2011).

7. Названия живописных полотен, скульптур и других произведений искусства: «Перекуем Иванов на Абаев» (Донецк Вечерний,2017).

Экспрессия цитатного заголовка связана с механизмом порождения и восприятия информации, с присутствующим элементом догадки, предположения [2, с. 34]. Читая заголовок, содержащий узнаваемые отсылки к предтекстам, мы составляем определенные прогнозы содержания всего текста. В дальнейшем «эти прогнозы проверяются, подтверждаются, корректируются, опровергаются» [6, с. 46].

Туманный, непонятный, неясный заголовок рождает вопросы к публикации, он интригует, заставляя прочитать весь материал.

Инновации в заголовке как экспрессивное средство неоднократно отмечались в числе средств привлечения внимания к публикации. «Вынесенная в заголовок, инновация становится логичным экспрессивным средством... привлекающим внимание читателя» [2, с. 12]. К разряду таких инновационных средств можно уверенно отнести современные прецедентные феномены, которые в лингвистике определяются как явление интертекстуальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Правдин М.Н. Анализ содержательной структуры текста / М.Н.Правдин // Лингвистика текста. – Вып. 103. – М., 1976. – С. 15-19.
2. Лисоченко О.В. Риторика для журналистов: прецедентность в языке и речи: Учебное пособие для студентов вузов / О.В. Лисоченко // Под ред. проф. Л.В. Поповской (Лисоченко). – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. – 318 с.
3. Петров М.К. Язык, знак, культура. / М.К. Петров – М., 1991.
4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р.Гальперин. – М., 2005.
5. Торсуева И.Г. Сверхтекстовое образование как метод интерпретации текста / И.Г. Торсуева // Семантика целого текста. – М., 1987. – С. 149– 150.
6. Степанов Ю.С. Контакты. Словарь русской культуры. Опыт исследования. / Ю.С. Степанов– М., 1997.
7. Виноградов, С.И. Культура русской речи / С.И. Виноградов. - М.: Инфра - М, 1999. - С. 127.

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕМЬИ

В статье рассматриваются особенности языковой игры в коммуникативном пространстве семьи, а также трансформация прецедентных текстов в семейной коммуникации. Актуальность статьи обусловлена тем, что в современном языкознании практически не исследовано речевое поведение членов малых социальных групп в непринужденной обстановке. В ходе исследования были определены функции и цели языковой игры в семейном коммуникативном пространстве.

Ключевые слова: языковая игра, коммуникативное пространство, прецедентный текст.

Сложный процесс обмена информацией, налаживание взаимопонимания между участниками коммуникации, достижение диалога и результата общения предполагает наличие определенного коммуникативного пространства, т.е. социально-психологической среды, где возможно построение адекватной коммуникации.

Коммуникативная культура семьи представляет собой важную сферу в жизни человека, влияет на его сознание, его поступки, мысли и желания. Коммуникативные навыки являются одним из решающих факторов успешного информационного обмена, как в семье, так и вне ее.

Практически все, что окружает человека, что составляет его среду обитания, является и его коммуникативным пространством. Несомненно, одно из наиболее важных пространств – семья. Семейное коммуникативное пространство – это взаимодействие всех членов семьи на различных уровнях – непосредственное общение (естественный контакт) и опосредованное (общение по телефону и в соцсетях, передача информации друг через друга). В семейной коммуникации общение осуществляется между собеседниками разного возраста (преимущественно три поколения) и разной степени родства (муж и жена, родители и дети, родственники супругов, близкие друзья семьи).

Целью нашего исследования является рассмотрение языковой игры в семейном коммуникативном пространстве, в котором общение является неподготовленным, наименее структурированным, осуществляемым на бытовом уровне, где все говорящие знакомы друг с другом и особенностями речи каждого.

По словам Ю.О. Коноваловой термин «языковая игра» принадлежит австрийскому философу и логичу, Людвигу Витгенштейну, введенный им в «Философских исследованиях» 1945 г. Согласно его концепции языковыми играми считается соединение речи и действия, т.е. любое высказывание является осуществлением какого-либо действия [4, С. 5-6].

Е.А. Земская, М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова в монографии «Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест» языковой игрой называют «явления, когда говорящий «играет» с формой речи, когда свободное отношение с формой речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное. Это может быть и незатейливая шутка, и более или менее удачная острота, и каламбур, и разные виды тропов» [2, С. 172].

Зарождение современной языковой игры многие исследователи находят в древнерусской смеховой культуре. Д.С. Лихачев относит древнерусский смех к типу

смеха средневекового, основной особенностью которого является его направленность на самого смеющегося. Смеясь, он изображает себя дураком, неудачником, «валяет дурака», изображая свои несчастья. В скрытой и открытой форме присутствует критика существующего мира, социальных отношений, таким образом, «дурак» умен – он знает об окружающем мире больше, чем его современники [6, С. 4-5].

В.З. Санников выделяет специфическую цель употребления языковой игры: заинтриговать, заставить слушать; развить речь и мышление; развлечь себя и собеседника; самоутвердиться. На основе целей использования языковой игры В.З. Санников выделяет четыре функции языковой игры: 1) тренировочную (речетворческую), 2) развлекательную, 3) психотерапевтическую, 4) маскировочную [7, С. 26-30].

Каждой функции языковой игры соответствует определенная цель ее применения. Тренировочная функция связана со стремлением к развитию речи и мышления. Развлекательная – с желанием говорящего развлечь себя и собеседника. Психотерапевтическая функция вытекает из намерений человека самоутвердиться. Маскировочная функция касается не сказанного, а отношений между говорящими, принятых ими соглашений: языковая шутка позволяет обойти «цензуру культуры» (высказать тривиальное, сгладить невежливость). С целью заинтересовать собеседника, заставить его слушать В.З. Санников не связывает никакой функции [Там же].

Е.Б. Курганова выделяет такие функции языковой игры:

- эстетическая функция, заключающаяся в сознательном стремлении испытать самому и вызвать у реципиентов чувство прекрасного самой формой речи;
- гностическая функция, направленная на порождение новой модели мира путем пересоздания уже существующего языкового материала;
- гедонистическая функция, ее суть – в развлечении реципиента необычной формой речи;
- прагматическая функция, нацеленная на привлечение внимания к оригинальной форме речи;
- выразительная функция служит более образной, а, соответственно, и более тонкой передаче мысли;
- изобразительная функция помогает наглядно воссоздать ситуацию говорения, а также каким-либо образом охарактеризовать человека, чьи слова передаются;
- изредка исследователями выделяется поэтическая функция языковой игры, т.к. «играя, говорящий большое внимание обращает на форму речи, а устремленность на сообщение как таковое и есть характерная черта поэтической функции языка»
- маскировочная функция, надевающая «маску» пристойности, благоразумия и логики на любой скабресный, циничный или даже абсурдный текст [5, С. 28].

В семейной коммуникации языковая игра осуществляется с целью не только развлечь собеседника, но и в шуточной форме обратить внимание на какие-то недостатки, проинформировать о чем-то в необычной форме. Это может быть и незатейливая шутка, и более или менее удачная острота, и каламбур, и разные виды тропов (метафора, сравнение и т. д.), и цитирование детских книг и т.д., поэтому в семейном коммуникативном пространстве мы выделяем такие функции:

- 1) развлекающая (стремление развлечь себя и собеседника);
- 2) психологическая (снятие собственного раздражение и раздражение членов семьи);
- 3) самоутверждающая (показать свою социальную значимость);

4) проявления психологических особенностей личности (склонность к языковой игре объясняется особенностями характера);

5) информационная (для привлечения внимания собеседника к обсуждаемой теме или проблеме).

В семейном коммуникативном пространстве мы зафиксировали разные приемы построения языковой игры, например:

Фонетическая деформация: *щИкотно* (вместо щикОтно), *гавкатеть*, *мявкатеть* (вместо гавкать и мяукать), *прячь уши* (уши) *в шапку*.

– *Посмотри красиво?*

– *Ну, просто прЫнц!*

Также мы рассматриваем языковую игру, в основе которой лежат различные способы ее создания.

Рифмовка:

– *Что ты уселся? Может быть, поможешь Томе?*

– *Не ценят меня в этом доме.*

– *Здрости, кума Настя!*

Часто рифмовка встречается при употреблении «домашних» имен: *мусик-мамусик*, *Соня-засоня*, *пузик-карапузик*, *куколка-мяуколка*, *Ясик-карасик*, *Сашка-мордашка*, *Даша-растеряша*.

Метонимический перенос:

М: *Ну, возьми ремонтные деньги* (то есть деньги, предназначенные для ремонта);

Синекдоха:

– *Сегодня начальство вроде доброе, отпускает раньше!* (начальство – начальник);

– *Весь дом вышел во двор! Вот что значит – весна!* (весь дом, т.е. люди, живущие в доме).

Окказиональные образования:

– *Интересно, он изменился, все-таки новый город, работа ...*

– *Конечно, совсем омосковился* (стал москвичом);

– *Куда же ты прешь, пустая головёшка* (окказионализм от «голова»),

***

– *Где мои сверла?*

– *Какие? Электродрелевые?* (от словосочетания *электрическая дрель*).

***

– *Это просто замечательно!* (замечательно).

Острота в семейной коммуникации часто используется для привлечения внимания к недостаткам собеседника:

– *Ты ж устал. Бедный. Весь день на войне* (мужчина играет в военную компьютерную игру);

– *Да. Ты сегодня вообще метеор. Всего-то за два часа собралась.*

Каламбур:

Ж: *Опять какое-то «мыло» смотрит?*

М: *Да, хозяйственное.*

Также в семье возможно намеренное использование взрослыми искаженных слов, которые произносит маленький ребенок, в общении со взрослыми членами семьи:

– *Буля у нас все может, да?* (бабуля);

– *Пойдем люлю* (пойдем гулять).

Обизя (спасибо), *мапа* (мама и папа), *асота акая* (красота какая), *быта-быта* (быстро-быстро), *бай* (спать).

В коммуникативном пространстве семьи часто фиксируем такой прием языковой игры, как речевая маска.

Один из способов любой игры (не только языковой) – выступать в чужой роли. Взрослые тягу к игре, к переодеванию реализуют в речи, поэтому едва ли не самый частый, простой и распространенный способ языковой игры – прием речевой маски. Говорить необычно, как кто-нибудь – приезжий из деревни, сюсюкающая дамочка, бюрократ, ребенок, иностранец – эти и многие другие речевые маски всегда под рукой у говорящих. Используя этот прием, говорящий обычно не заботится о полном воспроизведении чужой речи, он лишь бросает отдельные яркие мазки, наиболее характерные приметы чужого голоса [2, С. 180].

В семейном дискурсе фиксируем:

– *Я недавно видела такой костюмчик, такой симпатичненький, такой мягонький! И ушки, как у зайчишки! Такой розовенький с беленьким! Ой, а я вчера ноготочки такие сделала, такие ну, тоже розовенькие!* (речевая маска знакомой, в речи которой присутствует обилие деминутивных лексических единиц; при рассказе также повышается тон и темп речи).

– *Так я не поняла, где ж мне выходить? Мне автобус нужен, шо на станцию идет! Мужчина, ну вы шо ж не видите, шо у меня сумка большая, дайте ж я выйду! А ещё не выходить?! Дайте назад сяду! Вот это ж с пяти утра на ногах, а потом ещё очередь какая, а потом ещё у вашем автобусе ехать!* (речевая маска женщины из транспорта, с характерным «шоканьем», фрикативным [г], также в этой речевой маске появляется «одесский» говор, что добавляет красок в речь, но не является настоящим).

Языковая игра в большинстве случаев – стереотипное (стандартное) творчество, чем объясняются часто повторяемые разными людьми шутки. Степень креативности языковой личности зависит от способности отходить от стереотипных способов преобразования единиц и создавать нечто оригинальное [4, С. 11-12].

Понятие прецедентный текст появилось относительно недавно, его ввел Н.Ю. Караулов в 1987 году. Он охарактеризовал прецедентные тексты так: «...значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях; имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной личности». Прецедентные тексты представляют своего рода субстрат культуры, можно сказать, что они являются «вершиной пирамиды», т.е. представляют собой свернутый текст, обобщенную информацию. За каждым прецедентным текстом стоит определенное собрание информации. Свернутый (или прецедентный) текст – единица осмысления человеческих жизненных ценностей сквозь призму языка с помощью культурной памяти. Стоит отметить, что для каждой культуры характерны специфичные прецедентные тексты, соответствующие культурным кодам данной культуры. Феномен прецедентности основывается на общности социальных, культурных или языковых – фоновых знаний адресата и адресанта. Источником прецедентных текстов прежде всего являются фразеологические единицы (фрагменты рекламных роликов, ставшие известными высказывания общественных деятелей, политиков, афоризмы и т.д.). Прецедентным может быть текст любой протяженности: от афоризма до эпоса. О прецедентности текста, то есть о его ценности, свидетельствует, в первую очередь, количество обращений к нему при создании новых текстов.

Н.Ю. Караулов выделял два вида применения прецедентных текстов:

1. Нормальный – использование прецедентных текстов в изначальном виде.
2. Семиотический – использование прецедентных текстов в измененном виде [3].

Знание прецедентных текстов является показателем принадлежности к данной эпохе; они отражают уровень социума и его членов, национальную принадлежность личности, ее мировоззрение и одновременно является яркой характеристикой конкретного человека. Особенности языка личности связаны, наряду с другими факторами, и с характером используемых прецедентных текстов – распространенных и часто воспроизводимых текстов, знакомых широкому кругу носителей языка и отражающих культуру данного общества. Прецедентные тексты могут содержать цитаты из произведений мировой литературы и фольклора, классические крылатые слова, а также цитаты из популярных песен, фильмов, рекламы и т.п.

Анализ речи семьи показал, что прецедентные тексты характерны в основном для речи женщин. Центральное место среди прецедентных текстов, зафиксированных в речи, занимают цитаты из фильмов и музыкальных произведений.

– *Ничего, ещё не вечер, мы посмотрим, как он С. отвечать будет, она просто так оценку не поставит, он же дуб – дерево хвойное (к / ф «Кавказская пленница»);*

– *Сейчас в Луганске днем с огнем детского центра не найти! (К / ф «Кавказская пленница»);*

– *Короче, Склифосовский, ты идешь с нами. (К / ф «Кавказская пленница»);*

– *Редиска – нехороший человек, я с тобой не дружу. (К / ф «Джентльмены удачи»);*

– *Ну, ничего, обидно, досадно – ну ладно (сокращенно от «Обидно мне, досадно мне – ну ладно» В. Высоцкий);*

– *Саш, иди мне помоги!*

– ...

– *А в ответ – тишина (сокращенно от «Друг, оставь покурить, а в ответ тишина» В. Высоцкий);*

– *Эх, ну просто лепота! (К/ф «Иван Васильевич меняет профессию»);*

– *Куда идем мы с пятачком – большой, большой секрет (м / ф «Винни Пух и все-все-все»).*

Среди прецедентных текстов особое внимание заслуживают **фразеологизмы**, которые используются для украшения речи. Фразеологизмы встречаются в обычном, так и в трансформированном виде: *где раки зимуют; почем в Одессе рубероид; два сапога – пара; заморить червячка; довести до белого каления (чаще используется довести до белого колена); тянуть ляжку; вернемся к нашим баранам, шевели колготками (шевели ногами); губа не дура; гвоздь программы; дешево и ненужно (дешево и сердито); гречка в голове (каша в голове).*

– *Ничего, с миру по нитке – голому рубаха, так что интернет мне в помощь;*

– *Я подошла к ней, а она сидит такая, как ни при делах, мол, я ничё не знаю – моя хата с краю;*

– *Как говорится, в семье не без Максима!*

– *Игра стоит свеч, а свечи сейчас недешевые!*

Редко встречаются тексты, источником которых являются произведения художественной литературы и историческими фактами. Чаще такие тексты трансформированы:

– *Печь или не печь, вот в чем вопрос! («Гамлет» У. Шекспир);*

– *Если внук не идет к бабушке, то бабушка идет к внуку! (Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе);*

– *Зайчик, надо купаться, а то придет к тебе Мойдодыр!*

– *Ага! Умывальников начальник и мочалок командир! («Мойдодыр» К. Чуковского)*

– По-моему, этот Сусанин нас не туда ведет (отсылка к подвигу Ивана Сусанина).

Прецедентный текст определяется как часть речевой субкультуры (особая область народного коллективного творчества), говоря, что такие тексты «проникают» в сознание человека невольно, просачиваются в память, всплывая в речевом поведении в виде устойчивых выражений, готовых формул [1, С. 187-188].

Также одним из способов разнообразить повседневное бытовое общение может быть пересказ историй, произошедших со знакомыми или где-то услышанных; в последнее время источником появления новых прецедентных тестов, являются соцсети, например:

– *Видела вчера посвящение в книге: «Моей жене Маргарите и моим детям Элли Роуз и Даниэлю Адаму, без которых эта книга была бы готова на два рода раньше».*

– *Собак заводят те, кто хочет быть любимым, кошек те, кто сам готов любить. У хомяка задача в духе Христа – показать детям смерть.*

– *Вот знаешь, ленивый – это очень некрасивое слово, я предпочитаю термин «выборочное участие».*

– *Я в этот чай вложил всю душу // с любовью подбирал купаж // а ты, деревня, в нем баранку // купиш.*

Итак, в семейном коммуникативном пространстве, где привычна коммуникация на бытовые темы, языковая игра позволяет собеседникам разнообразить речь, привлечь внимание к отдельным вопросам или недостаткам собеседника, донести информацию в необычном виде. Для семейной коммуникации характерны различные приемы создания языковой игры (фонетическая деформация, рифмовка, тропы, каламбуры), а также прецедентные тексты в первоначальном и трансформированном виде, мини-рассказы из социальных сетей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горелов И.Н. Основы психолингвистики: Учебное пособие / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2005. – 320 с.

2. Земская Е.А. Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / М.Я. Гловинская, Е.А. Земская, Л.А. Капаназе, М.В. Китайгородская, Е.В. Красильникова, Н.Н. Розанова. – М.: Наука, 1983. – 239 с.

3. Караулов Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. – М.: Искусство, 1986. – с. 98-107.

4. Коновалова Ю.О. Языковая игра в современной русской разговорной речи / Ю.О. Коновалова. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2008, – 196 с.

5. Курганова Е.Б. Игровой аспект в современном рекламном тексте: учебное пособие. / Е.Б. Курганова. – Воронеж, 2004. – 124 с.

6. Лихачев Д.С. Смех в Древней Руси / Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, Н.В. Понырков. – Л.: Наука, 1984. – 295 с.

7. Санников, В.З. Русский язык в зеркале языковой игры / В.З. Санников. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 544 с.

A.V. Ponkratenkova

LANGUAGE GAME IN THE FAMILY COMMUNICATIVE SPACE

Language game features in the family communicative space, as well as the precedent texts transformation in family communication, have been considered in the article. The relevance of the article is due to the fact that speech behavior of small groups members in relaxed atmosphere has not been practically studied in modern linguistics. Functions and

goals of the language game in the family communicative space have been defined in the course of the study.

Keywords: *language game, communicative space, precedent text.*

УДК 81'42

Ж.В. Салдаева

ГОУ ВПУ «Донецкий национальный университет»
(Научн. рук. доц. Н.П. Курмакаева)

КРЕАТИВ В СОВРЕМЕННОЙ РЕКЛАМЕ

В данной статье рассматривается креативный подход в создании рекламных сообщений, его возрастающая и важная роль в современной индустрии рекламы. Выявляются основные функции креатива и языковые средства, с помощью которых рекламисты выделяют свой продукт из большинства для достижения прагматических целей.

Ключевые слова: *креатив, рекламный текст, творческая идея, языковые средства.*

В современном обществе роль информации очень велика, причем большая часть ежедневно потребляемой информации – рекламная. Реклама является подвижной и развивающейся сферой. Все чаще апеллируя к чувствам потребителей, авторы рекламных сообщений используют различные и создают новые способы реализации их прагматических функций. Поэтому реклама как многоаспектное явление представляет большой интерес для лингвистов и исследователей смежных областей.

Проблемами изучения языка рекламы занимались такие отечественные и зарубежные ученые, как В. В. Виноградов, Р. Волков, А. Н. Лук, И. И. Макиенко, Е. В. Сафонова, И. В. Цикушева, Д. Шугерман, Н. Н. Кохтев, С. Ю. Тюрина, А. Годдард и др.

Рекламный креатив как научную проблему поднимают такие современные ученые, как Л. П. Амири, И. Я. Имшинецкая, Т. Примак, Т. С. Пристайко и др.

Цель данной статьи – исследовать понятие креатива в рекламе, определить его особенности и функции. Для выполнения указанной цели ставятся следующие задачи: 1) дать определение понятию «креатив»; 2) выяснить основные приемы креативного подхода в рекламном тексте и его функции.

Актуальность работы определяет стремительное развитие рекламной индустрии и возрастающее воздействие языка рекламы на общество и нашу жизнь в целом. Материалом данного исследования являются современные рекламные сообщения в СМИ и наружная реклама.

С точки зрения лингвистики *реклама* — это «вид речевой деятельности, целью которой является регуляция спроса и предложения на товары и услуги...отрасль индустрии, занимающаяся производством особой текстовой продукции (часто поликодовой, т. е. использующей не только язык (вербальный код), но и музыку, изобразительные средства, пластику), ее размещением в СМИ, исследованием ее эффективности» [6, с. 274].

Продуктивная реклама, нацеленная на эффективность и привлекательность, предполагает креативный подход к деятельности с подбором индивидуальных решений и созданием концепций по зарождению творческих идей, интересных для потребителя.

Для более ясного понимания следует разобраться, что такое креатив. В переводе с английского «create» – сделать, создать что-то новое или оригинальное [4, стр.8]. В

базовом своем понятии это определение очень сходно с определением нашего русского слова "творчество, творить". Однако при заимствовании слов "креатив", "креативность", "креативный" из английского в русский язык они приобрели более узкое значение. В английском языке слово "create" применяется по отношению к любому творчеству (литература, искусство, реклама). В русском языке можно пронаблюдать, что слова от этого корня употребляются исключительно применительно к области коммерческого творчества, а для искусства у нас осталось слово "творить", "творчество".

Многие полагают, что творчество и креативность – синонимы. Однако, как мы выяснили, это не совсем так. Творческий процесс – это первооснова креатива, он базируется на вдохновении автора, его способностях, традициях, которым следует его творец. Главной же составляющей креатива является прагматический элемент, т.е. изначальное понимание: для чего, кого, как и что нужно создавать.

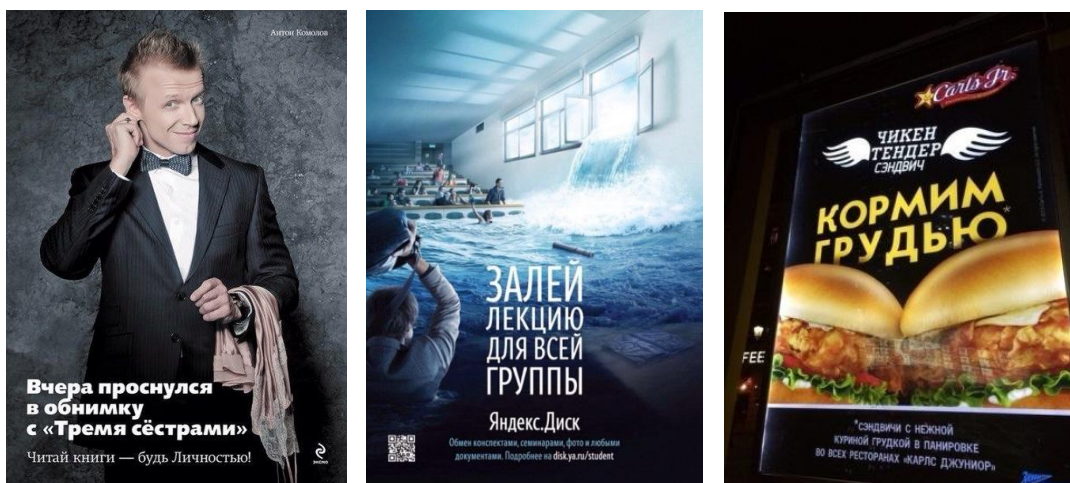
Украинский профессор Татьяна Примак в своей работе «Рекламный креатив» приводит три разные, но взаимосвязанные категории: творчество, креатив, рекламный креатив. В частности, креатив определяется как «... деятельность человека, направленная на поиск элементов нового, усовершенствования, обогащения, развития с коммерческим содержанием. Креатор работает, как правило, на заказ, направляет свои усилия на определенную аудиторию, в своей деятельности учитывает ее потребности и желания. Его основная цель - сделать свое творение таким, чтобы оно, во-первых, дало возможность самовыразиться креатору как творческой личности, во-вторых, было адекватно воспринято целевой аудиторией, на которую оно рассчитано, в-третьих, давало возможность заказчику достичь своей цели» [8, с.8].

Одним из эффективных способов креативного подхода в рекламе считается использование юмора и создание комического эффекта, что в первую очередь способствует привлечению внимания. Например: *Купил ноутбук, получи в ухо!* (при покупке ноутбука, наушники в подарок).

В большинство рекламных текстов помимо вербальных элементов входят аудиовизуальные. Тексты, в структуре которых помимо вербальных средств используются иконические (рисунок, фотография), а также средства прочих семиотических кодов (таких, как цвет, шрифт), называются креолизованными. Их фактура состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык). Как правило, наличие невербальной составляющей воспринимается как непременный атрибут полноценного рекламного текста. Текст рассматривается как отражение действительности, становящееся, в свою очередь, фрагментом этой действительности [10, с. 2].

Приведем примеры такого сочетания:

На данных рекламных сообщениях мы видим краткие и оригинальные слоганы, дополненные соответствующими изображениями. Благодаря такому сочетанию, мы можем полностью понять тот смысл или позыв, который хотели донести до нас маркетологи. Без изображения или слогана понять его было бы сложно. Оказывая влияние на покупателя с помощью вербальных и невербальных средств, реклама приобщает его к процессу создания рекламного образа. При восприятии текста потребитель не только считывает буквенный смысл вербальной составляющей рекламы, но и дополняет, расширяет этот смысл на основе собственных эмпирических данных (слуховых, зрительных, тактильных ощущений), на основе личного и коллективного опыта, знаний, стремлений.

Но значения вербального языка для рекламы более важно, так как только благодаря словесному тексту рекламная идея получает свое реальное воплощение и начинает «работать» [3, с.168].

Существует ряд языковых приемов создания креатива, регулярно используемых в рекламных текстах. Рассмотрим некоторые из них подробнее.

Текст обычно представляет собой не связную последовательность, а сегментированный список, состоящий из словосочетаний: первое называет рекламируемый товар, а последующие описывают его характеристики и услуги производителя или продавца, дают оценку: *«Автомобили Мицубиси Аутлендер. Само совершенство. Если Дарвин был прав, другие автомобили просто вымрут».*

По тому же принципу строятся парцеллированные рекламные конструкции, в которых содержание высказывания реализуется не в одной, а в двух или нескольких интонационно-смысловых речевых единицах: первое предложение называет товар с помощью существительного, а последующие, представляющие его характеристики, дающие ему прагматические оценки, содержат глаголы и прилагательные-предикаты, соотносимые с этим существительным: *«Препарат... Применяется для восстановления запасов жидкости и электролитов в организме. Содержит только натуральные вещества. Эффективен и безопасен для детей и взрослых. Удобен и прост в применении. Всегда должен быть под рукой и т.п.»*

Для описания услуг, предлагаемых в рекламе, часто используются отглагольные существительные-девербативы: *«Строительство...навильонов. Подготовка площадки. Обсыпка щебнем. Бетонирование.»* В том числе и в креативных рекламных текстах: *«Любите опасность и преодоление трудностей?»; «Самая вкусная защита от кариеса (о рекламе жевательной резинки); Mentos. Свежее решение»* и др.

Форма обращения к адресату зависит от того, какой товар рекламируется и кому он предназначен: в рекламе медицинских препаратов обязательно обращение на Вы, в рекламе «молодежных» товаров преобладает обращение на Ты. Например: «Зубные капли. Лечат, а не обезболивают. Гарантируем, что вы не станете постоянным клиентом!», «Ты молод и мечтаешь обо всём и сразу? Каждой мечте – респект от Сбербанка»; «Nuts. Заряжай мозги!»; «Побалуй себя суперфоном!».

Рекламный текст должен доказать читателю, что пропагандируемый товар превосходит другие товары того же рода. Часто рекламодатели стремятся «выделить» свой товар из общей массы, употребляя оценочные прилагательные, значения которых сводятся к значению слова «самый»: *надежный, хороший, уникальный, эксклюзивный, выдающийся, потрясающий*. Например: «Мясо в лучшем виде»; «Боишься, товарищ, с наличкой тревожно? Сделай же вклад в банке надежном!». В этот же ряд можно поставить слова с приставками *супер-, гипер-, мега-*: «Мега-скидка на правый кроссовок при покупке левого». Эти и другие слова (типа *двойной эффект, традиционное немецкое (испанское, французское и др.) качество, от лучших мировых производителей* и т.д.) являются рекламными штампами и нередко превращают рекламу в антирекламу – отталкивают читателя, вызывают у него недоверие.

К непосредственно языковым средствам можно отнести также различные средства выразительности на всех языковых уровнях: аллюзии, метафоры, сравнения, параллелизмы, повторы, аллитерации т. д. [3, с. 172]. В текстах рекламы происходит актуализация значимых языковых единиц того или иного уровня.

На синтактико-стилистическом уровне можно выделить:

- Лексические средства: эмоционально-экспрессивная лексика, специализированные термины и названия авторитетных организаций, прецедентные имена и тексты, а также тропы и стилистические приемы. Например: «Автомобили Генсер. На нас все ездят, а мы рады»; «Магазин нужной мебели, посадим всех!»; «Наши пациенты сидят на попе ровно! (безоперационные методы лечения геморроя)»; «Каждый диван и каждый шкаф мечтает стать АВТОМОБИЛЕМ! (розыгрыш автомобиля в магазине мебели)»; «Майонез Ряба – вкусная сказка»; «Сними стресс, оденься (распродажа верхней одежды)».

- Синтаксические средства: эллипсис, императивы, вопросы, восклицания, синтаксический параллелизм, инверсия и др. Например: «Не хватает на автолюльку? Не заводи детей! ГИБДД России»; «Закопай тещу в песок за 400\$ (Туры в Турцию)»; «Кто ел из моей тарелки?...Ипотека – отличное решение жилищного вопроса»; «Новый год – новая жена (реклама брачного агентства)».

На фонетическом уровне: звуковые повторы (аллитерация, ассонанс), рифмовки, омоформы, омофоны, омографы. Например: «Пошла за батоном, пришла со смартфоном»; «Покупайте сервелат, всё пойдет в семье на лад»; «СУМОшедшее открытие курсов по борьбе Сумо»; «Будь мужиком, смени пол...а также обои и двери»; «Magazine – открывают в туалете. Язык имеет значение (magazine (англ.) – журнал)»; «Рееформа. Новый способ тренировки тела (используется логотип спортивной одежды «Reebok»).

Для усиления выразительности рекламного текста могут одновременно использоваться сразу несколько языковых средств на нескольких уровнях.

Важную роль в рекламном тексте также играет заголовок: он должен привлечь внимание потенциального покупателя, заставить его прочитать рекламный материал. Существует несколько способов сделать заголовок интересным:

- перефразируется прецедентный текст: «*А потом стул с котом (при покупке кровати, в подарок стул для вашего кота)*»;
- заголовок пишется в рифмованной форме: «*Крутые тапки за смешные бабки!*», «*Мы сухарики для хруста, нам без пива очень грустно!*», «*Нет колонизации. Никола. Квас – здоровой нации!*»;
- используются средства языковой игры: в щитовой рекламе домов компании «Пик» переплетается название компании и призыв к потенциальному покупателю – *КуПИКквартиру!*;
- заголовок представляет собой незаконченное предложение, призванное заинтриговать читателя: «*Боишься?... а мои деньги в банке*», «*Ребенок?... а не рано ли?*»;
- заголовок пишется в форме вопроса: «*А знаете ли вы, кто живет рядом с вами? Бдительность – залог безопасности*», «*Вы ещё грустите? Тогда мы на пути к вам (Кабельное ТВ)*».

Установлено, что за один день человек имеет возможность увидеть до 1500 различных рекламных сообщений. Чаще всего это заголовок рекламного текста или рекламный слоган. На прочтение большинства из них затрачивается всего одна секунда. При этом, как показывают исследования психологов, количество людей, замечающих только слоганы, в 4-5 раз больше количества людей, которые читают всю рекламу. Слоган – наиболее сильнодействующая форма торгового предложения.

Нужно помнить о том, что существует закон «О рекламе», устанавливающий понятие ненадлежащей рекламы (недобросовестной, недостоверной, заведомо ложной, неэтичной и скрытой), но нет четких ограничений на использование той или иной лексики, поэтому в текстах российской рекламы широко распространено использование слов-маркеров неэтичной рекламы (с сексуальным подтекстом или содержащих намеки на непристойную лексику). Приведем пример.

В рекламе безалкогольного напитка *CrazyCola* используется слоган «*ЗАМОЧИ ЭТУ СКУКУ*». В данном случае наблюдается двусмысленность слогана, основанная на вербальном компоненте — слове «скука», созвучном широко известному нецензурному слову, и глаголе «замочить» — жаргонизме, обладающем негативной коннотацией, несмотря на то, что он употребляется в своем прямом значении — «залить водой», ср.: «замочить скуку» — «залить скуку безалкогольной, газированной водой» [1, с. 5].

Российская реклама, как отмечают исследователи, играет роль некоего художественного текста, изящной словесности, поэтому в нашей рекламе может быть интересен не сам рекламируемый продукт, а история, с которой он связан. «В отличие от западной рекламы, которая стремится провести определенную идею, самая успешная российская реклама рассказывает истории», — отмечает В. Руднев [9, с. 211]. Поэтому в нашей рекламе особое внимание уделяется не содержанию, а форме высказывания, что часто приводит к нарушению языковых норм. На уровне креолизованного текста рекламы подобные нарушения часто используются в виде так называемых «шокирующих приемов», когда создание текстов и иллюстраций на основе двусмысленности могут вызвать возмущение.

В рекламном тексте раскрываются неисчерпаемые возможности варьирования слова в разных значениях и смыслах. Семантика подавляющего большинства слов рекламного обращения положительна. Но, к сожалению, креатив приводит и к тому, что можно встретить немало примеров манипулирования словом и навязывания негативных социальных стереотипов. Часто встречается чрезмерное усиление оценки рекламируемого товара, провоцирование неверного толкования у потребителя, частая

эксплуатация эротических символов и др. Необходимость улучшения качества рекламного продукта требует комплексного изучения отечественной рекламы в ее социокультурном и стилистическом аспектах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амири, Л. П. Средства визуальной актуализации как графосемантическая разновидность языковой игры в креолизованных рекламных текстах [Текст] / Л.П.Амири// Медиастилистика. – 2013. – №2. – С.100-122.
2. Бернадская, Ю. С. Текст в рекламе[Текст]: учеб.пособие / Ю.С. Бернадская.– М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 288 с.
3. Добросклонская, Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов / Т. Г. Добросклонская // М.: Едиториал УРСС, 2005. – 288 с.
4. Имшинецкая, И. Я. Креатив в рекламе[Текст] / И. Имшинецкая. – М., РИП-холдинг, 2006.–174 с.
5. Кохтев, Н. Н. Реклама: искусство слова. Рекомендации для составителей рекламных текстов / Н. Н.Кохтев. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 96 с.
6. Матвеева, Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т. В. Матвеева. – М.: Флинта, 2003. – 431 с.
7. Ожегов, С. И. Толковый словарь живого русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2000. – 940 с.
8. Примак, Т. Рекламный креатив / Т. Примак. – К.: КНЕУ, 2005. – 168 с.
9. Руднев, В. В. В компании с толстяком: реклама и текст / В.В. Руднев // «Отечественные записки». – 2002. – №2. –211 с.
10. Тюрина, С.Ю. О понятиях рекламный дискурс и рекламный текст. / С.Ю. Тюрина // "Вестник ИГЭУ" - 2009. - №1. - С.1-3.

Z.V. Saldaeva

CREATIVITY IN MODERN ADVERTISING

This article discusses the creative approach in the creation of advertising messages, VA and its increasing role in the modern advertising industry, the main functions of the creative and language means by which reckless allocate their product from the majority to achieve pragmatic goals.

Key words: creative, advertising text, creative idea, language means.

УДК 81'42

Э.П. Лаврик, Е.А. Величко

*ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
(Научн. рук. канд. филол.н., доцент. Э.П. Лаврик)*

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматривается употребление фразеологических единиц в газетных текстах. В текстах СМИ фразеологизмы выступают как стилистически маркированные единицы и способны выполнять различные функции. Фразеологизмы в статьях печатных изданий могут использоваться как в чистом виде, так и в виде

преобразованных, даже окказиональных употреблений. Основной функцией, которую выполняют фразеологизмы в тексте газеты, является оценочная. Актуальность темы обусловлена необходимостью изучения функций и способов употреблений фразеологизмов в газетном тексте, что позволяет выделить особенности их употребления и определить степень влияния на читателя фразеологических единиц в статьях СМИ. В ходе исследования были классифицированы особенности употребления фразеологизмов по функционально-тематическим признакам и приведены примеры их употребления.

Ключевые слова: фразеологизм, фразеологический оборот, оценка, экспрессивность, метафоричность, образность, эмотивность.

Фразеологизмы представляют собой особый пласт лексики, они способны создавать емкие, образные высказывания, которые приобрели особые семантические смыслы и коннотации и утвердились в национальном сознании.

Фразеологическая лексика закреплена в ментальности народа, она способна отразить и передать богатство языка, широту его мысли и содержательность лексики, а это, несомненно, говорит о необходимости её изучения: «у современной теории и практики сбережения родного языка трёхсотлетняя письменно зафиксированная история, анализ которой сама по себе весьма результативная форма совершенствования речевой практики носителей языка. Речевая прагматика мирян и сакральное отношение к слову святителей земли Русской способствовали созданию универсального языка, величайшей литературы и государства, пятьсот лет не терявшего своего суверенитета» [7, с. 242]. Фразеологизмы используют минимум лексического материала для создания образных, наполненных смыслом выражений. То есть «сужение мысли», по выражению А.А. Потебни, способно создавать поэтический образ, который может заместить множество смысловых единств, то есть часто фразеологизм может быть представлен словосочетанием с формальной точки зрения, а по значению быть равным слову.

Фразеология рассматривается в современной лингвистике в широком и в узком смысле. Фразеология в широком смысле слова включает в себя словосочетания, которые уже полностью переосмыслены, и те словосочетания, которые переосмыслены лишь частично. Фразеология в узком смысле включает в свой состав лишь те фразовые единства, которые уже до конца переосмыслены народным сознанием.

Фразеологизмам свойственна метафоричность, образность, экспрессивно-эмоциональная окраска, а это, несомненно, маркеры, которые способствуют выражению субъективно-оценочной информации и указывают на определенное отношение говорящего к предмету действительности, который отражен в речевом высказывании: «Субъективный компонент выражает положительное или отрицательное отношение говорящего к сообщаемому, субъекта к объекту «иногда его представляют в виде отношений “нравиться/не нравится”, “ценить/не ценить”, “одобрять/не одобрять” и т.п.» [2, с. 22].

Фразеологизм в высказывании наполняется конкретными, зафиксированными смыслами, что обусловлено «поверхностным восприятием оцениваемого, ориентированным на ближайший в зоне восприятия признак» [6: 87].

Как утверждал В.В. Виноградов, «все модальные частицы, слова, словосочетания чрезвычайно пестры по своим значениям и по своей этимологической природе. В категории субъективной модальности естественный язык фиксирует одно из ключевых свойств человеческой психики – способность противопоставлять "я" и "не-я" в рамках высказывания. В каждом конкретном языке модальность оформляется с учетом его типологических особенностей, но везде она отражает сложное взаимодействие между

четырьмя факторами коммуникации: говорящим, собеседником, содержанием высказывания и действительностью» [3].

Устойчивые выражения активно используются в СМИ, и не только с целью передачи субъективности, экспрессивности, образности, но и, в первую очередь, для того, чтобы наиболее точно и ярко донести до читателя определенную мысль, которая будет в полной мере понятна читателю-носителю языка.

Представим для начала классификацию, которую предложил В.В. Виноградов, и на основе которой изучают особенности функционирования фразеологизмов. Рассмотрим примеры употребления фразеологизмов для данной классификации.

Фразеологическое сращение можно отнести к видам фразеологизмов, которые являются наиболее наполненными семантически, но с минимальным употреблением лексических компонентов. Обычно происхождение таких идиом стерто в сознании носителя языка, и значение их закреплено без соотнесения с этимологией фразы: «в одних словесных объединениях синтаксическая расчлененность является данной, активно выраженной современными средствами синтаксиса, в других – лишь этимологически отраженной, воспроизводящей старую языковую технику словесной связи. Одни синтаксические отношения свободно производятся, другие лишь по традиции воспроизводятся. Значение и употребление разных типов устойчивых словосочетаний неоднородны» [1]. Значение рассматриваемых сейчас идиом не выводится из их компонентов, поэтому мы имеем дело со сращением: *«местная Фемиды на переделе сельскохозяйственных земель... нет, **не собаку съела** – все хуже и опаснее», «в словах Алика Усанова – честность простого народа. Того самого, которого мантрами об «инвестициях» в заблуждение не введешь, **не обведешь вокруг пальца**. Можно сколько угодно твердить о **куцах обетованных**, но если к людям относятся, как к скотине, они возмутятся и всеми силами будут стремиться к тому, чтобы скинуть со своей шеи ненавистное ярмо, даже если оно и закамуфлировано “под золото”», «более того, все действия райпрокуратуры говорят о том, что **вокруг пальца она обвела** и свое краевое руководство, которое поначалу пинало их за волокиту и прочий подозрительный «крутеж», но потом оставила это дело без контроля», «измученные люди снова попытались доказать законность своих притязаний на землю, которая им принадлежит по праву, в суде – и снова натолкнулись на нерушимую **круговую поруку**» [4].*

Такой тип фразеологизмов как фразеологические сочетания обладает большей свободой, чем предыдущий. Такие устойчивые обороты сохраняют определенную самостоятельность с точки зрения семантики, их значение выводится носителем языка из компонентов без особого труда. Такие выражения состоят из слова-основы и члена, способного варьироваться, обычно сменяясь синонимами, но при этом они имеют определенное выражение-основу. Часто круг слов-заменителей относительно небольшой, но способен периодически пополняться:

- *«насколько отличилась госпожа Луценко на новом поприще, история умалчивает. Известно только, что спустя ровно год она наконец-то **канула в политическое небытие**, а её место занял бывший региональный министр Александр Коробейников» [4]* – наблюдается двух фразеологизмов «уйти в небытие» и «кануть в Лету», такое образование можно даже выделить не только как фразеологическое сочетание, но и как своеобразное фразеологическое новообразование;

- *«накапливаясь в ходе слушания дела, эти небрежности дают совершенно ясную картину, куда и в чьих интересах*

председательствующий гнет закон-дышло» [4] – в данной цитате мы можем наблюдать заимствование из пословицы «закон – что дышло: куда повернешь – туда и вышло» приложения к лексеме закон, а также иную семантическую наполненность.

- *«открыла сердце нараспашку»* [4] – исходный вариант «душа нараспашку», но лексема «сердце» в данном случае является контекстным синонимом лексеме «душа», поэтому такие вариации вполне допустимы.

Следует выделить ещё один тип, часто используемый в СМИ, – **фразеологические выражения**. Они представляют собой сочетания слов с постоянным лексическим составом и смысловой наполненностью. Компоненты этих выражений невозможно заменить, они воспроизводятся как готовые речевые единицы. К фразеологическим выражениям относятся пословицы, поговорки, цитаты, крылатые фразы: *«Тем более что в ЦИК подчеркнули: коробки-то Худяков привёз, но точно ли в них находились подписные листы, осталось неизвестным, они так и не были вскрыты, а их содержимое не демонстрировалось. Что там было на самом деле – бабушка надвое сказала»*, *«напрасно губернатор делает хорошую мину при плохой игре, стоило бы ему вспомнить известную поговорку о том, что короля делает свита. А такая свита, как господа Уткин или Травнев, вполне способна подвести условного «короля» под монастырь»* [5].

В тексте газеты фразеологизмы способны выполнять функции экспрессивизации текста, на основе этого критерия можно выделить такие тематические категории и их типы:

- Фразеологизмы, выполняющие оценочную функцию, с элементами эмотивности;
- Индивидуально – авторские преобразования фразеологизмов;
- Фразеологический каламбур;
- Фразеологизмы как средства вербальной речевой агрессии (влияют на понижение статуса личности).

Фразеологизмы в газетных текстах обычно содержат элемент **оценки**, поэтому эта группа наиболее многочисленна. При этом оценка может быть как положительной, так и отрицательной. Так названия статей: «Таблетка от всех болезней», «На медицину надейся, а сам не плошай» [4] являются перифразом фразеологизмов «лекарство от всех болезней», «на Бога надейся, а сам не плошай». Данные измененные фразеологизмы являются положительно-нейтральными, так как первый указывает на описываемые в статье медицинские новаторства, а второй сообщает о пользе и необходимости ведения здорового образа жизни, несмотря на достойный уровень медицины в современном мире. Некоторые фразеологизмы, встречающиеся в текстах СМИ, не передают яркой оценочной информации: *«кандидат, который получит зелёный свет на озвучивание радикальных, но далеко не самых популярных в обществе инициатив»*, *«а так сами всю страну на уши подняли»* [4].

Приведем примеры употребления в газетных статьях фразеологизмов с отрицательной, негативной оценкой: *«на фоне всего перечисленного эпизод с фальшивым дипломом выглядит каплей в море»*, *«если бы руководство вуза и региона не стало раздувать скандал на пустом месте, об этом и не узнал бы никто»*,

«финита ля комедия. Комедия, которая, как по нотам, разыграна судом и прокуратурой», «на заседание квалификационной коллегии не то что жертву кривосудия не приглашали, но даже журналистов боятся запускать за плотно закрытые двери, где проходит «разбор полетов», «что и говорить, много людей преступили черту и потеряли лицо, потакая несостоявшемуся студенту Травневу», «может, в силу приверженности к неписанным законам лично Владимир Георгиевич и способствовал затягиванию возбуждения уголовного дела по Большеву, где все было давно ясно, как на ладони», «как только в ОП №2 получили справку из больницы о страшных увечьях Ефремова, в дежурной части всей сворой принялись усиленно замечать следы преступления, оперативно состряпав массу сфальсифицированных и подложных бумаг», «ловушка не сработала, все ее построения были абсурдно-комичными и рассыпались в прах при первых же попытках проверить их на достоверность», «Сергея-выпивоха довольно потирает руки: я, мол, гол как сокол - ничего с меня не возьмете» [4].

Часто оценочные фразеологические обороты используются в заголовках и подзаголовках статей для того, чтобы привлечь внимание читателя. Ещё одной причиной употребления фразеологизмов в заголовках является то, что они не создаются каждый раз заново в сознании реципиента, поэтому тут же вызывают ассоциацию и определенный смысл. Даже если фразеологизм был видоизменен, читатель быстро его понимает и гораздо лучше запоминает.

Журналисты на основе книжных фразеологизмов могут создавать пародийные высказывания, оригинальные словесные образы, которые добавляют яркости, экспрессивности, выразительности в текст статьи. При этом видоизмененные фразеологизмы обычно не теряют своих художественных достоинств: ритмичности, образности. Семантическая составляющая таких неологизмов в области фразеологии обычно почти не изменяется, структура и форма лексико-грамматического состава также обычно сохраняется.

Измененные, авторские фразеологизмы могут усекаться или же расширяться как в семантическом плане, так и в материальном выражении. Авторы газетных статей, изменяя лексический состав фразеологизма, обновляя или дополняя его компоненты, ставят перед собой определенную стилистическую задачу. Такое изменение фразеологизмов также может быть обусловлено их переосмыслением.

Авторы газетных статей могут изменять фразеологизмы при помощи различных стилистических приемов, одним из таких приемов является контаминация фразеологических единиц. Она помогает выразить авторскую мысль необычно и остроумно, хотя и расширение словарного состава фразеологизма не всегда бывает оправдано. Пример контаминированного фразеологизма с положительной оценкой: *«открыла сердце нараспашку», «только каменная совесть не болит»* [4].

Примеры употребления контаминированного фразеологизма с отрицательной коннотацией: *«жители района продолжают биться головами о правосудную стену с неистребимой надеждой: если хоть лоб разобьют, то до истины достигнут, дойдут до самых верхов, начиная с краевого суда», «текст повторяет письма, которые селяне получают от главы Буденновского района Андрея Соколова, который уже давно танцует под дудку залетного “инвестора”», «разумеется, нас это крайне удивило. С чего вдруг Карабут решил разбудить свое лихо, все эти годы дремавшее тихо? Ведь и сам он, и те, кто его отмазывал, используя должностные возможности, знают цену «оправдательного решения», вынесенного апелляционной коллегией суда»* [4].

Семантически преобразованные фразеологизмы, рассматриваемые как каламбуры, часто для создания яркого фразеологизма используют приём соединения

фразеологического оборота и свободного словосочетания/слова, которое может быть представлено как омоним фразеологизма и быть с ним этимологически связанным: «*Но если можно **облапошивать** само государство, то **обуть лохов** среди сограждан – вообще **раз плюнуть***» [4].

При вовлечении фразеологической единицы в процесс вербальной коммуникации, она выступает как средство передачи мыслей человека. Таким образом фразеологизмы способны не просто обогатить язык, но и влиять на процесс коммуникации. Идиомы способны влиять на реакцию и эмоции реципиента, поэтому часто могут использоваться как средства вербальной речевой агрессии и оказывать влияние на понижение статуса личности: «*более того, у этих сотрудников, напротив, начинается карьерный рост. Как вы думаете, где сейчас обитает следователь А. Демин, которого после этой истории из следственного комитета надо было **знать «поганой метлой»**, как говорил главный краевой полицейский Александр Олдак?»*, «*на сегодняшний день Ксении **сходит с рук** то, что любому действительно независимому политику могло бы давно **выйти боком***», «*по идее, одного этого факта должно быть достаточно, чтобы **поставить крест** на дальнейших политических поползновениях бывшего главы Пятигорска и сделать его фигурантом уголовного дела. Но вместо этого мы наблюдаем новое назначение» [4].*

Фразеологическому обороту как элементу уровня языковой системы принадлежат такие признаки как семантическая спаянность компонентов, устойчивость, воспроизводимость в целом виде, метафоричность, образность, экспрессивность. В основном, благодаря последним компонентам фразеологические обороты часто используют в печатных СМИ, они помогают создать особую «огранку» статьи.

В данной статье мы охарактеризовали фразеологизм как единицу языка, классифицировали их по лексико-грамматическим и тематическим группам, привели примеры их употребления

Фразеологизмы могут выполнять различные функции, в зависимости от употребления в тексте, предложении, от их позиции в печатном издании. В заголовке они способны подвести к проблеме, создать определенное мнение о напечатанном тексте.

Употребление фразеологических средств способно не только эмоционально обогатить текст, но также, имея негативную коннотацию, может быть направлено на понижение статуса личности.

Таким образом, в текстах газет очень ярко представлены разные способы употребления фразеологических оборотов. Частотность использования в СМИ фразеологизмов указывает на то, что с их помощью можно легко воздействовать на публику, потому что читательская аудитория легко воспринимает давно знакомые фразы и ассоциативно запоминает информацию, связанную с ними. Субъективно-оценочный аспект фразеологизмов играет большую роль в формировании отношения читательской аудитории к информации, сообщаемой в статье, в зависимости от негативной/положительной окраски конкретного идиоматического выражения и контекстных условий его употребления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В.В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 140-161) – Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics2/vinogradov-77d.htm>
2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. / Е.М. Вольф – М., 1985. – 228 с.

3. Лагута О.Н. Логика и лингвистика / О.Н. Лагута – Новосибирск, 2000. – 116 с. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/laguta-00.htm>
4. Общественно-политическая газета «Открытая. Для всех и каждого». Номер 3 (798) от 24 – 31 января 2018 г., Номер 4 (799) от 31 января – 7 февраля 2018 г., Номер 5 (800) от 7 – 14 февраля 2018 г., Номер 6 (801) от 14 – 21 февраля 2018 г. – Режим доступа: <https://www.opengaz.ru/>
5. Общественно-политическая, информационно-развлекательная газета «Ставропольский репортёр» №4 (417) 30 января 2018г. – Режим доступа: <http://www.stav-reporter.ru/obshhestvo/stavropolskij-tupik-kadrovoj-politiki>
6. Попов С.Л. Когнитивные основания эволюции форм русского синтаксического согласования: Монография / С.Л. Попов – Харьков: НТМТ, 2013. – 150 с.
7. Хроленко А.Т. Введение в экофилологию : учебное пособие 1-е. / А.Т. Хроленко – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. – 264 с.

E.P. Lavrik, E.A. Velichko

FEATURES OF FUNCTIONING PHRASEOLOGICAL UNITS IN MODERN NEWSPAPER TEXT

The article is devoted to the use of phraseological units in newspaper texts. Phraseological units act as stylistically marked units and are capable of performing various functions in the texts of the media. Phraseological units can be used both in pure form, transformed form and even in occasional in articles of printed editions. The main function that performs phraseological units in the newspaper text is estimated. The relevance of the topic related to the study of functions and ways of using phraseological units in the newspaper text, which allows to select features of their usage and to define degree of influence on the reader of phraseological units in the articles of mass media. In the course of the research, the features of the usage of phraseological units according to functional-thematic features were classified and given the examples of their usage.

Key words: *phraseological unit, phraseological phrase, evaluation, expressiveness, metaphoricity, imagery, emotiveness.*

УДК 37.012.8

А. С. Мамедова

МБОУ «Школа № 37» г. Рязань

(Научн. рук. д. пед.н., проф. Е.В. Архипова)

ОБ ИЗУЧЕНИИ ПЕРИФРАЗЫ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается проблема изучения перифразы в школе на уроках русского языка. Обосновывается и предлагается система упражнений по изучению перифразы, способствующая формированию у учащихся национального самосознания средствами родного языка.

Ключевые слова: *русский язык, методика обучения, упражнения, перифраза, перифразирование.*

Изучение перифразы в современной школе приобретает системный характер в связи с осознанием важности формирования перифрастических умений языковой личности. Кроме того, тропы, и в частности, перифраза, вошли в систему заданий Единого государственного экзамена. Все это обусловило важность изучения перифразы

на основе теории речевой деятельности в рамках требований Федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС) [2, с.90]. Методическая теория речевого развития учащихся, обоснованная проф. Е.В. Архиповой, содержит в себе положения, согласно которым изучение и анализ текстов как в вузе, так и в школе, способствует формированию коммуникативной компетенции, а также личностных качеств: инициативности, самостоятельности мышления, коммуникативности и др. [4, с. 14]. Именно на достижение этих результатов должен быть направлен процесс обучения в школе. И одним из способов является разработка системы упражнений, направленных на закрепление сложных тем, и в частности, сведений о перифразе как одном из тропов [11, с.94].

Перифраза исследуется во многих работах современных лингвистов и филологов. Л.В. Лагунова рассматривает обучение перифразированию как средство речевого развития учащихся на уроках русского языка [7, с.135]. Филологи, исследуя основные виды перифраз, представляют систему функционирования данного языкового явления [8, с.17]. Между тем для школьной практики важен вопрос о выборе методики обучения перифразированию, о том, какой комплекс упражнений является наиболее эффективным для использования на уроках русского языка при изучении перифразы в школе, чтобы учитель мог решать не только задачи обучения, но и воспитания. И вот этот аспект до сих пор нельзя считать полностью изученным [4, с.181].

Изучение перифразы в школе имеет свою историю. Но следует признать, что основной акцент на изучение тропов на уроках русского языка был сделан лишь в XXI веке, когда задание по определению перифразы в тексте вошло в контрольно-измерительные материалы ЕГЭ.

Еще одним важным фактором, безусловно, стало рассмотрение этого тропа как одного из методических средств речевого развития, обоснованное не только практикой школы, но и на диссертационном уровне.

Анализ существующей в методике модели упражнений для закрепления знаний по перифразированию на уроках русского языка, состоящей из традиционной системы тестовых заданий, связанных с выбором варианта ответа, а также упражнений, направленных на выделение из перечня средств языковой выразительности только перифразы [1, с. 114] показывает, что есть определенная ниша, которую еще следует заполнить упражнениями, содержащими прежде всего субстантивные перифразы. Выбор именно субстантивных перифраз важен потому, что номинативная функция слова, обозначающего предмет, важна как когнитивная операция развитой языковой личности. И ее, как и перифрастическую способность в целом, нужно формировать целенаправленно [Архипова].

Ознакомление и дальнейшее изучение перифрастических выражений на этапе школьного обучения связано сразу с несколькими актуальными проблемами современной лингвистики: проблемой функционирования языковых единиц в речи, проблемой речевой выразительности и средств её создания, проблемой терминологии [9, с.16]. Все это справедливо и для изучения конкретного вопроса – разработки системы обучения средствами выразительности языка для воспитания личности. Необходимо отметить, что привлечение текстов патриотической тематики на уроках русского языка является основной задачей педагога. При этом образцом реализации ценностного подхода в обучении русскому может стать использование отрывков из произведений Б.Васильева [5аЛагунова-Архипова].

Данный комплекс заданий направлен на развитие способности распознавать перифразы в предложении и формулировать их лексическое значение. [3, с.7]. При этом

учащиеся тренируются грамотно использовать перифразы в речи и на письме. Например, можно предложить выполнить следующее задание, повышенной сложности:

1. Меняя форму слов, составьте предложения. Правильно употребите перифразы. Объясните лексическое значение. а) Белая (прил., м.р., ед.ч.), Скобелев, быть (прош.в.), «*белым генералом*», потому что сражаться (прош.в., м.р.), преодолевать (деепричастие), страх, и чтобы скрыть бледность, одевался в белое, мундир и скакал на, белый, конь (сущ., п.п.) [7. с.46].

б) Радецкий специально просить (прош.в.) генерала Драгомирова посетить Скобелева, дабы *подсластить царскую пилюлю* [7. с.67].

Рассмотрим другое задание, которое способствует развитию навыков различения перифразы среди средств художественной выразительности. Возможна следующая формулировка вопроса:

2. В каком варианте ответа **использованы перифразы**?

а) Вырвал ты у меня *золотое оружие* из рук, Шурка [7. с.58].

б) Коротко, *как добрым знакомым*, кивнул и тут же картинно прикрыл рукой явно искусственный зевок [6. с.118].

в) «*Полководец, Суворову равный*» [7. с.88].

г) Я ехал по выжженной, вытопанной и *напоенной кровью стране*, — донеслось до него наконец. [7. с.79]

Хотелось бы предложить упражнение, направленное на развитие способности выделять перифразы от метафоры [12, с.26]:

3. Среди предложений выберите один вариант, в котором **не использована** перифраза.

а) Начиналось жаркое болгарское лето, и *жёлтая пыль* дорог намёртво прикипала к пропотевшим солдатским рубахам [7, с.72].

б) Он знал Скобелева не столько как полководца самобытного и *дерзкого таланта*, сколько как восторженно шумного, не в меру хвастливого и склонного к весёлым компаниям молодого человека [7, с.65].

в) Турки поздно заметили этот манёвр, *судорожными усилиями* пытаясь сдержать натиск Скобелева [7, с.84].

г) Скобелев шёл вдоль позиций, с уважением думая *о железном упорстве* стрелков [7, с.73].

Ключи:

1. а) Скобелев был «*белым генералом*», потому что сражался, преодолевая страх, и чтобы скрыть бледность, одевался в белый мундир и скакал на белом коне впереди войска. Лексическое значение *белый генерал* – одетый в белый китель и на белом коне.

б) Радецкий специально просил генерала Драгомирова посетить Скобелева, дабы *подсластить царскую пилюлю*. Лексическое значение *подсластить царскую пилюлю* – к чему-то горькому добавить немного чего-то радостного, хорошего, приятного.

2. а) Вырвал ты у меня *золотое оружие* из рук, Шурка. Лексическое значение *золотое оружие* – награда для офицеров и генералов за боевые заслуги в виде холодного оружия (шашки, сабли, шпаги, кортика) с надписью «За храбрость».

в) «*Полководец, Суворову равный*». Лексическое значение – Скобелев – полководец, как и Суворов, не проигравший ни одного сражения.

3. г) Скобелев шёл вдоль позиций, с уважением думая *о железном упорстве* стрелков. *Железное упорство* – это метафора, употребляемая в значении твёрдость намерений.

Систематическое решение заданий, связанных с выбором правильного варианта ответа и объяснение значений перифрастических единиц на уроках русского языка

является одним из способов закрепления знаний о языковых явлениях. Применяя на каждом уроке приведённые выше упражнения, учитель способствует формированию у учеников не только личностных способностей: уверенность в себе, уровень самооценки, самокритичность, но и стремится к развитию речи, то есть к совершенствованию одной из основных компетенций [10, с.159].

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипова Е.В. Лингвистический тренажер по русскому языку: правила, алгоритмы, тесты. 3-е изд. М., 2010. 160 с.
2. Архипова Е.В. Теория принципов речевого развития как основа инновационных технологий обучения русскому языку // Актуальные вопросы обучения русскому (родному) языку: сб. материалов межрегион. конф. (Рязань, 15–17 дек. 2014 г.). Рязань, 2014. С. 88–91. Режим доступа: <http://www.rsu.edu.ru/wordpress/wp-content/uploads/20>.
3. Архипова Е. В., Лагунова Л. В. Лингвистический потенциал текстов А.И. Солженицына для изучения грамматики русского языка и развития речи учащихся // Русская словесность. 2014. № 3. С. 3–9.
4. Архипова Е.В. Проектная деятельность студентов при изучении гуманитарных дисциплин (к 205-летию со дня рождения академика И.И.Срезневского) // Филологические и педагогические аспекты гуманитарного образования в неязыковых вузах ФСИИ России : сб. материалов межрегион. науч.-практ. семинара с международным участием (26 мая 2017 г.) / под общ. ред. Н. П. Тюменевой, Л.Н. Федосеевой, Т.Е. Алексеевой. – Рязань: Академия ФСИИ России, 2017. – 361 с. – С. 9-13.
5. Архипова Е. В., Лагунова Л. В. Проблема развития речи учащихся в аспекте освоения перифразирования // Психолого-педагогический поиск. 2014. № 3 (31). С. 178–182.
6. Архипова, Е.В., Лагунова, Л.В. Языковая аксиология и перифрастический потенциал художественного текста (лингводидактический аспект) / Л.В. Лагунова, Е.В. Архипова // Текст культуры и культура текста: Материалы IV Международного педагогического форума (Сочи, 16-17 октября 2017 года) / Ред. кол.: Л.А. Вербицкая, С.И. Богданов, О.Е. Дроздова и др. – СПб.: РОПРЯЛ, 2017.– С. 5-9. [Электронный ресурс]. Точка доступа: http://ropryal.ru/wp-content/uploads/2018/01/4PF_sbornik_A5.pdf
7. Васильев Б.Л. Были и небыли. М., АСТ, 2010. 139 с.
8. Васильев Б.Л. Скобелев, или Есть только миг. М.: Логос, 2003. 90 с.
9. Комарова С. И. Функционирование перифразы в эпистолярном стиле второй половины XVIII века : автореф. дис. канд. филол. наук. Днепропетровск, 1990. 17 с.
10. Лагунова Л. В. Обучение перифразе как средство речевого развития учащихся на уроках русского языка // Актуальные вопросы обучения русскому (родному) языку : сб. материалов межрегион. конф. (Рязань, 15–17 дек. 2014 г.). Рязань, 2014. С. 404–407.
11. Лагунова Л. В. Обучение перифразированию как средство развития коммуникативной компетенции учащихся : дис. ... канд. пед. наук. М., 2016. 259 с.
12. Мамедова А.С. Функции субстантивных перифраз и методика их изучения // Филологические и педагогические аспекты гуманитарного образования в неязыковых вузах ФСИИ России : сб. материалов межрегион. науч.-практ. семинара с международным участием (26 мая 2017 г.) / под общ. ред. Н. П. Тюменевой, Л. Н. Федосеевой, Т. Е. Алексеевой. – Рязань : Академия ФСИИ России, 2017. – 361 с. – С. 91-96.
13. Москвин В. П. Фигуры двусмысленной речи // Русский язык в школе. 2001. № 1. С. 24–29.

A.S.Mamedova

ON THE STUDY OF PERIPHRAISIS AT RUSSIAN LANGUAGE LESSONS

In the article considers the problem of studying periphrase for studying this phenomenon at schools. The system of problems of studying the periphrasis is substantiated and proposed, which contributes to the formation of national identity with the help of the native language.

Keywords: *the Russian language, teaching methods, periphrasis, paraphrasing.*

Дискурсология и генристика

УДК 378.4

М. В. Борисова, Н. А. Чехлань

ГОУВПО «Донецкий национальный технический университет»

РАЗВИТИЕ НОВЫХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ФОРМ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАНАДЫ В УСЛОВИЯХ ВВЕДЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ОБУЧЕНИЯ

В статье проанализированы тенденции развития электронного обучения в сфере высшего образования Канады, преимущества и недостатки компьютеризации обучения, рассмотрены основные организационные структуры высших учебных заведений Канады в контексте имплементации в образовательный процесс электронного обучения.

Ключевые слова: *электронное обучение, высшее образование в Канаде, институционные формы.*

Modern society is changing very quickly. This process can be presented and described more adequately by the nonlinear model, and it is unreasonable to use such value judgement as «good / bad» for it. The world is changing at a deep level. In our daily life and educational practice a new reality has come – digital information. Today information resources not only determine the economic strength of the country but also become a national wealth. The active introduction of information technologies in the life of modern society has a great influence on the development of the higher education system.

In 2000, the Association of Universities and Colleges of Canada (AUCC) prepared a report on the need to carry out the modernization of education, to increase its competitiveness by introducing information and communication technologies (ICT) including e-learning in the

curriculum and structure of higher education institutes with the aim of creating a knowledge-based society [1].

The aim of the article is to analyze trends of the e-learning development in the sphere of higher education in Canada, advantages and disadvantages of the education computerization, to consider main organizational structures of higher education institutes in Canada taking into account e-learning introduction in the educational process.

The problem of the e-learning introduction in higher education institutes in Canada found a wide and well-grounded reflection in works of such Canadian scientists as Philip Abrami, Robert Crocker and Alex Usher, Alan Devis. Separate references to this topic we find also in studies of such educators as L.Ya. Filippova, B.I. Shunevich, D.S. Zueva, I.A. Krutaya and O.M. Karpenko.

In the planning of the Canadian higher school development and reformation information technologies and e-learning become one of the main priorities, since Canada is the country that must satisfy educational needs of various regions including needs of remote and sparsely populated areas. E-learning or with its broader interpretation and understanding – distance learning based on the theory and practice of foreign experience is defined as the use of new multimedia technologies and Internet with the aim to improve the quality of education by providing access to resources and services and also for remote data exchange and cooperation [2].

E-learning is not only a specific content, it is not limited by using certain technology and it can be a component of bimodal and hybrid education [3].

Canadian scientists evaluate introduction of modern information computer and telecommunication technologies (ICT) in the educational process differently. Supporters of the electronic technologies argue that computers and Internet potentially can transform educational environment and improve quality of education emphasizing that e-learning:

- expands access to global information, education anywhere and anytime;
- increases motivation of students to learn;
- improves communication and cooperation among all participants of the educational process;
- reduces costs for formal teaching;
- satisfies social needs (for example, a need in training of professionals, competent in the sphere of information technologies and who will work in conditions of global economy);
- enhances educational opportunities for aboriginal students, students with disabilities and those who live in remote provinces and territories of Canada [4–6].

In contrast to the positive attitude to the introduction of e-learning in higher education institutes of the country many scientists show the negative attitude to the use of technologies [7; 8, p. 34], emphasizing that:

- academic achievements of students are not improved exclusively as a result of access to the computer in the auditorium;
- on the basis of statistical data it is possible to assert that progress in e-learning is associated with the same factors (sex, socio-economic situation of a student) as with traditional forms of education;
- studies, where errors and failures of the ICT use in higher education institutes are analyzed, are practically absent;
- subsequent evolution of e-learning is impossible without academic literature on theoretical issues of the ICT use, reasonable development is necessary «to establish a theory not an estimate; principles not a practice; pedagogy and not just use» [9, p. 5].

E-learning in current practice of providing education for students in Canada is based on three types of a dialogue: a dialogue between a teacher and a student; a dialogue between

students; a dialogue between a student and tools (resources) that teach him; they (dialogues) are the basis of strategies and practices of teaching [10]. All educational resources may be available by combining any of the above types of the dialogue. For example, the dialogue between faculty and students is carried out via:

- two-way interactive audio and video communication with access to numerous sites on the Internet;

- auditorium lectures: in real time (synchronous) or with a delay (asynchronous).

Students can have access to such lectures using high-speed multimedia networks from home, work or from any other place;

- online electronic discussions: one on one or one with many.

These discussions may include the declaration of such sessions as:

- intensive synchronous (on-site) seminars, which can approach to seminars proposing for professionals who continue their education;

- confidential conversations (chats).

Dialogues between and among students can be organized by:

- two-way interactive “desk” audio and video conferences-meetings;

- synchronous or asynchronous meetings on student groups;

- online electronic discussions: one on one or one with many;

- intensive synchronous discussions in student dormitories with participation of students from other dormitories;

- development of projects aimed at solving of real problems with students involvement in local or network mode.

Finally, the dialogue between students and training tools (or resources) can be organized like this:

- using electronic resources such as network resources of the World Wide Web, including the ability to access them in real time;

- using electronic lectures and discussions, electronic films, books and music with a review of significant events record and interviews;

- using various data bases including primary and secondary research materials;

- using problem-oriented tests including real problems connected with current events;

- with associated events addressing to major publications and involving consultations of teachers;

- with participation in joint research projects;

- with participation in other applied researches.

Modern systems of higher education in Canada characterized by a wide use of e-learning in their practice refer to such organizational structures as [11]:

- 1) center/department/faculty/institute of e-learning within the traditional university: University College of the North, Memorial University of Newfoundland, Royal Roads University, University of Waterloo;

- 2) open educational institution or organization where education is based exclusively on computer networks, for example, the Internet: Athabasca University / Canada Open University; Thompson Rivers University – Open Learning, Open Learning Agency, British Columbia Open University;

- 3) consortium or partnership of traditional universities and colleges where each participant creates a number of courses for e-learning, and its intermediary agency is responsible for marketing these courses and general functioning of the open education system on the basis of the consortium: Canadian Virtual University, Contact North;

- 4) tele-university where education is based mainly on the use of television training courses: Tele-learning University (TÉLUQ, l’université à distance de l’UQÀM).

Traditional universities all over the world are of great importance for the development of a new system of university education. As educational centers, in which leading experts are concentrated, traditional universities have significant potential to become centers for the development of modern electronic university courses. At the heart of this is the development of special e-learning units. Such units can firstly develop and deliver e-courses within their university especially when campuses are located at a considerable distance or there are branches in different places; secondly, they develop remote courses for the market of educational services.

Universities working on this model train students as full-time (within university, full-time work) and remotely. Students of both forms of education run the same program and pass the same exams according to the same standards.

Full-time students also have access to materials developed for e-learning. Teachers here have an incentive to work in the student auditorium; a wide range of disciplines is available to them in comparison with universities where only distance learning is carried out because of the narrow specialization of the latter.

In educational institutions with two forms of education distance learning as a rule is inserted in the structure of the traditional university, though frequently it has own administration, student department and separate teaching staff.

Activity scope of distance learning units within universities with two forms of education is significantly smaller in comparison with specialized educational institutions. Resources allocated to implement programs of full-time education often cover most of the overhead costs. Examples of universities of the type considered are University of Waterloo, University College of the North.

Let us consider these organizational structures in detail.

Open universities. These universities of a new kind are developing in many ways relying on the model of the distance learning modernizing it based on the new modern computer and telecommunication technologies use in the educational process. Universities of distance learning, where training has been recently carried out on the basis of printed materials, often have developed infrastructure, rich pedagogical and organizational distance learning experience used for the development of a new system of university e-learning. Along with printed materials in the educational process audio and videodisks, radio and telecommunications are increasingly used.

Summing up the experience of these educational institutions we can note that for the development of virtual and open universities two factors are typical:

1) use of experience and infrastructure of distance learning, the network of regional centers for the formation of new educational models on the basis of modern information technologies;

2) development of new economic and organizational mechanisms of educational process in the course of changing its technological basis.

Open Learning Agency directs the development and implementation of open learning in British Columbia. Being an educational institution established to provide lifelong learning opportunities Open Learning Agency uses television, e-technologies of printing and educational programs. Courses and programs are selected based on needs of higher education and career. The main target group of students from such university is people who have the experience of open learning and continue to work during training [12].

A complete package including a course description, separate course modules, textbooks and destination file is sent to the student upon registration. For some courses, additional materials such as audio disks, slides, laboratory sets, and video, software and television programs may be provided.

Support service provides constant contact with those who need some adaptation of the course. Twenty-four-hour service is provided for all students living in British Columbia and the Yukon.

Virtual universities. In this educational potential opportunities for restructuring the education system are realized. They provide technologies of training tele-conferences. These technologies enable groups of students and individual learners to meet with the teacher and among themselves being at some distance from each other. Such modern ways of communication are complemented with computer training programs such as multimedia replacing printed texts, audio and video tapes. As a result, a student can receive educational information from various sources. Such model of education leads to the fact that training is carried out not only at the distance but also independently of any institution.

Such a model has not been fully implemented yet. Its implementation is accompanied by significant difficulties, namely with the problem of getting public recognition and the right to award diplomas and certificates, to confer appropriate degrees (accreditation problem of the virtual university). Overcoming these difficulties and full development of the virtual university model will cause deep changes in the organizational structure of modern education. Virtual university does not have campuses and student dormitories, administrative offices and lecture halls. It consists of groups that cooperate, such as administrators, course developers, teachers, technologists and students separated by large distances, national borders but working together and learning interactively using modern telematic technologies. It is apparent that this model will provide a great progress on the way of the education internationalization and training availability.

Consortium of universities. This new institutional model of university education has been actively developing recently. Consortium of universities (from Lat. consortium – participation, community) is a commercial enterprise providing communication and administrative services on conducting training courses developed by traditional universities, members of the consortium, for distance learning on the basis of various educational technologies. Therefore, consortium of universities combines and coordinates activities of some universities based on modern information technologies. We can say that consortium of universities carries out brokerage between students and traditional universities for e-learning. Consortium of universities can provide both high school courses and postgraduate courses, programs of extended education and preliminary courses for university entrants. The most important is that consortium of universities gives an opportunity to get degrees and certificates of those universities that are part of the consortium. This institutional model is extremely actual for Canada since it makes it possible to combine educational resources of many traditional universities.

Canadian Virtual University is a consortium of 11 leading higher educational institutions specialized in providing electronic educational services. The University consists of Athabasca University, Cape Breton University, Laurentian University, Memorial University of Newfoundland, Nipissing University, Royal Roads University, St. Francis Xavier University, TÉLUQ, l'université à distance de l'UQÀM, Thompson Rivers University, University of Manitoba, University of New Brunswick.

Tele-university. This new institutional model is also established based on the consolidation of traditional universities resources but this consolidation is much more powerful than in the case of a consortium of universities. Tele-university offers joint work to a number of independent universities on integrated curricula. Tele-university itself develops and delivers courses, awards degrees, issues diplomas and certificates using professional and teaching staff, lecture rooms and other resources of traditional universities.

This model of modern university education most clearly embodied in the activities of the Quebec University of Tele-education (TÉLUQ, l'université à distance de l'UQÀM). The Ministry of Education and Higher Education of Quebec founded Tele-university in 1972 after studies of the distance learning role at the university level. Actually, it is the only University in North America training specialists in French.

The University has developed various programs for adult education. It retrains personnel in cooperation with small business. The Tele-university offers training programs in management, communication, social sciences and humanities, total in 13 certified programs, in 12 short programs of the occupational retraining. Changes in the communication technology enabled to improve the model of distance learning in the tele-university to ensure faster and more adequate access of students to information technologies. Approximately 20 thousand students are accepted for tele-university courses and programs per year, 80% of them are working adults.

Higher educational establishments undergo rapid changes; the impact of e-learning on the process of teaching and learning is uneven and very differential one. Today technological innovations are interpreted as a part of more significant process – overall restructuring of higher education in Canada.

The development of the virtual university within traditional forms of education apart from everything else will depend on the cooperation between countries, sectors and services as part of a new university strategy. Besides infrastructure capable of supporting cooperation and interaction, it is necessary to take into account such additional factors as the level of public and personal partnership, rigidity of national educational systems, standardization and the content of education inhomogeneous in quality.

Technologies increasingly become an integral part of the social structure. In Canada most people especially students spend a significant part of their life in the cyberspace, in new reality which is imposed on society and influences on it significantly. An important component of the university transformation will be an analysis of this phenomenon, its impact and its participation in it.

In view of internal logic of technologies in the beginning of the XXI century, it is time to get rid of axioms, ideas, systems and structures in the university as well as in society in order to give way to the new ones. Wherein it is necessary to remain attentive and critical as new flexible models arise and ensure their optimal servicing current and future needs of students in the rapidly changing society.

ЛИТЕРАТУРА

1. AUCC Statement on Technology Enhanced Learning [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.aucc.ca/_pdf/english/statements/2000/tel_06_20_e.pdf.
2. Glossary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.elearningeuropa.info/main/index./php?page=glossary>.
3. Rossiter J. An e-learning vision: Towards a Pan-Canadian strategy and action plan. Ottawa, 2002. – ON: CANARIE Inc. [Электронный ресурс] / J. Rossiter. – Режим доступа: <http://www.canarie.ca/funding/elearning/elearningvision.pdf>
4. Advisory Committee for Online Learning. The E-Learning E-Volution in Colleges and Universities: A Pan-Canadian Challenge. – Ottawa: Industry Canada, 2001. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.cmec.ca/postsec/evolution.en.pdf.
5. Abrami Philip C., Robert M. Bernard, C. Anne Wade. A Review of E-Learning in Canada: A Rough Sketch of the Evidence, Gaps and Promising Directions. Ottawa: Canadian Council on Learning, 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ccl->

cca.ca/NR/rdonlyres/FE77E704-D207-4511-8F74-E3FFE9A75E7E/0/SFRElearningConcordiaApr06.pdf.

6. Charpentier M., Lafrance C. International E-learning Strategies: Key Findings Relevant to the Canadian Context. Ottawa: Canadian Council on Learning, 2006. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.cclcca.ca/NR/rdonlyres/7DCFC8CB-D926-4C22-A549F28080E65378/0/JohnBissInternationalELearningEN.pdf>.

7. Ungerleider C., Burns T. Information and communication technologies in elementary and secondary education: a state of the art review. (Pan-Canadian Education Research Agenda Symposium. – Montreal, 2002. – 30 April–2 May [Електронний ресурс]. – Режим доступу: www.cesc-csce.ca/pceradocs/2002/papers/CUngerleider_OEN.pdf.

8. Driscoll Margaret. Hype versus reality in the boardroom: why e-learning hasn't lived up to its initial projections for penetrating the corporate environment / S. Carliner and P. Shank // The E-Learning Handbook: A Comprehensive Guide to Online Learning. – San Francisco : Pfeiffer/John Wiley & Sons, 2008. – 210 p.

9. Nichols Mark. A theory for eLearning / Mark Nichols // Educational Technology & Society 6. – №. 2 (2003). – P. 1–10.

10. Филлиппова Л.Я. Опыт университетов США и Канады в области организации онлайн-обучения, основанного на WEB-технологиях / Л.Я. Филлиппова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: users.kpi.kharkov.ua/lre/rt909/Web-based%20teach.doc.

11. Шуневич Б.І. Тенденції розвитку дистанційного навчання у зарубіжній вищій школі / Б.І. Шуневич // Інформаційні технології і засоби навчання: електронне наукове фахове видання [Електронний ресурс] ; Ін-т інформ. технологій і засобів навчання АПН України ; Ун-т менеджменту освіти АПН України. – 2008. – № 3 (7). – Режим доступу: <http://www.nbu.gov.ua/e-journals/ITZN/em7/content/08sbishf.htm>.

12. Зуева Д.С. Специфика мегауниверситетов как современной образовательной инфраструктуры [Электронный ресурс] / Д.С. Зуева, О.М. Карпенко, И.А. Крутий // Социологические исследования. – 2007. – № 10. – С. 82–85. – Режим доступа: <http://www.ecsocman.edu.ru/socis/msg/328433.html>.

M.V. Borisova, N.A. Chehlan

DEVELOPMENT OF NEW INSTITUTIONAL FORMS OF HIGHER EDUCATION IN CANADA IN CONDITIONS OF THE E-LEARNING IMPLEMENTATION

In the given article the analysis of the e-learning in Canadian post-secondary education is given, the advantages and disadvantages of e-learning implementation are shown; the main organizational structures of Canadian post-secondary institutions in the context of e-learning implementations are outlined.

Key words: *e-learning, Canadian post-secondary education, institutional forms.*

ЛЕКСИКА ДОНЕЦКОГО РЕГИОЛЕКТА: СИСТЕМНО- ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

В статье рассмотрены взгляды ученых на региолект, зафиксированы регионализмы, отражающие лексическое своеобразие речи жителей Донбасса. Для систематизации регионализмов выбран метод описания по лексико-семантическим группам. Актуальность работы обусловлена особым вниманием к проблеме многоаспектного изучения региональной лексики.

Ключевые слова: региолект, регионализм, лексико-семантическая группа, тематическая группа.

Лексика города – это один из источников обогащения русского литературного языка на определённом этапе развития как высшей формы национального языка. В ней отражаются все изменения, которые происходят в жизни общества. Поликультурность современных городов, многополюсность сфер интересов, потребностей и возможностей различных субкультур, социальных и профессиональных групп населения придают городу и его лексике новые черты. Отсюда и новое осмысление места города в обществе, в культурном развитии человека, в формировании речевого и языкового вкуса [22, с. 5].

Объектом данного исследования является лексика жителей города Донецка. Цель - сбор и систематизация региональной лексики города Донецка.

Термин «региональная лексика» используется исследователями для обозначения группы слов, призванных отразить специфические реалии какой-либо местности. Как отмечает Т. Хорошева, «в современной социолингвистике все чаще говорят не столько о «вымирании» или «распаде» территориальных диалектов, сколько о видоизменении форм пространственного варьирования языка, приводящем к появлению промежуточных идиомов [21, с.33].

Понятие «региолект» введено А.Гердом, который понимал под этим термином особую форму устной речи, в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта, развились новые особенности. По мнению ученого, с одной стороны, региолект не достиг статуса литературного языка, а с другой, не совпадает полностью и с городским просторечием [5, с. 218]. С. Кошарная трактует региолект как особый словарь региона, понимаемый как административная территориальная единица [14, с.16].

Под регионализмом Т. Кадола подразумевает слова, функционирующие на определенной территории, не зафиксированные в толковых словарях литературного языка или получающие в них пометы обл., местн., прост., разг. [21, с.34]. Таким образом, регионализмы – это слова и выражения, обозначающие реалии (природные и социальные) определенной местности и функционирующие более или менее регулярно в литературных текстах (устных и письменных) с номинативно-терминологической или стилистической функцией [4, с. 27].

Материалом для исследования послужили лексические единицы, собранные методом анализа документальных источников. Всего собрано 100 лексических единиц.

Для систематизации регионализмов выбран метод описания по лексико-семантическим группам. Следует отметить, что лексико-семантические группы (ЛСГ)

– «множества слов, в значениях которых представлена хотя бы одна общая (категориальная) сема». Традиционно ЛСГ включает слова одной части речи, которые объединены общим дескриптивным родо-видовым признаком и противопоставлены по какому-либо другим различительным признакам.

Некоторые исследователи (Ф.Филин, Л.Васильев) рассматривают лексико-семантическую группу как вариант семантического поля, другие, например А.Уфимцева, включают эти группировки в состав более крупных парадигматических объединений.

Так, Ф. Филин говорит о том, что в основе лексико-семантической группы лежат «лексические элементы с однородными сопоставимыми значениями», к которым он относит синонимы, антонимы и другие группы слов, связанные между собой общностью семантических отношений [19, с.230].

Согласно Л.Васильеву, любое семантическое объединение слов, сгруппированных, по меньшей мере, одним общим семантическим элементом, можно обозначать термином ЛСГ. Стоит отметить, что некоторые ученые выделяют в ЛСГ синонимические отношения, и поэтому лексико-семантическая группа является общностью синонимических рядов [4, с.97].

По мнению О. Ахмановой, ЛСГ – это подразряд слов в рамках одной части речи, сгруппированных общностью значения. И. Слесарева считает ЛСГ «промежуточным образованием» между семантическим полем и синонимическим рядом [4, с.108].

Основанием для объединения слов в лексико-семантические группы служат словесные ассоциации, отражающие связи предметов в окружающем мире. В отличие от полисемии, которая характеризуется смысловой связью внутри значений одного слова, эти ассоциации возникают на основе смысловых связей между различными словами, в результате сопоставления, отождествления и различения их значений.

На основе собранного материала рассмотрим следующие ЛСГ:

1) Название канцелярских приспособлений (6 лексических единиц). Группа объединяет слова, обозначающие инструменты для письма и их части: ампулка – стержень шариковой ручки (*Вернувшись к столу, он достал из верхнего ящика несколько чистых листов и две ручки (в первой собиралась закончиться ампулка*[3,с.20]); паста – стержень в ручку (*Волков опять взял ручку, опять поменял пасту и приготовился записывать* [11]); тёрка – ластик (*Знаешь, судьба, это как книга, написанная простым карандашом! Рядом с каждым человеком лежит тёрка и простой карандаш, стоит только протянуться и исправить!*[3, с.33]); штрих – корректор (*Опять ошиблась, а у меня штрих закончился. Придется перепечатывать страниц* [17]); фломик – фломастер (*Хорошо смывающиеся фломики! В тайне от дочери, дабы не подавать дурной пример, попробовала на обоях (моющих) - стёрла влажной тряпочкой* [13]).

2) Название жидкостей (9 лексических единиц). К данной группе относятся слова, обозначающие спиртные напитки, молочные продукты, а так же состояния почвы: Бодяга – непонятная смесь (*Люди спиваются дешевой бодягой, а не дорогим вином. Акция протеста водителей «Бензин по 12, а не бодяга по 20!»*[13]) бормотуха – дешевое вино (*Бормотуха кислая, какое-то плодово-«выгодное», «Солнцедар» и вовсе вредный – его бичи «менингитником» зовут, они, эти бродяги, всё знают, сплошь землю исколесили. Шмурдяк какой-то жрут, бормотуху, Солнцедар, чернила...*[2]); кисляк – прокисшее молоко (*Молоко употребляли в свежем виде, сквашенным (кисляк, простокваша), топленным в печи. Из топленного молока готовили ряженку* [11]); мачмала – грязь, непонятная жидкая субстанция (*На дороге*

сплошная мачмала разбитая самим же транспортом;...или в подшипник попала мачмала, надо снять каретку, скovyрнуть защитное пластиковое кольцо, помыть, смазать и всё сделать в обратном порядке [13].); муляка – мутная, грязная вода, ил (Ставок плохой, на дне трава с мулякой, вонючая муляка сильно, рыбы не видел [1].); фамфурик – настойка (Сбегай за в киоск за фамфуриком [13].); чекунец (чекушка) – бутылка водки (...и беру себе чекунец водки; А что будет, если каждый день за ужином выпивать по чекушке водки [13].); шалабан – стакан водки (я всегда выпиваю перед сном шалабан [13].); шмурдяк – дешевое вино (Шмурдяк, на самом деле, классический пример люмпен-пойла, с которого моментально сносит крышу, а не слишком привычный к регулярным возлияниям человек, отведавший этот чудесный микс, наутро пожалеет, что появился на свет [12].).

3) Название посуды (10 лексических единиц). В данную группу входят слова, обозначающие емкости, кухонный инвентарь. Бадья – ведро (Бадьей достают воду из колодца [18].); баклажка – бутылка для воды (Я сходил в магазин и принёс две шестилитровые баклажки воды [10].); банка – стеклянная емкость (...принеси из кладовой банку закруток [13].); бутыл – большая банка (На полках по углам стояли кувшины, бутылки и фляжки зеленого и синего стекла, резные серебряные кубки, позолоченные чарки всякой работы [6]); заварник – посуда для заваривания чая (Засыпав чай в заварник, я увидел, что посуда, с которой мы только что ели, уже обсыхает в шкафу [11].); ковшик – небольшая кастрюля с ручкой (Я набрала полный ковшик воды... [10]); мыска – тазик (В деревне нет условий, привычных для городского населения: даже душ приходится принимать в мыске [17].); полонник – посуда, при помощи которой накладывают жидкую еду (Налей мне два полонника борща) [13]; судочек – емкость для тормозка (Пока мы греемся и отдыхаем, она нам всё запекает и раскладывает по судочкам [11]); чашка – кружка (Человек, который очень хочет пить, не будет раздумывать, какую именно посуду – стакан или чашку – ему использовать для этих целей [18]).

4) Название бытовых объектов (36 лексических единиц). К данной группе относятся слова, обозначающие инструменты, утварь, предметы мебели: болер – бойлер (Вчера дома сломался болер, чуть не вытекла вся вода. Хорошо, что хоть соседей не затопили [16]); брасматик – тушь (Брасматик – незаменимая вещь в косметичке каждой женщины) [13]; брусок – предмет для заточки ножей (Заточка на алмазных брусках не требует специального масла – достаточно слегка увлажнить его водой [11]); быльце – боковушка у кровати (Аккуратнее, не ударься головой о быльце [13]); выбивалка – предмет для выбивания ковров (Предок современных пылесосов – выбивалка для ковров – долгое время спасала хозяек от пыли, забившейся глубоко в ворс [13].); гладилка – гладильная доска (Ты не знаешь, где можно купить гладилку не по заоблачной цене? [7]); горелка – конфорка (Купили новую газовую печь, включили, а одна горелка не работает, теперь придется вызывать мастера [10]), досточка – дощечка (Квартальный пожар, видно, слишком крепко раму портрета, благодаря топорному устройству полицейских рук своих; боковые досточки вломились вовнутрь, одна упала на пол, и вместе с нею упал, тяжело звякнув, свёрток в синей бумаге [3, с.115]), железка – изготовление из железа (Поднял с земли какую-то железку [13]), зубок – режущий инструмент, разновидность резцов (Зубок марки ШБМ-2 широко применяется для установки на наконечники буровых колонок, буров для скважин и буровые шахтные установки [12]); канат – веревка (Так их (каторжан) канатом прикрутят друг к другу и ведут [15]), квиточки – билеты (Примите квиточек [13]), кулёк (кулёчек) – полиэтиленовый пакет (Возьми с собой кулёк для хлеба [13].); лутка – дверной косяк (В дверь позвонили, и я хотел открыть побыстрее, и в спешке ударился

ногой об лутку [10]); майка (маечка) – пакет (Маечки очень удобны в использовании и просто незаменимы в быту [7]); мочалка – губка (Отличная мочалка для мытья посуды, раковины, рук получается из поролонового мешочка, внутри которого вложены кусочки мыла. Она удобна тем, что ее не нужно то и дело намывать. Мешочек шивают из куска поролона, оставляя небольшое отверстие для закладки мыла [7]); мусорка – урна (Куда ни глянь – подъезды и лифты грязные, лавки поломаны, мусорки перевёрнуты [10]); наволка – наволочка (Воздух в квартире был спёртым, пахло старой одеждой и лекарствами. Подушка в белой наволке, лежавшая на кровати, была покрыта бурными пятнами [7]); пакован – тяжёлый пакет (Еле донесла этот пакован домой![7]); пенал – кухонный шкаф (У нас все специи и крупы хранятся в пенале [7]); переноска – электрический удлинитель (Из ста метров провода 2х1,5 можно легко сделать двадцатиметровую переноску [12]); печка – плита (Но само помещение было меньше, а всю стену напротив двери занимала огромная печка, облицованная яркими керамическими изразцами [3, с.170]); побирушка – сумка (Побирушку шили сами, из разноцветных кусочков ткани. И в карман засунуть ее было затруднительно. Помню сестра дня два на машинке строчила, и мода на побирушку была недолгой [7]); подстилка – одеяло для сидения на природе (Завтра идем на пикник, обязательно возьми с собой подстилку, а то я свою забыла постирать [10]); ризетка – розетка (А вот зарядить телефон ночью можно тем, у кого рядом ризетка [17]); рукомойник – умывальник, рэпанка – рогатка со старой, истрепанной (порэпаной) с краев резиной; стиралка- стиральная машина (При желании или необходимости стиралку можно разместить в отдалении от рабочей зоны кухни и даже разделить занавеской или ширмой [7]); стулка – табуретка (Принеси из кухни стулку, а то гостям негде присесть [13]); фотик – фотоаппарат (Я купил новый фотик, теперь фотографии будут качественные [20].); фотосы – фотографии (Сбрось мне, пожалуйста, фотосы со вчерашней прогулки [20]); фоточки – фотографии (Какие красивые фоточки![20]); хлопалка – выбивалка (Поддай мне хлопалку [7]); шифоньер – шкаф для одежды (Комната большая и довольно тёплая, стоят пять кроватей, письменный стол, этажерка, круглый стол, большой шифоньер и шесть стульев [10]).

5. Название природных объектов (4 лексические единицы). К данной группе относятся слова, обозначающие водоёмы, зелёные насаждения: Посадка – лесополоса, самопосадной лес. (По периметру Донецкого моря исторически сложилось сразу несколько «шашлычных» мест. Из них выделим два основных: на северном берегу (там посадка спускается почти к самому берегу, и есть несколько больших полей), а также в юго-восточной оконечности, на съезде с дамбы в направлении коттеджного поселка «Хорошово» [8]); речка – река (При отливе обнажался берег моря, изрезанный ручьями, речками и небольшими проливами; во время прилива были видны наносные островки, покрытые болотной травой [1]); ставок – искусственный пруд (На Севере Киевского района имеется Новый ставок [8]); террикон – искусственная насыпь из пустых пород, извлеченных при подземной разработке месторождений угля и других полезных ископаемых (Ведь терриконы для Донецка не просто – искусственные насыпи из породы, извлеченной при подземной разработке месторождений угля [12]).

6) Слова, употребляемые в шахтерской среде (6 лексических единиц). К данной группе относятся слова, обозначающие процессы, профессиональные инструменты: Бутылёк – как правило, шахтерские посиделки с крепкими напитками (На «бутылёке» обсуждаются насущные проблемы и строятся планы. С помощью «бутылёка» «завалили» не одного начальника участка и распределили не одну внеочередную машину [12]); жужалка – мелкий некачественный уголь; остатки сгоревшего топлива, зола (Хаотичное нагромождение землянок и бараков, вместо улиц

— кривые узенькие переулки, засыпанные жужжалкой, залитые помоями, тучи пыли и копоты, от которых в жаркие дни люди буквально задыхались — вот так выглядел рабочий поселок [10]); коногонка — шахтерский фонарь (Пострадавший откупоривает трубу и светит коногонкой [10]); понедельник — тяжелая кувалда; порожняк — (происходит от порожней вагонетки с углем) — ненужное, лишнее дело или разговор (... всё схвачено крутыми донецкими пацанами, которые, по их собственному мнению, «порожняк не гонят» [10]), упряжка — рабочая смена (Пускай напоминает нам, шахтёрам, вновь и вновь: упряжка — трудодень в моей профессии [12]).

7) Названия процессов (8 лексических единиц). Данная группа объединяет слова, обозначающие виды отдыха, бытовые процессы: вылазка — пикник (Главное правило — помните о чувстве меры: ведь основная цель вашей вылазки — активный отдых на свежем воздухе, общение с друзьями, удовольствие вкусной едой [7].); готовка — процесс приготовления пищи (Готовка всегда занимает много времени [7].); закупорка — консервирование, консервация (В этом году закупоркой я занималась сама, помощников не было [7]); ладки — игра в салочки (Игра в ладки направлена на воспитание у детей смелости, способности мобилизоваться и избежать опасности. Опасность в данной игре мнимая, воображаемая: дети не ловят, а только селят друг друга [7]); махач (мордобойка) — драка (Обычно махач начинается после игровых столкновений на поле (которые, кстати, тоже строго оговорены в правилах) или же если мяч, брошенный питчером, попадает в бьющего команды соперника (что считается верхом непрофессионализм [13]).

8) Название людей (23 лексические единицы). К данной группе относятся слова, обозначающие черты характера людей, профессии, возрастные характеристики, слова, выражающие личное отношение говорящего: балда — глупый человек (Вот балда, забыл ключи! Придется ехать обратно [12].); батя — отец (Сегодня мы с моим батей ходили на рыбалку [12]); докторица (докторша) — доктор женщина (Но тогда, в больнице, я не смогла оставаться больше со своими мыслями наедине. Я встала с кровати и пошла к своей докторице [13]); зёма — земляк (О, зёма, сколько лет, сколько зим [10]); кореш — друг (У меня кореш есть. На станции, возле базара живёт [10]); кулёма — недотёпа (Ну ты и кулёма — как можно было пропустить такое мероприятие [13]); лымарь — рослый, высокий и видный человек (Ого, какой лымарь вымахал! [13]); малая — младшая (Сегодня меня попросили забрать малую из садика [7]); мелкотня — маленькие дети (Мелкотня целыми днями играет во дворе [7]); пацики (паца) — парни (Пацики, пойдете сегодня на концерт? [13]); проходимцы — мошенники, хулиганы (Ходят еще по нашей земле мошенники и проходимцы, расхитители государственного и общественного имущества [9]), родич — родственник (К нам приехали родичи на праздники [7]), техничка — уборщица (Итак, техничка, как и любой другой сотрудник, в своей работе руководствуется специальной инструкцией [7]); шибздик — низкорослый человек (Ну, шибздик один. Да вы его знаете, ходит здесь вот с таким инобелем [13]); шкандыба — хромо́й человек (Впереди меня шел какой-то шкандыба [13]); шпендик — человек маленького роста (А это что ещё за шпендик? [13]); щегол — неопытный, молодой специалист (Каждый щегол считает, что имеет право указывать начальству [13]).

Таким образом, было рассмотрено 100 регионализмов Донбасса, которые распределены по группам. На основе собранного материала можно сделать вывод, что одной из самых распространённых ЛСГ является лексико-семантическая группа названий бытовых объектов. Наименее распространены лексико-семантические группы названия природных объектов и канцелярских приспособлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреевский ставок (форум). – Режим доступа: fishmaria.com/place/4987/андреевский_ставок
2. Астафьев В.П. Царь-рыба/В.П. Астафьев. – Режим доступа http://lib.ru/PROZA/ASTAFIEW/ryba.txt_with-big-pictures.html
3. Боровитинов А.А. Блаженны миротворцы...(социально-приключенческая полудокументальная летопись-репортаж) / Боровитинов А.А // Харьков : Основа, 1998. – 236 с.
4. Вежбицкая А. Н. Язык, культура, познание. - М., 1996. - 130 с.
5. Герд А.С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. /А.С.Герд//СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. 488 с.
6. Гоголь Н. «Тарас Бульба»/ Н. Гоголь. – Режим доступа: <http://rushist.com/index.php/rus-literature/3133-gogol-taras-bulba-chitat-onlajn>
7. Домохозяйка (форум). – Режим доступа: eva.ru/mobile/forum/topic/3277406.htm
8. Донецкие водоемы (форум). – Режим доступа: <http://donetsk.nrt.su/sightseen/prud/Donetskie-vodoemyi.html>
9. Жорницкий А. Бомба для ведущего/ А.Жорницкий. – Режим доступа: <https://www.livelib.ru/book/105197/readpart-bomba-dlya-veduschego-aleksandr-zhornitskij>
10. Карта слов и выражений русского языка. – Режим доступа: kartaslov.ru
11. Кивинов А. Попутчики/ А.Кивинов. – Режим доступа: <https://www.e-reading.club/book.php?book=27046>
12. Клуб джентльменов (форум). – Режим доступа: <http://gentlemanclub.uol.ua/>
13. Колесникова Т.Словарь молодежного сленга/ Т.Колесникова. – Режим доступа: teenslang.su
14. Кошарная А.С Региолект Белгородчины как лингвокультурное образование/ А.С.Кошарная//Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки, 2017, № 14 (263), вып.34. – С. 14-25
15. Некрасов Н. Губернатор / Н.Некрасов.- Режим доступа: <http://nekrasov-lit.ru/nekrasov/stihi/286.htm>
16. Никитин Н. Что делать при протекании водонагревателя/ Н.Никитин. – Режим доступа:<http://tehnika.expert/klimaticheskaya/vodonagrevatel/potek-bojler-что-делать.html>
17. Усачева Е.Нити судьбы / Е. Усачева. – Режим доступа: <http://www.litmir.me/br/?b=153790>
18. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка/ Д.Н. Ушаков. - Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru/>
19. Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов // Очерки по теории языкознания. - М.: Наука, 1982. С. 229-239.
20. Фотоаппарат или телефон? (форум). – Режим доступа: navimba.com/viewtopic.php?t=291
21. Хорошева Н.В. Региолект как промежуточный идиом во французском и русском языках/ Н.В. Хорошева // Вестник Пермского университета, 2011, № 3 (15). – С. 32–36
22. Шарипова О.А. Региональные особенности языка города: на материале русской речи жителей города Стерлитамак Республики Башкортостан : диссертация...кандидата филологических наук : 10.02.01 / Шарипова Ольга Александровна; [Башкир. гос. ун-т].- С., 2012.- 218 с

**LEXIS OF THE DONETSK REGIONECT: SYSTEM-FUNCTIONAL
APPROACH**

The article considers the views of scientists on the region. Regionalisms reflecting the lexical originality of the speech of the inhabitants of the Donbass are recorded. To systematize regionalisms, a method of describing the lexical-semantic groups was chosen. The urgency of the work is due to a special attention to the problem of a multidimensional study of regional vocabulary.

Key words: regiolect, regionalism, lexico-semantic group, thematic group.

УДК811.161. 1*27

Н. П. Курмакаева, А. В. Носова

*ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(научн. рук. канд. филол. наук, доцент Н. П. Курмакаева)*

**КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ
В БЫТОВОМ ОБЩЕНИИ ЖИТЕЛЕЙ
СЕЛА УСПЕНКА АМВРОСИЕВСКОГО РАЙОНА**

В статье представлены систематизация и описание особенностей живой бытовой речи жителей села Успенка Амвросиевского района как малоизученного сегмента русского языка. Уделено внимание лексическим, фонетическим и грамматическим несоответствиям литературному языку. Доказана необходимость сбора и сохранения речевого фонда региона. Результатом исследования стало составление словника диалектных слов жителей села Успенка Амвросиевского района.

Ключевые слова: культурно-языковая специфика, диалект, диалектизмы, интерференция.

Я родилась и выросла в селе Успенка Амвросиевского района, расположенном на юго-востоке Донецкого региона, практически на границе с Россией. Как говорят успенцы, «Россия у нас в огородах». Основное население села Успенка, которое было основано в 1854 году, составляют потомки казаков войска Донского [9, с. 87] и переселенцев из Харьковской, Полтавской, Черниговской, Белгородской, Курской губерний Российской империи [9, с. 21]. Кроме русских и украинцев, которые составляют большинство населения, в селе проживает небольшое количество белорусов, армян, евреев, азербайджанцев, узбеков, поляков. На основании записей в похозяйственных книгах и карточках прописки нами установлено, что в настоящее время на территории Успенской сельской администрации зарегистрировано 1927 жителей в шести населенных пунктах, из них: от 0 до 20 лет – 231 человек, от 20 до 40 лет – 688 человек, от 40 до 60 лет – 721 человек, от 60 и выше – 287 человек.

Самобытный успенский диалект сложился исторически в результате смешения и взаимопроникновения русского и украинского языков и их диалектов – центральноукраинских, восточноукраинских и южнорусских.

Одной из ключевых и активно развивающихся сфер современного языкознания является сфера коммуникации и язык как главный ее инструмент, часто выступающий в различных формах для отражения языковых понятий. Одной из таких форм является

диалект, изучению которого и посвящено наше исследование. Для науки представляет определенную ценность каждое слово, независимо от того, входит ли оно в литературный язык или является только принадлежностью какого-либо местного говора, потому что оно появилось в речи народа для того, чтобы им обозначить, назвать предмет, признак, действие, отношение между людьми [8, с. 7].

Диалектизмы, часто являясь основой обыденной речи, еще недостаточно изучены. На современном этапе развития языка они становятся исчезающей областью, а этого нельзя допустить, т.к. это ведет к утрате уникальных фактов истории языка и, в целом, культуры народа. Именно поэтому **объектом** моего исследования стала устная речь жителей села Успенка.

Предмет исследования: лексика, ограниченная в употреблении территориально, особенности ее употребления в речи.

Цель работы: исследование культурно-языковых особенностей и характеристика единиц бытового общения жителей села Успенка Амвросиевского района.

Для достижения этой цели поставлены задачи:

- 1) изучить литературу, электронные источники по данной теме с целью сбора теоретического материала;
- 2) провести опрос старожилов села, записать диалектные слова, выявить их значение, отметить особенности произношения;
- 3) классифицировать собранные диалектные слова по тематическим группам и произвести их описание;
- 4) составить словник диалектных слов жителей села.

Новизна нашего исследования заключается в том, что положено начало целенаправленному изучению культурно-языковых особенностей бытового общения жителей села Успенка Амвросиевского района, в частности, изучению диалектных слов и выражений, отмеченных в их речевом дискурсе.

Изучение диалектных слов имеет особую значимость, так как лексический состав говора отражает культуру, быт, своеобразие народа, который им владеет. Диалектная лексика предоставляет ученым данные об историческом прошлом этой группы социума, позволяет произвести реконструкцию языка. Поэтому изучением диалектов занимались многие известные ученые: А. А. Потебня, А. И. Соболевский, Н. Н. Дурново, А. А. Шахматов, Р. И. Аванесов, Б. А. Ларин, П. С. Кузнецов и другие.

Понятие «диалект» учёные-лингвисты трактуют по-разному:

- 1) Диалект – местное или социальное наречие, говор... [10, с. 141]
- 2) Диалект – разновидность общенародного языка, употребляемая ограниченной группой лиц, связанных территориальной, профессиональной или социальной общностью. устар. Язык (обычно иностранный) [3, с. 7].
- 3) ДИАЛЕКТ, диалекта, м. (греч. dialektos). Местное наречие, говор (лингв.). Севернорусские диалекты. || То же, что язык, речь (устар. и шутл.). Изъясняется на французском диалекте [12, с. 8].

Если взять за основу определение И. С. Ожегова, то речь жителей той или иной местности называют диалектом. Диалектизмы – это особенности диалектов, говоров, не соответствующие нормам литературного языка [6, с. 23].

По словам И. С. Зварыкиной, «изначально диалект служил основой для формирования литературного языка, поэтому его нельзя рассматривать как нечто ущербное по отношению к кодифицированному языку» [4, с. 21]. Нельзя не согласиться с академиком Л. В. Щербой, который утверждал: «Если бы литературный язык оторвался от диалектов, от «почвы», то он, подобно Антею, потерял бы всю свою силу и уподобился бы мертвому языку, каким является теперь латинский язык» [13, с. 111].

Диалектная лексика по-прежнему остаётся одним из средств общения жителей сельской местности, которые обычно употребляют её в своей речи спонтанно, по привычке, предпочитая литературным словам, хотя и владеют нормой (*Шо ты там вошкаешься? Хватай куфайку, кирзаки. Пойдем на лунку*). Лучше всего диалектные черты сохраняются в языке старшего поколения, особенно женщин [1, с. 6], и это подтверждают наши наблюдения во время опроса.

В публицистическом дискурсе некоторых районных, республиканских газет можно встретить употребление диалектизмов в прагматико-стилистических целях: они помогают более доступно для местных читателей назвать отдельные предметы, явления, процессы. Так, в газете администрации Амвросиевского района «Новый луч» № 32 от 24 августа 2017 года в статье, посвященной годовщине освобождения района от фашистских захватчиков, читаем: «...Немцы выгнали нас из хат, и мы ютились в землянке. Есть было нечего. Чтобы мы не плакали от голода, мама варила нам бурдомагу из половы и мерзлого буряка».

Диалектизмы часто вводятся в литературную речь для придания ей «сочности», для речевой характеристики героев, описания географических особенностей, местной природы, быта. Они помогают ярче охарактеризовать героев, передать их индивидуальность [5, с. 98]. Донецкий писатель И. Костыря в «Думе о шахтерском коне» писал: «А сельские мужики *перли пехом*, в кровь до мозолей и ран избивая ноги на пыльных *шляхах*, петлявших от одного каменистого *бугра* на другой, между *крутоярами*, по сухим водоразделам, поросшим едкой до одури и удушающей полынью. Когда же *шлях* скатывался в глубокую *балку*, то окружной мир гористый вставал, казалось, до самого неба и выглядел каменным мешком» [7, с. 114].

Российский лингвист В. Г. Руделёв подчеркивает: «Русский диалект – это то, что пока не дает русскому языку перестать быть русским». Актуальность этих слов не вызывает сомнений. Ведь русская речь современных носителей, особенно молодежный сегмент, претерпела существенные изменения не в лучшую сторону. «Динамика языкового развития столь ощутима, что не оставляет равнодушных ни в кругу лингвистической общественности, ни в среде журналистов и публицистов, ни среди обычных граждан, ни связанных профессионально с языком» [2, с. 3].

Нами были проведены исследования особенностей речи жителей села Успенка Амвросиевского района, в ходе которого была собрана картотека фактического материала в количестве 236 лексических и фразеологических единиц. В собранном материале выявлены отдельные фонетические, морфологические, синтаксические и лексико-семантические особенности речи жителей Успенки. Это дает возможность, в зависимости от характера отличий диалектного слова от литературного, выделить следующие группы диалектизмов, которые представлены в речи жителей села Успенка Амвросиевского района.

1. Лексические диалектизмы подразделяются на:

а) **собственно лексические** – местные названия предметов и явлений, имеющие в литературном языке синонимы: *гутарить* – разговаривать, *дюже* – очень, *буряк* – свекла, *цибуля* – лук, *жерделя* – абрикос, *полынья*, *лунка* – прорубь, *чоботы*, *кирзаки* – сапоги, *чуни* – галоши, *гойдалка* – качели, *чабак* – лещ и др.;

б) **лексико-фонетические** диалектизмы отражают нерегулярные фонетические особенности: *сл[ы]ва* – слива, *дра[ж]нить* – дразнить, *завтр[и]к* – завтрак, *б[о]мага* – бумага, *па[ш]порт* – паспорт, *жи[с'т']* – жизнь, *пи[н]жак* – пиджак, *[к]уфайка* – фуфайка.

Разновидностью лексико-фонетических диалектизмов являются **акцентологические** слова, отличающиеся от литературных ударением: *засуха – засу́ха*, *верба – в[э]рба*, *холодно – холо́дно*, *темно – т[э]мно*, *завидно – зави́дно*;

в) **лексико-словообразовательные** диалектизмы – слова, имеющие некоторые отличия в словообразовательной структуре по сравнению со словами литературного языка: *гоститься* – гостить; *кошенята* – котята; *гуска* – гусыня, *телок* – теленок, *свекруха* – свекровь, *покеда* – пока, *ихний* – их, *морква* – морковь. Притяжательное местоимение *наш* чаще произносится как *нашенский*.

2. **Этнографические диалектизмы** – названия предметов, явлений, не имеющие аналогов в литературном языке. Это связано с особенностями быта, ведения хозяйства, протекания обрядов в определённой местности. Сюда относятся названия жилых и хозяйственных построек, их частей, орудий труда, одежды, кухонной утвари, блюд: *хершик* – бутылка (1,5 л.), *рогач* – ухват для вытаскивания чугунов из печи, *мушник* – ларь для хранения муки.

3. **Морфологические диалектизмы** – не свойственные литературному языку формы словоизменения: мягкие окончания у глаголов в 3-м лице (*идеть, идуть*); окончание *-е* у личных местоимений в родительном падеже единственного числа: *у мене, у тебе* и др.

4. **Семантические диалектизмы** – это слова, имеющие иное значение, чем в литературном языке: у нас в селе тыкву называют по-разному: на одном краю тыква – это *гарбуз*, а на другом – это *кабак*, *хозяин* – муж, *хозяйка* – жена. (*Хозяйка, собери-ка на стол*).

5. **Фразеологические диалектизмы** – это устойчивые сочетания слов, встречающиеся только в говорах. *Завязать голову* – прекратить предпринимать что-либо, *байдыки бить* – ничего не делать, *губы копылить* – сердиться, *паморки, баки забивать* – морочить голову.

Диалектные слова села Успенка можно разделить по тематическим группам:

- земледелие: *озимь, зелёнка, мажара, ток, обжинки, межа, жито, грабить, скородить*;

- животноводство: *курка, гуска, шипун, телок, пидсвынок, тырло, сидало* (насед) *квочка*;

- постройки: *хата, катух, баз, загон, ветряк, горище*;

- предметы домашнего обихода:

а) домашняя утварь, посуда: *цеберка, серники, крынка, глечик, бидончик, макитра, чаплия* (шумовка), *чалба* (половник);

б) еда и продукты: *сюрпа, каймак, тюря, затирка, круглык, крутэнык, синенькие, печеня, кондёр, блинцы, кулиш, молозиво, галушки, сальтисон*;

в) одежда: *куфайка, полушалок, шубейка, завеска, плюшка* – женская зимняя выходная куртка из плюша, *поддевка* – мужской жилет, пиджак, *подшальник* – платок яркой расцветки;

г) обувь: *чирики, чуники, катанки* – валенки;

д) мебель, убранство дома: *быльца, поставчик, табаретка, образа, запонки*;

е) предметы и явления окружающей природы и действительности: *шихан, круча, балка, ставок, яма* (глубокое место на реке), *мелина, наледь, большак, лунка*.

Следует отметить, что кроме слов, называющих различные предметы, явления, в говорах селян много непередметной лексики, обозначающей общие для всех носителей языка понятия: глаголы, прилагательные, наречия, служебные слова. Например, глаголы: *балакать, гутарить, балабонить, запинать, сёрбать, шкандыбать*,

утираться, банить; наречия: задарма, халявно; прилагательные: брюзлый, кипельный, башковитый.

В беседах со старожилками села были выявлены особенности, которые почти отсутствуют в разговорной речи школьников и жителей моложе 50 лет. Их можно классифицировать следующим образом:

Фонетические особенности.

1. На местах безударных и ударных гласных [и] часто звучит [ы].

Свинья – св[ы]/ня, принеси – прын[ы]/сы, забори – заб[ы]/ры, ловишь – лов[ы]/шь,

2. Нарушение норм литературного языка наблюдается и в области ударения:

а) у существительных: магазИн – магаЗин, каталОг – катАлог, цепОчка – цЕпочка.

б) у глаголов прошедшего времени женского рода ударение с окончания переходит на корень: спалА – спАла, бралА – брАла.

3. Нарушение в употреблении чередующихся согласных в корне слова: лягу – ля[ж]у; беги – бе[ж]и, побежала – побе[г]ла, прослушала – прослу[х]ала, уши – у[х]и.

4. Выпадение звука [j]: свиньям – св[ы]/ням.

5. Произношение фарингального фрикативного звука г[h] в отличие от смычного взрывного г[g]: говорил, город, град.

6. Гласные звуки характеризуются большей длительностью звучания, что придает речи своеобразную плавность.

7. Замена одних глухих согласных другими согласными: кто – [x]то, что – [ш]о.

Морфологические особенности

Глагол.

1. Употребление возвратного суффикса -ся в невозвратных глаголах: пойду управлять (пораться), надо стираться, надо обратиться в доме, дети играют.

2. Глаголы 3-го лица настоящего времени потеряли в окончании [т]: иде, цвите, живее, хоче, руками махае, сама мое. Ряд таких явлений объясняется интерференцией, то есть перенесением особенностей произношения из одного языка (украинского) в другой (русский).

3. Вместо глагола повелительного наклонения *посмотри* используется усеченный вариант глагола *гляди*, звучащий как *гля*.

Имя существительное

1. У существительных на -мя отсутствует при склонении суффикс -ен-: [Скол' щ'ас вр'эм'а?], [дай с'эм'а].

2. Вместо нулевого окончания у существительного множественного числа родительного падежа *кур* появляется окончание -ей: у курей.

3. Многие существительные отличаются от общеупотребительных своим морфемным составом: *воротина*, *лодарька* (ленивая).

Местоимение

1. Личные местоимения 3-го лица произносятся так: он – [вин].

2. Вместо местоимения *их* используется украинский вариант *ихний*: Это ихняя дочь?

3. Вместо вопросительного местоимения *что* употребляется форма [шо].

4. Местоимение *отсюда* произносят [атседа] или [атседава], это – [е]то.

Активно используется вводное слово *кажись*: *кажись, буде гроза*.

Предлог *вместо* заменяется просторечным вариантом *заместо*: *сходи заместо меня в магазин*.

Синтаксические особенности

Различные синтаксические особенности диалектной речи жителей Успенки связаны с употреблением в предложениях служебных слов, со способом построения словосочетаний:

а) вместо вопросительной частицы *ли* употребляется частица *чи*: *чи правда, чи нет*, что тоже относится к интерферентным явлениям языка;

б) вместо усилительной частицы *даже* используется частица *аж*: *аж больно стало*.

При появлении у общеупотребительных слов словообразовательных морфем, нехарактерных для литературной нормы, слово приобретает новое лексическое значение и становится понятным только местным жителям, то есть переходит в разряд диалектных слов [5, с. 23.]. Вот примеры: кутята – *кутенята*; котята – *кошенята*, первое – нормативное, а второе – регионально-диалектное по специфическому суффиксу.

В селе Успенка всё меньше остаётся людей, которые в своей речи пользуются диалектными словами. Этот факт подтверждают следующие данные: 90% жителей в возрасте от 70 до 90 лет используют в своей речи диалектные слова, а среди учащихся школы таких информантов всего лишь 3%. Именно поэтому нужно проводить подобные исследования, осуществлять мероприятия по их инвентаризации и изучению. «Диалектное слово в активном употреблении может просуществовать много веков, но как только оно перестает быть нужным в повседневном общении, оно, будучи никем не зарегистрированным, обречено на полное исчезновение: его помнят обычно одно-два поколения, а затем оно исчезает из памяти народной и, следовательно, язык его теряет навсегда» [8, с. 9].

В результате проведенных исследований речи жителей села Успенка было опрошено 48 старожилов села. В ходе бесед записаны диалектные слова и выражения, выявлены особенности их значения и произношения, а также специфика употребления. Диалектные слова в говоре села были объединены в тематические группы, внутри этих больших групп выделены частные, конкретные подгруппы. Составлен словарь диалектных слов жителей села Успенка. Работа в этом направлении будет продолжена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бромлей С.В. Русская диалектология / Булатова Л.В., Гецова О.Ц. и др.; Под ред. Л.Л.Касаткина. – М.: Академия, 2005. – 175 с.
2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке / Н.С. Валгина, – М.: Логос, 2003. – 304 с.
3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2-х томах / Т.Ф. Ефремова – М.: Русский язык, 2000. – 1209 с.
4. Зварыкина И.С. К вопросу о соотношении диалектного и регионального в русском языке (на примере лексики Астраханского края) / И.С. Зварыкина. – Гуманитарные исследования, 2013, № 2 (46). – С. 30–36.
5. Иваницкая Е. Н. Русская диалектология / Е.Н. Иваницкая. – М.: Академия, 2013. – 128 с.
6. Кадоло Т.А. Региональная лексика как проявление поликультурности / Т.А. Кадоло // Язык и культура, 2011, № 2 (14). – С. 22–28.
7. Костыря И. Думы о Донбассе / И. Костыря. – Донецк: ЧП «ЦСО», 2007. – 478 с.

8. Мельниченко Г.Г. О принципах составления областных словарей / Г.Г. Мельниченко // Ученые записки Ярославского педагогического института. Вып. 27 (37). – Ярославль, 1957. – С.10–14.
9. Метрическая книга Успенской церкви слободы Успенской за 1861–1864гг. – 254 с.
10. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. / С.И. Ожегов. – М.: Мир и Образование. Оникс, 2011. – 736 с.
11. Успенский Л. Слово о словах / Л.Успенский. – Ленинград.: Детская литература, 1971. – 45 с.
12. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка / Д.Н.Ушаков. – М.: Альта-Принт, 2005. – 121с.
13. Щерба Л.В. Современный русский литературный язык / Л. В. Щерба // Избранные работы по русскому языку. – М. 1957. – С. 110–129.

N.P. Kurmakaeva, A. V. Nosova

CULTURAL AND LANGUAGE FEATURES IN EVERYDAY COMMUNICATION THE RESIDENTS THE VILLAGE OF USPENKA AMVROSIEVSKY DISTRICT

In this article undertakes an attempt to describe and systematize properties of living everyday speech population of village Uspenka Amvrosievskiy district , as purposefully researchers never engaged with local dialects. The attention is paid to lexical, phonetical and grammatical inconsistencies to the literary language. The results of this research has become compilation the dictionary of the dialect words population of village Uspenka Amvrosievskiy district.

Key words: cultural and linguistic specificity, dialect, dialectics, interference.

УДК 81:398.54

В. М. Статилко

*ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Научн. рук. канд.филол.н., доц. А. Н. Стебунова)*

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О «СЧАСТЬЕ» И «НЕСЧАСТЬЕ» В РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ

В статье рассматриваются представления о счастье и несчастье в русской национальной традиции. Раскрываются основные национально-культурные и психологические особенности анализируемых концептов. Выделяются объективные и субъективные факторы для счастья и несчастья. В ходе исследования приходим к выводу, что человек может быстро переходить из состояния счастья в состояние несчастья, однако отсутствие одного состояния не указывает на наличие другого.

Ключевые слова: представление, счастье, несчастье, русская национальная традиция.

Учёные во всех странах и культурах всегда пытались ответить на вопрос, что делает людей счастливыми или несчастными в их жизни. Эта проблема человечества рассматривается в философских трудах и в народном творчестве: сказках, легендах, поговорках, пословицах, афоризмах.

В 60-х годах XX века замечается увеличение интереса к этому вопросу. Он был связан с проведением (особенно в американской науке) социально-психологических исследований всевозможных аспектов счастья и удовлетворённости жизнью. Отличительная черта этих исследований – их эмпирическая направленность. Акцент делался на психодиагностике и измерении счастья и удовлетворённости жизнью, на выявлении их корреляций с другими характеристиками и параметрами личности. В результате этих изучений был получен материал, который позволил проследить общие тенденции и закономерности, а также отдельные особенности параметров счастья и удовлетворённости жизнью в разных странах и культурах [4, с. 472].

В нашей работе рассматривается проблема счастья и несчастья в аспекте русской культуры, во взаимоотношении с духовными традициями и национально-психологическими особенностями русского народа. Это позволит показать наиболее типичные национально-культурные и психологические особенности изучаемых концептов.

Традиционная для русского сознания моральность, поиск духовного смысла человеческой жизни показывает себя и в отношении счастья-несчастья. Этическая проблематика счастья и несчастья активно изучалась в древнегреческой, а затем в европейской философии.

Проблема морально-этической правомерности счастья и нравственно очищающее, искупительное значение, которое придаётся страданию и несчастью остаётся специфической особенностью системы представлений о счастье и несчастье в русском национально-культурном самосознании.

Из числа объектно ориентированных моделей отличается преимущественно концепция противоположности, согласно которой счастье с необходимостью предваряется несчастьем, горем, печалью, утратами: «Поверь, мой друг, страданье нужно нам; / Не испытай его, нельзя понять и счастья.» (Баратынский) [1, с. 47].

Из субъектно ориентированных моделей здесь присутствует концепция бессознательности счастья, утверждающая, что пока человек счастлив, он об этом не задумывается, а если уж задумался, то со счастьем у него что-то по меньшей мере не в порядке, поскольку «все несчастные о счастье говорят» (Карамзин) [1, с. 48].

На разъяснение понятий счастья и несчастья накладывают отпечаток традиции и обычаи, ментальные характеристики того или другого народа. Проблематика счастья и несчастья несёт на себе отпечаток времён и эпох.

В Европе идею «счастья» «обнаружили» лишь в XI веке. Только в конце XV века слово счастье возникает в русских текстах в значении, близком к понятию «участия». Счастье понималось как участие в деле, которое спорится, т.е. удачно совершается (спорина – успех).

У каждого человека разное представление о счастье. Более обобщённое определение этого понятия такое: «Счастье – это удовлетворение собственной жизнью, его осмысление, получение удовольствия от достигнутых желаний и целей» [2, с. 98].

Счастье является многогранным понятием, отражающим культурные, психологические, экономические, социальные доминанты, господствующие или преобладающие в каждом конкретном сообществе. По сути дела, по актуальности, значительности, существенности, необходимости процесс определения и поиска

счастья, его обретения является постоянно новым и востребованным в каждом новом поколении, в любом этносе, для каждой личности, независимо от её происхождения и жизненных ориентиров [3, с. 25].

Счастье – это преимущественно состояние души, зависящее в значительной мере от жизненных предписаний и ожиданий человека: «В глуши лесов счастлив один, / Другой страдает на престоле» (Баратынский) [1, с. 50].

Счастье – это необычное психофизиологическое состояние, это мироощущение личности, тот внутренний духовный мир, в котором она обитает, характеризующийся радостью жизни, гармонией чувств и мыслей, благополучием и чувством удовлетворённости от прожитого, сделанного, сказанного.

«Счастье – покой равновесия, но гармония равновесия возможна только в отношениях с другими людьми, и не только близкими». Так у Достоевского основана формулировка русской идеи [3, с. 25].

Благополучие может быть, как личным, так и материальным, но счастье является духовным взлётом в участии всех, причастных делу. И это – объединение всех в общем участии предыдущего опыта с памятью о нём. Неуверенность в личном счастье разъясняется тем, что «счастье, как его обыкновенно понимают люди, не может быть прочным уже потому, что фундаментом ему служит или случай, или произвол, а не закон, не нравственное начало» (Н.С. Лесков), а нравственное начало в русской ментальности вообще определяет всё [2, с. 100].

Счастье есть переживание совместной участности, поэтому радость и веселье нераздельны тоже, личная радость осветляет совместное веселье. Субъективное волнение вмещается в объективно данное, вечно представленное праздничным разгулом, весельем окружающих. Радость, по мнению многих, есть некий отпечаток волшебного поведения, обладающего целью вызвать желаемое в мгновенном его единстве, взбодрить замершее, возратить ему единство утраченного лика. Совершить доброе дело, потому что «быть счастливым есть быть добрым» (Н.М. Карамзин) [2, с. 106].

Счастье постоянно внутри человека, оно в его душе, поэтому русская традиция отрицает отождествление счастья с внешними условиями, часто материального характера, столь распространённые в западной культуре. Счастье, в понимании русского человека, изначально нельзя определить комплексом экономических и социальных мер, как например: хорошо оплачиваемая работа, вероятность карьерного роста, оптимальное положение в общественных структурах. Тем не менее, в нынешний период картина немного изменяется, в особенности в крупных городах, но менталитет остаётся неизменным. Здесь на первый план выходят скорее философские константы: красота, творческий потенциал (о наличии которого всё чаще говорят сегодня), широта души, постоянный нравственный поиск [3, с. 26].

Человек может попросту испытывать радость от своего простого существования, но не ощущать счастье, поскольку оно является формой реалистичной и натуралистической форме переживания бытия и ощущения. Счастье – это состояние удовлетворённости своим бытием и жизнью. Для того чтобы достигнуть этого не нужно обладать успехом в сферах жизнедеятельности человека, в обществе. Значительным является достижение в чём-то главном и определяющем.

В русской национальной традиции рассматривается «простое человеческое счастье» как возможность и способность наслаждаться общедоступными «нормативными» благами: здоровьем, природой – всем тем, что у нас всегда под рукой и чего мы не замечаем и не ценим, пока оно у нас есть: «О счастье мы всегда лишь

вспоминаем. / А счастье всюду. Может быть, оно / Вот этот сад осенний за сараем / И чистый воздух, льющийся в окно» (Бунин) [1, с. 52].

Моделью, ориентированной на субъект оценки, является стоическая концепция счастья, в соответствии с которой единственным и самым верным источником счастья является добродетель, а благо заключено в душе человека, который может быть счастливым в любых условиях, произведя правильный моральный выбор – счастлив тот, кто не сдаётся в борьбе со злом, поскольку в поступках значимо не достижение цели, а сам моральный характер действия и отношения к миру [1, с. 52].

В моменты счастья человек по-другому воспринимает окружающий мир. Существует две группы факторов счастья: субъективные, которые формирует сам человек, и объективные, которые не зависят от его воли. Субъективные факторы – это человеческие взгляды, его увлечения и интересы. Объективные – это природные условия, здоровье человека, внешний вид, темперамент. Также счастье зависит от культурных особенностей, обычаев, традиций.

Моральная практика даёт такие представления о счастье: для одних – это увлекательная работа, продвижение по службе, материальный достаток, слава – этому они отдают всю свою жизнь, для других – это семья, общение с любимым человеком.

За счастье человек может принять сам способ его достижения. отождествление этих понятий может натолкнуть на размышление о недостижимости счастья.

Счастье часто сопоставляют со смыслом жизни. Практически каждый человек видит в счастье безграничную цель своих усилий. Но не всегда смысл жизни связывается со счастьем.

Способность человека ощущать чувство счастья и характер этого переживания зависят как от его миропонимания (идеалов, понимания смысла жизни, назначения человека), так и от многих других субъективных факторов (темперамента, характера, жизненного опыта, способностей, которые он может реализовать). Люди весёлого нрава иначе воспринимают свою жизнь, чем пессимистические. Это относится к уязвимым и невозмутимым натурам. Завышенные амбиции и неспособность их осуществить порождают недовольство собой. Не является полезной и заниженная самооценка.

Счастье для человека может быть целью или результатом. Это может быть следствие непонимания настоящего с видимым счастьем, они связаны с достижением цели. Эти представления сопровождаются переживаниями предчувствия счастья, оно воздействует на достижение жизненных целей и побуждает человека к деятельности. Само счастье, как итог этой деятельности, может делать человека бездеятельным на определённое время. Человек, который будет ориентирован на общечеловеческие ценности может быть счастливым. Одним из значительных условий счастья является самореализация личности. У каждого есть свои жизненные планы, которые индивид хочет осуществить в своей деятельности, поэтому счастье каждого человека есть индивидуальное и неповторимое.

Счастье воспринимается не само по себе, не как отдельный и самодостаточный факт или сторона жизни, не как единственная, конечная цель действий, а в соотношении и через призму альтернативных форм – страдания и несчастья. Более того, все допустимые радостно-счастливые состояния земной человеческой жизни отходят на вторые позиции, уступая первенство в этой цепочке понятий несчастью и связанным с ним волнениям. Собственно такая последовательность и соотношение между счастьем и несчастьем просматриваются в большинстве русских народных пословиц и поговорок. Например: «Бояться несчастья – и счастья не видеть», «Не

бывать бы счастьем, да несчастье помогло», «Кто нужды не ведал, и счастья не знает», «Где горе, там и радость» и др. [1, с. 49].

Секрет русского счастья прост: «Счастье нельзя поймать. Счастье приходит само» (Иван Ильин), причём «счастье одного не может увеличиваться, если в то же время не уменьшается счастье другого» (Александр Потебня). Да и в конце концов, спрашивал еще Пётр Чаадаев, «счастье частное не заключено ли в счастье общем?» [2, с. 103].

В русской языковой картине мира тема счастья непосредственно объединена с темой любви. А. Зализняк отмечает, что счастье является «целью» любви; Ю. Д. Апресян пишет, что идеальная любовь способна «дать человеку ощущение счастья» [5, с. 175].

Оно не зависит от собственных стремлений и заслуг человека, например: «Дуракам счастье», «Счастье придёт, и на печи найдёт», «Счастье вольная пташка: где захотела, там и села». Надеяться на счастье в традиционной русской картине мира близко к тому, чтобы рассчитывать на авось, и похоже расчёт на авось может оцениваться невысоко. Например: «Счастье дороже ума», «Счастье дороже богатства», «Не родись красивым, а родись счастливым», «Сегодня счастье, завтра счастье – помилуй Бог, а ум-то где?», «Счастье везёт дураку, а умному Бог дал», «Счастье без ума – дырявая сума (что найдешь, и то потеряешь)», «Счастье что волк: обманет да в лес уйдёт», «Счастьем не верь, а беды не пугайся» [5, с. 176].

Немецкий философ Иммануил Кант отмечает, что «для счастья невозможно никакое требование, которое приписывало бы делать то, что делает счастливым» [3, с. 25]. Часто в подобных рассуждениях речь идёт не о счастье как проявление нравственного сознания, а об объективном следствии, т. е. о том, что делает человека счастливым. При этом в поле зрения располагаются не виды человеческой деятельности, не свершения, которые доставляют человеку счастье, а то, что связывает все свершения. Наиболее полно это воплощено в словах Л. Толстого: «Счастье есть ощущение полноты физических и духовных сил в их общественном применении» [5, с. 177]. На самом деле, счастливым может быть человек, поведение и жизнедеятельность которого ориентированы на общечеловеческие ценности. Обязательным условием счастья является и самореализация личности. Поскольку жизненные планы людей значительно различаются, каждый пытается самореализоваться в сфере своей жизнедеятельности, то счастье каждого человека индивидуально неповторимое.

Устремление к счастью может иметь в виду необходимость счастья как всеобщего, безусловного блага. И в этом месте обнаруживается нравственная составляющая – неуместность личного счастья в обстоятельствах, когда другие люди несчастны, а также способность души разделять несчастье других.

В русском православии сосредоточивается интерес на духовно-нравственных основаниях перехода от несчастья и страдания к счастью: страдание воплощает подлинность человеческого бытия, истинность человеческой личности и право её на счастье. И.С. Тургенев отмечал: «Хочешь быть счастливым? Научись сперва страдать» [4, с. 475].

В системе жизненных ценностей русского народа страданию придаётся просветляющий, духовно возвышающий смысл; им определяется душевная отзывчивость человека. Именно чувство сострадания и сочувствия причисляется к наиболее выраженным чертам русского национального типа. Культ несчастных, страдающих и гонимых сохранил видимый след в русской культуре. Так, юродивых на Руси считали Божьими людьми, их почитали и боялись, наделяли их даром прорицания. По словам Ф.М. Достоевского, русская литература «должна страдать», т.е. сопереживать страждущим.

Сострадание в русском сознании связывается с сорадованием, с бескорыстным желанием сделать людей счастливыми. В.И. Даль отмечал, что «русский человек не может быть счастлив в одиночку, ему нужно участие окружающих, а без этого он не будет счастлив».

В рамках русского менталитета важной и актуальной оказывается проблема счастья и вины, проблема морального права быть счастливым.

В представлениях о счастье обнаруживается еще одна характерная русская черта – противоречивость, двойственность, способность русского характера объединять противоположное, его направленность к крайнему и предельному, а с другой стороны, возможность быть удовлетворённым малым. Счастье может осознаваться как «простое человеческое», как возможность наслаждаться общедоступными благами.

С определённой долей уверенности можно заявлять о благожелательном отношении русского человека к несчастью. Это связано с осмыслением несчастья не только как удара судьбы, которого невозможно избежать, но и как жизненного испытания и связанного с ним духовно-нравственного страдания, которое нужно достойно выдержать, т.к. собственно через страдание человек проходит путь внутреннего очищения и становится ближе к Богу и людям [4, с. 492].

Несчастье – это негативный поворот событий в судьбе, или чёрная полоса в жизни. У каждого своё представление о несчастье.

Толерантное отношение русского человека к несчастью обуславливало и, в свою очередь, обуславливалось тем существенным смыслом, который постоянно был преобладающим в суждениях нашего народа о счастье-несчастье и остаётся, по существу, таким и сегодня. Это значение связывается, преимущественно, и главным образом с уяснением несчастья как удара судьбы, как проявление беды, от которой никто не застрахован, поэтому трудно представить, чтобы в русском народе с его менталитетом мог возникнуть и стать известным, как среди североамериканцев, афоризм «Если ты умный, то почему бедный?», на который любят сегодня сослаться и наши разбогатевшие граждане.

Сам термин «счастье» в русском языке происходит от корня «часть», т. е. удел, судьба. Таким образом, несчастье – это не удел, не судьба. Тем не менее одновременно просматриваются и некоторые отличия между этими понятиями. В частности, если достижение счастья всё же связывается с определёнными стремлениями и заслугами самого человека, то в несчастье эта личностная компонента как правило сводится до минимума.

Разумеется, что доброжелательно-сочувственная тональность русского сознания к несчастью установила и присущую для русских людей откровенность в отношении к своим бедам и страданиям, которые как правило не скрываются от других. Русским людям свойственна привычка «поведать» о своих несчастьях, рассказать о своём горе или постигшей беде, не сомневаясь при этом, что их поймут, искренне утешат и помогут, чем смогут. Данным они отличаются от некоторых других народов, в культуре и традициях которых существует поверье, что говорить о несчастье не следует: можешь привлечь и накликать новую беду.

Говоря о счастье и несчастье, не следует приписывать исключительную роль несчастью, поскольку, как писал А. С. Пушкин, «несчастье – хорошая школа, то счастье – лучший университет. Оно довершает воспитание души, способной к добруму и прекрасному» [4, с. 550]. Переход от несчастья к счастью представляется закономерным с точки зрения особенностей человеческой психики. Даже в самых трудных жизненных обстоятельствах человеку характерно скорее полагаться на лучшее, чем ждать несчастливого исхода. Надежда эта сформирована на вере человека.

Это может быть вера в судьбу, удачу, в людей, в Бога, в чудо. Исследователи отмечают, что аналогичного рода вера и надежда на чудо, а также мечта об успешном и счастливом будущем в соединении с поиском смысла жизни является характерной чертой русского сознания.

Таким образом, психологическая специфика счастья и не счастья состоит в хрупкости счастья и сложности перехода из состояния несчастья в состояние счастья. Отсутствие одного из этих состояний не указывает на наличие другого. В основе психологической природы счастья находятся объективные и субъективные факторы, которые чаще всего не совпадают для счастья и несчастья. Между напряжённостью переживания счастья и несчастья наблюдается прямая связь. Восприятие счастья и несчастья во многом определяется комплексом личностно-психологических свойств человека.

Присущая для русского сознания моральность находить себя в отношении счастья и несчастья, что разрешает причислить представления о счастье и несчастье к категории высокого. Центральное место занимает проблема моральной правомерности собственного счастья и нравственно очищающий, искупительный смысл, который придаётся страданию и несчастью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воркачев, С. Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты / С. Г. Воркачев // Известия РАН. Серия лит-ры и языка. – 2001. – Т. 60, № 6. – С. 47-58.
2. Колесов, В. В. «Судьба» и «счастье» в русской ментальности / В. В. Колесов // Серия «Мыслители», Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий. : Санкт-Петербургское философское общество. – 2002. – Выпуск 11. – С. 98-106.
3. Лапухина, М. В. Трактование счастья в русской культурной традиции / М. В. Лапухина // Аналитика культурологии. – 2004. – Выпуск 2. – С. 25-26.
4. Потебня А. А. О доле и сродных с нею существах // Слово и миф / А. А. Потебня. – М., 1989. – С.472-551.
5. Шмелев, А. Д. Русская языковая модель мира : материалы к словарю. / А. Д. Шмелев – М. : Языки славянской культуры, 2002. – С. 175-180.

V. M. Statilko

OPINIONS ABOUT «HAPPINESS» AND «UNHAPPINESS» IN THE RUSSIAN NATIONAL TRADITION

The article discusses opinions of happiness and misfortune in the Russian national tradition. The main national-cultural and psychological features of the analyzed concepts are revealed. Objective and subjective factors are singled out for happiness and unhappiness. We come to the conclusion that a person can quickly move from a state of happiness to a state of unhappiness, but the absence of one state does not indicate the existence of another.

Key words: *opinions, happiness, unhappiness, the Russian national tradition.*

ОБОГАЩЕНИЕ СЛОВАРЯ УЧАЩИХСЯ ЦЕННОСТНЫМИ ПОНЯТИЯМИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются понятия «коммуникативная компетенция», «активизация речетворческой деятельности», «концепт» применительно к обучению русскому языку. Приводится система упражнений, направленная на активизацию речетворческой деятельности учащихся при работе над концептом «подвиг» с опорой на тексты патриотической тематики.

Ключевые слова: русский язык, методика преподавания, текст, принципы обучения, коммуникативная компетенция, концепт.

Современная лингвометодика опирается на концептный подход в обогащении лексикона учащихся ценностными понятиями культуры. Это обусловлено утверждением аксиологической парадигмы в обучении русскому родному языку. В настоящее время формирование коммуникативной компетенции учащихся является важной задачей для учителей русского языка и литературы в школе: «Методика преподавания русского языка второго десятилетия XXI века вновь приобретает коммуникативную направленность, что объясняется введением Федеральных государственных образовательных стандартов общего образования, декларирующих системно-деятельностный подход и коммуникативность как основы современного школьного образования» [5, с. 16]. Для решения этой задачи важно опираться на методическую теорию речевого развития, разработанную проф. Е.В. Архиповой, поскольку эта методологическая база имеет в своей основе закономерности усвоения родной речи [2].

Важнейшими принципами работы по обогащению лексикона учащихся ценностными понятиями (концептами) являются: системный подход к обучению русскому языку [4], а также основные принципы обучения русскому языку и речевого развития личности: «коммуникативный и когнитивный принципы, социокультурный, принцип градуальности, единства изучения языка и обучения речи, единства и целостности формирования лексико-грамматического строя речи, моделирования с опорой на модели языка и алгоритмы речи, сопоставления и дифференциации» [5, с. 18]. Опираясь на классификацию упражнений в рамках теории речевого развития, а также на вышеперечисленные принципы, мы разработали систему упражнений по обогащению лексикона ценностными понятиями русской культуры, направленную на активизацию речетворческой деятельности учащихся.

Понятие «активизация речетворческой деятельности» (по Е.В. Архиповой) трактуется как целенаправленная «деятельность учителя-словесника по отбору и использованию таких методов, средств и форм обучения, которые стимулируют у обучающихся стремление к речевому творчеству, активному созданию собственных высказываний различной тематики, представляющей для них интерес» [3, с. 51]. Предполагается, что в ходе выполнения предложенных нами упражнений учащиеся будут сами давать определения выделенным словам, отвечать на вопросы, направленные на понимание текста, а в ходе заключительного этапа – напишут сочинение. Взяв за основу положение об «активной деятельности, направленной на

понимание чужой речи и даже на авторскую ее интерпретацию» [2, с. 51], мы разработали такие упражнения, которые нацелены на постижение учащимися концепта «подвиг» в произведении Б. Васильева «Скобелев, или Есть только миг».

Выбор произведения для реализации концепта «подвиг» был обусловлен прежде всего социокультурным принципом развития речи, согласно которому дидактический материал должен нести не только информацию, но и быть основой для приобщения учащихся к культуре и ценностям социума через текст. «Концепт — основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [8, с. 42], а лексемы, которые раскрывают концепт «подвиг», тоже в этом контексте становятся ценностными понятиями. «Как известно, языковая личность выражает себя через текст, с помощью языковых средств, которые, составляя в совокупности языковую картину мира человека, отражают его систему ценностей. Современная лингвистика характеризуется особой приверженностью к проблематике, обусловленной социокультурной функцией языка, а именно – функцией трансляции культуры» [1, с. 144-145]. Мы предлагаем в первую очередь произвести анализ текста для того, чтобы сформировать у учащихся систему ценностей и приобщить их к концепту «подвиг». Анализировать текст на уроках русского языка можно в разных направлениях: «от анализа языковых явлений - к смысловому, идейному содержанию текста; от анализа концептосферы текста - к языковым явлениям, позволившим воплотить автору его идейный замысел (в этом плане текст выступает как единица культуры); от концептуального анализа слова - к концептуальному анализу текста» [9, с. 223], исходя из этого, мы выбираем вид анализа «от слова к тексту». Такой анализ позволит обогатить словарь школьников ценностными понятиями русской культуры, научит понимать лексические значения слов, смысл текста, авторскую позицию, ценить слово, рассматривать его не как изолированную единицу, а как ключевую единицу, способную помочь проанализировать и понять текст. Опираясь на принцип градуальности, мы разработали для каждого этапа специальные упражнения.

Первый этап – диагностика необходимого минимума знаний, которым владеют учащиеся, для выявления концепта «подвиг». На этом этапе будет использоваться продуктивный метод обучения, ориентированный на словотворчество, определение по цитате, который поможет развить личностные представления школьников о подвиге и их творческие способности. Рассмотрим упражнения на материале Б. Васильева.

«Противник отступил, и около трех часов пополудни русские части вошли в первый болгарский город. Отряд капитана Фока вывели из боя последним. Все его солдаты были либо ранены, либо контужены и молча сидели на берегу возле своего командира в ожидании переправы. Здесь же санитары, переправившиеся со вторым эшелоном, и перевязывали их, а проходившие мимо свежие части замолкали, и офицеры вскидывали ладони к фуражкам, отдавая честь свершившим невозможное. Первая еда и первая винная порция, доставленные с того берега, были отданы им. Они молча выпили свои чарки и устало жевали хлеб.

– Сидите, все сидите! – поспешно сказал Драгомиров, подходя. – Земно кланяюсь вам, герои, и благодарю от всего сердца. Вашего подвига никогда не забудет Россия» [7, с. 358].

1. Как вы думаете, какие слова из текста можно отнести к патриотической, торжественной лексике? (*Честь, герои, подвиг.*)

2. «Что такое невозможное совершили солдаты?» (*Подвиг.*) Почему это слово можно считать самым главным в прочитанном вами отрывке?

3. Дайте свое определение слову «подвиг».

На этом этапе работы мы будем использовать три приема семантизации слова (по мнению проф. М.Т. Баранова, «семантизация – превращение незнакомого звукокомплекса в слово» [6, с. 245]): контекст, семантическое определение, подбор синонимов. Контекстом служит приведенный выше отрывок из романа Бориса Васильева «Скобелев, или Есть только миг». «Семантическое определение – это совместная работа учителя и учащихся, направленная на подбор и составление минимально развернутого толкования лексического значения слова «...» [6, с. 246]. Чтобы провести эту совместную работу, учителю необходимо задать наводящие вопросы: кто совершает подвиг? (Солдаты). Как Драгомиров называет солдат? (Герои). В каком виде предстают в произведении солдаты? (Уставшие, раненные, контуженные). Как реагируют на них офицеры из свежих воинских частей, проходящих мимо? (Офицеры отдают честь солдатам). Найдите контекстуальный синоним к слову «подвиг» в данном отрывке (подвиг – невозможное).

Второй этап – выделение ассоциативно-смыслового поля концепта «подвиг».

1. Прочитайте отрывки из романа Б.Л. Васильева «Скобелев: Есть только миг».

«– Кого можно назвать героем?

– Того, кого не потрясает взгляд красавицы» [7, с. 126].

«– Вы – герой Турции, а значит, и весьма почётный пленник» [7, с. 583].

1. *Выберите одно, наиболее важное слово. (Герой) Выберите те качества, которыми должен обладать герой. (Храбрость, мужество, отвага, доблесть, честь.)*

«– Вася, друг ты мой милый, герой Самарканда и Дуная! – Генерал ценил храбрость превыше всех человеческих качеств. – Дай я тебя расцелую!» [7, с. 281].

«Созданный Петром Великим русский офицерский корпус был уникальным по своему многонациональному составу. В этом корпусе, спаянном дружбой, обострённым чувством долга и кастовой честью, никто не интересовался, откуда родом офицер, – интересовались его мужеством и отвагой, доблестью и благородством» [7, с. 362-363].

«– Странно все же, – сказал после похорон поручик Ильин. – Чтоб Государь почтил своим присутствием отпевание не члена августейшей фамилии...

– Почтил! – с раздражением перебил полковник Озеров: он сбежал из госпиталя на похороны и маялся от боли в перебитой ятаганом руке. – Государь не Тюрберта почтил, а подвиг его. Высшая доблесть воина – сам сдохни, а товарища выручи...» [7, с. 500].

«– Что такое честь, думали когда-нибудь?

– Честь неотделима от родины, капитан» [7, с. 539].

Как называется поступок, который совершает герой? (Подвиг.)

«– Полковник Скобелев представлен к ордену Святого Георгия, Ваше Величество.

– Мы запомним сего Георгиевского кавалера, граф. А пока подождём его следующего подвига.

Это была единственная награда Скобелева: за труднейший поход Киндерлиндского отряда он ничего не получил – кроме звания полковника» [7, с. 196-197].

Какой контекстуальный синоним к слову «подвиг» мы можем подобрать из текста? (Геройство).

«– Это знают в России, в Болгарии, в Турции, да и во всей Европе, сын. Ты похож на своего безрукого деда Ивана Никитича, геройство которого привело в восхищение» [7, с. 749].

Ради чего герой совершает подвиг? (Русские войска борются ради победы).

«Русские войска дружно бросились в атаку, артиллерия громила мосты, где турецкие солдаты кулаками и оружием прокладывали себе путь сквозь встречные колонны, ломая перила, сбрасывая в воду людей, повозки, орудия...

– Победа, – с огромным облегчением вздохнул Струков. – Это победа, Иван Степанович» [7, с. 573].

2. *Дайте определение слову «герой».*

На втором этапе работы предлагается использовать три приема семантизации слова: контекст - текст романа Б.Л. Васильева «Скобелев, или Есть только миг», семантическое определение (учащиеся смогут дать определения после ответов на вопросы, приведенные выше), подбор синонимов.

3. *Кто в романе Б. Васильева совершает подвиги? (Солдаты, офицеры, генерал Скобелев).*

Третий этап - активная, самостоятельная работа учащихся над концептуальным содержанием текстов о подвигах. Такой вид деятельности включает поисково-исследовательский этап, позволяющий накопить информацию.

1. *Выпишите слово «подвиг» и все слова, связанные с ним.*

Кто совершает подвиг? (Герой)

Какими качествами, по мнению Б. Васильева, должен обладать этот человек? (Отвага, храбрость, доблесть, честь)

Ради чего совершается подвиг? (Победа)

2. *Найдите определения слову «подвиг» в словарях, выпишите их.*

3. *Вспомните высказывания великих людей, поговорки, о подвиге, поделитесь ими с классом.*

В ходе этой работы ученики могут сравнить свои определения, авторские определения и определения, данные в толковых словарях. Используются такие приемы: образование тематический рядов (в один ряд объединяются слова, которые обозначают качества героя), работа с толковым словарем.

Четвертый этап - работа над сочинением-рассуждением на тему: «Подвиг и героизм русских солдат и офицеров в романе Б.Л. Васильева «Скобелев, или Есть только миг». Это итоговая работа, которая должна объединить все ранее данные определения учащихся в единое, целостное смысловое понятие. В сочинении-рассуждении школьники должны рассказать о том, что такое подвиг и героизм, как эти понятия раскрыты автором.

Пятый этап – беседа о выполненных упражнениях, представление и обсуждение сочинений, рефлексия

Мы представили систему упражнений, направленную на активизацию речетворческой деятельности учащихся при работе над концептом «подвиг» с опорой на тексты патриотической тематики. Выбранный концепт в ходе анализа текста раскрывается «от слова к тексту». В результате специальной работы, выстроенной по принципу градуальности, от этапа к этапу, учащиеся овладевают ценностными понятиями русской культуры через приобщение к родному слову.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипова Е.В. Изучение концептосферы трудов академика И.И. Срезневского на занятиях по русскому языку/ Архипова Е.В. // Психолого-педагогический поиск. - 2015. - №3 (35). – С. 144-149.

2. Архипова Е. В. Основы методики развития речи учащихся: учебник и практикум для вузов / Е. В. Архипова. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: Издательство Юрайт, 2017. - 202 с.

3. Архипова Е.В. О проблеме активизации речетворческой деятельности учащихся на уроках русского языка/ Архипова Е.В. // Русская речевая культура: теория и практика филологического образования в школе и вузе.- Иваново. 2017. – С, 51-56.
4. Архипова Е.В. Системный подход к обучению языку и методическая система речевого развития школьников // Русский язык в школе. - 2005. - № 4. - С. 3-11.
5. Архипова Е.В. Принципы речевого развития личности в аспекте преемственности и перспективности языкового образования // Современные тенденции в развитии методики преподавания русского языка: Коллективная монография.- М.: Изд-во «Спутник+», 2017.-- С.15-22.
6. Методика преподавания русского языка в школ. Учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений/ Баранов М.Т., Ипполитова Н.А., Ладыженская Т.А., Львов М.Р; под ред. Баранова М.Т. — М.: Академия, 2001. — 368 с.
7. Васильев Б.Л. Скобелев, или Есть только миг/ Васильев Б.Л. - М.: Вече, 2004. – 213 с.
8. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. / Степанов Ю.С. - М.: Языки русской культуры, 1997. - 824 с.
9. Судакова Н. А Концептуальный анализ текста на уроке русского языка в старших классах /Судакова Н. А.// Вестник Томского государственного педагогического университета. – Томск, 2013. – С. 222-228.

M.S. Boiko

ENRICHING STUDENTS' VOCABULARY WITH VALUE CONCEPTS IN RUSSIAN LANGUAGE LESSONS

The article considers such concepts as "communicative competence", "activation of reticular activity", "concept" which are applied to the teaching of the Russian language. The system of exercises aimed to activate the student's activity in the rhetoric development with reference to the texts of patriotic themes is given.

Keywords: the Russian language, teaching methods, text, teaching principles, communicative competence, concept.

УДК 81

Н.Н.Шпильная, В.К.Чулюкова

*Алтайский государственный педагогический университет
(Научн. рук. д. филол.н., проф. Н.Н.Шпильная)*

МЕТОДИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ПИСЬМЕННО-РЕЧЕВЫХ СПОСОБНОСТЕЙ У УЧАЩИХСЯ 6-ГО КЛАССА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

В статье представлена методическая модель развития письменно-речевых способностей учащихся 6-х классов. Модель предполагает развитие письменно-речевых способностей в направлении от копиальных к оригинальным текстам. Формирование письменно-речевых способностей учащихся 6 классов включает в себя три этапа: подражание форме исходного текста, подражание жанровой модели текста и

создание собственного оригинального текста. Предлагаются упражнения, направленные на развитие письменно-речевых способностей учащихся 6 классов.

Ключевые слова: письменно-речевая способность, подражание, стилизация

Актуальным направлением школьного обучения русскому языку является развитие письменно-речевых способностей учащихся. Однако, анализ учебников по русскому языку, показывает, что развитие последних осуществляется за счет обучения таким жанрам, как сочинение, изложение и – изредка – эссе. При этом школьников, скорее, обучают написанию письменного текста по определенной модели, нежели развивают их письменно-речевые способности.

Объектом в данной статье является письменно-речевая способность учащихся 6 классов, а предметом исследования – методическая модель развития письменно-речевой способности учащихся 6 классов.

Цель работы – представить методическую модель развития письменно-речевой способности учащихся 6 классов. Под письменно-речевыми способностями в статье понимаются разновидности речевой способности, ориентированные на создание письменных, связных, речевых произведений носителей языка.

Не ставя перед собой цель – представить историю развития методических идей по формированию письменно-речевых способностей, мы остановимся только на тех работах, которые значимы для развития нашего тезиса о том, что формирование письменно-речевых способностей носителей языка может быть осуществлено в направлении от подражания авторской манере к подражанию жанровой модели текста и далее – к созданию собственных оригинальных речевых произведений.

Одним из первых в отечественной методике вопрос о развитии письменно-речевых способностей учащихся поставил в XIX веке Ф. И. Буслаев. Он полагал, что «учитель отечественного языка должен выучить детей правильно писать чужое и потом сочинять свое». В статье «Письменные упражнения» из книги «О преподавании отечественного языка» Ф. И. Буслаев все собственные письменные упражнения подводит к четырем статьям:

- 1) дается содержание вместе со словесным выражением оно, т.е. вместе с формой;
- 2) дается содержание, но во внешнем или во внутреннем воззрении на предмет, следовательно, без формы;
- 3) дается форма; найти содержание;
- 4) ни того, ни другого не дается; найти и форму, и содержание [1].

По мнению Ф. И. Буслаева, «учитель русского языка, ограничиваясь собственным своим предметом, мог бы подвести все письменные упражнения учеников к трем отделам: 1) к выражению, 2) расположению и 3) изобретению» [1].

Значимым для нас является мысль Ф. И. Буслаева о том, что развитие письменно-речевых способностей начинается с обучения написанию чужих текстов. И уже после этого можно переходить к обучению оригинальных письменных текстов. Несмотря на то, что эта мысль была высказана еще в XIX веке, она не получила в методической литературе развития. Школьные учебники – в частности, учебники по русскому языку за 6 класс, – ориентируют школьников на создание оригинальных письменно-речевых произведений (сочинений, эссе и пр.).

Более основательно к изучению письменно-речевых способностей подошел Н. Д. Голев, разработав совместно с коллективом преподавателей вузов и учителей г. Барнаула программу «Развитие письменно-речевых способностей детей на основе пропедевтического изучения текста».

«Программа представляет собой систему языкового обучения школьников. Ее ядром выступает новая технология развития речевых способностей учащихся школы на основе использования комплексного (системного) пропедевтического анализа текста, осуществляемого в разнообразных дидактических формах на уроках русского языка в 5-11 классах общеобразовательных школ» [2].

Ученый предлагает следующую последовательность в развитии письменноречевых навыков: «развитие способности продуцирования (синтеза) текстов движется в направлении от простых (механических) форм воспроизведения (например, переписывания, простого диктанта, диктанта с изменением текста) ко все более сложным (простым изложениям) и, наконец, к изложениям-сочинениям (как подражанию и продолжению изложенного текста) и изложениям на свободную тему с использованием тех или иных элементов воспроизводимого текста» [2].

На основе вышеупомянутых работ мы предлагаем следующую модель упражнений по развитию письменноречевых способностей. Предлагаемая нами модель состоит из трех этапов.

Первым этапом в развитии письменноречевых способностей является работа по подражанию форме. Основой этого этапа является прием стилизации. Цель — дать представление учащимся о манере авторского стиля написания того или иного текста. На этом этапе могут быть предложены следующие упражнения:

1. Дан текст, в котором пропущены некоторые слова. Учащимся необходимо восстановить первоначальный текст с помощью слов для справок. Необходимо отметить, что в состав слов для справок входят слова разные по стилю, ученики должны вставить именно то слово, которое бы подходило к тексту по стилю. Выделенные слова необходимо учителю убрать из текста.

Текст: 26 марта около Вычислительного центра Академгородка на высокой сосне был **обнаружен** кот. Вцепившись в макушку дерева, он раскачивался на 30-метровой высоте. На следующий день **попытки** спасателей забраться на дерево не принесли **успеха**. Ствол был скользкий, удавалось **преодолеть** лишь его половину. В четыре часа на место **прибыл** Игорь Анатольевич, **руководитель** кружка юных альпинистов с двумя помощниками, Алексеем и Дмитрием. Они **закрепили** страховку на середине ствола, и с ее помощью Алексей достиг вершины и снял испуганного кота, поместив его в рюкзак. В восемь часов под аплодисменты замерзших зрителей его отдали в добрые руки. Он провисел на холодном ветру не менее двух суток, но теперь ему нечего бояться.

Слова для справок: обнаружен, увиденный, найден, выставлен на показ, рывок, поползновение, попытка, ничего хорошего, достижение, успех, преодолеть, перебороть, превзойти, прибыл, пришел, прибежал, руководитель, главный, начальник, главнокомандующий, закрепили, прицепили, зафиксировали.

Такое задание позволяет ученикам усвоить основные черты стилей. Выбор стиля может варьироваться в зависимости от ситуации и темы урока.

2. Напишите продолжение «Все ученики с первого по одиннадцатый высыпают в коридор. И тут начинается такое...», соблюдая стиль.

3. Напишите сочинение-подражание на одну из басен И.Крылова (на выбор) «Ворона и лисица», «Стрекоза и муравей», «Квартет».

Выполняя данное упражнение, учащиеся увидят особенности авторского языка, выбор произведения дает большую свободу ученикам, они могут сами выбрать произведение, на которое будут опираться в зависимости от типа их личности, личных предпочтений. Этот тип упражнения относится к копиальному, так как ученики копируют стиль письма, манеру автора.

Далее необходимо усложнять способ написания эссе, сочинений, высказываний на определенную тему.

Второй этап – это этап на развитие письменно-речевых способностей за счет подражания жанровой модели текста. На этом этапе необходимо использовать задания на подражание канону жанра. Цель этого этапа — показать ученикам жанровые особенности текстов. На этом этапе ученикам могут быть предложены следующие задания (жанры и темы выбираются учителем самостоятельно):

1. Интересным видом стилизации на уроках русского языка является пародия на жанр объявления. В самом начале урока (урок-повторение), когда учащимся была названа тема урока, предлагается создать объявление, призывающее к изучению данной темы. Выполнение подобного задания развивает творческие, речевые способности учащихся. Напишите заметку в школьную газету в жанре объявления на тему: «Имя существительное». Тема и жанр могут быть изменены учителем в зависимости от способностей класса, ситуации на уроке. Данное упражнение включает в себя прием стилизации, но уже на этом этапе можно говорить о креативных формах написания определенного вида работ.

2. Напишите стихотворение-подражание по В.Маяковскому. Выполнение этого упражнения будет являться стилизацией на творчество и поэтический язык поэта. Позволит обогатить свой словарный запас лаконичными высказываниями, оригинальной формой подачи. Нужно помнить, что тексты В.Маяковского необходимо подбирать исходя из возраста учеников. Например, «Что такое хорошо, что такое плохо».

Третьим этапом обучения письменно-речевым способностям учеников является обучение написанию собственных оригинальных произведений. Наиболее сложным заданием для учащихся является создание собственного креативного сочинения или эссе. Поэтому этот тип упражнения следует включать в методику развития письменно-речевых способностей после тщательной подготовки, когда все учащиеся способны показать достойный уровень владения письменной речью, собственным стилем. Цель этого этапа – обучение созданию собственного самостоятельного, оригинального текста.

В качестве таких упражнений можно использовать следующие задания:

1. Напишите эссе на тему «Кем я хочу стать», «Мой сад», «История одной фотографии» (на выбор). Выбор темы учениками должен быть самостоятельным, так как каждый ученик сам способен выбрать, будет ли его текст описательным, повествовательным или рассуждением. Выбор темы также зависит от интереса темы для каждого ребенка, его настроения, душевного состояния, что играет большую роль в работоспособности обучающихся.

Таким образом, система упражнений представлена следующим образом: первый тип упражнений – стилевое подражание форме, он предполагает, что ученики будут копировать стилевое своеобразие некоего исходного текста; второй тип упражнений направлен на жанровое своеобразие, данный тип упражнений является гораздо обширнее предыдущего за счет количества жанров. Это позволяет показать учащимся разнородный языковой материал. Наиболее сложный тип упражнений — третий, предполагающий создание самостоятельных оригинальных произведений. Выполнение таких упражнений показывает, насколько письменно-речевые способности учеников развиты, позволяет оценить богатство словарного запаса, уровень владения средствами выразительности.

Исходя из этого, необходимо отметить важность приема стилизации в преподавании русского языка. Упражнения на развитие письменно-речевых

способностей путем подражания стилю, жанру ориентированы на развитие культуры письменной речи. Предложенная модель позволяет постепенно, с учетом способностей обучающихся развивать письменно-речевые способности, при этом преподаватель может видоизменять предложенные нами упражнения в условиях уровня знаний класса, темы урока.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буслаев, Ф.И. О преподавании отечественного языка / Сочинение Ф.И. Буслаева. Ч. 1-2. — М. : Унив. тип., 1844.
2. Голев Н.Д. Развитие письменно-речевых способностей детей на основе пропедевтического изучения текста. / Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Материалы конференции. — Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2002.

N.N. Shpilnaya, V.K. Chulyukova

METHODOLOGICAL MODEL OF DEVELOPMENT IN WRITING AND SPEECH ABILITIES OF STUDENTS OF THE 6-TH CLASS (PROBLEM STATEMENT)

The article presents a methodological model for the development of written language abilities of pupils of the 6th classes. The model involves the development of writing and verbal abilities in the direction from kopalnych to the original texts. The formation of writing and speech abilities of students 6 classes includes three stages: imitation of the form of the source text, the imitation of the genre of the model text creating original text.

Keywords: imitation, pastiche, written-verbal abilities..

УДК 82-83:811.161.1(477.6)

М. В. Балко

*ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы
при Главе Донецкой Народной Республики»*

ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ ДОНБАССА ДИАЛОГУ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ПРИНЦИПЫ, ДИДАКТИЧЕСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ

Статья посвящена анализу принципов и методов обучения студентов Донбасса диалогической форме речи. Основное внимание уделено индуктивному способу обучения диалогу, включающему докоммуникативные, условно-коммуникативные и коммуникативные упражнения. Подчёркнута целесообразность использования в качестве материала для практических заданий художественных текстов местных авторов, что способствует патриотическому воспитанию молодёжи.

Ключевые слова: диалог, интерактивное обучение, коммуникативные упражнения, Донбасс.

Обучение студентов Донбасса русскому языку характеризуется рядом особенностей, обусловленных несколькими факторами. Основными из них можно считать следующие: а) ярко выраженное русско-украинское двуязычие большинства носителей русского языка, поддерживаемое на государственном уровне (государственными являются два языка: русский и украинский); б) наличие немалого количества носителей других, кроме русского и украинского, языков (греческого, азербайджанского, армянского и т. д.); в) заметное влияние на речь носителей (в

частности студенчества) различных некодифицированных подсистем русского языка (диалектов, просторечия, жаргона, в том числе профессионального).

Ввиду обозначенной специфики региона обучение русскому языку студентов должно быть, на наш взгляд, интерактивным и учитывать два основных аспекта: 1) глубокое изучение и практическую отработку норм русского литературного языка; 2) ориентацию на формирование у обучаемых стойких коммуникативных навыков.

Интерактивное обучение справедливо признаётся одним из актуальных направлений современной дидактики (ср. труды В. Болотова, И. А. Зимней, Е. В. Коротаевой и др.) [2]. В то же время, несмотря на популярность этого подхода к организации педагогического процесса, термин «интерактивное обучение» трактуется учёными неоднозначно. Так, достаточно популярным является подход, согласно которому интерактивное обучение сводится к использованию в практике преподавания тех или иных дисциплин современных компьютерных технологий. На наш взгляд, такое понимание интерактивности не является корректным, поскольку сама этимология термина (*inter* – «взаимный», *act* – «действие») указывает на осуществление различных взаимодействий в процессе обучения (а в случае использования компьютерных программ образовательный процесс зачастую не имеет обратной связи).

Заслуживает доверия видение Н. Суворовой, подчёркивающей диалоговый характер интерактивного обучения [6], главным признаком которого является равноактивность сторон-участниц (педагога и всех студентов), предусматривающая инициативность, импровизацию любого из участников, а также творческое переосмысление изучаемой информации.

Интерактивность, сопровождающая человека на протяжении всей жизни в самых разных (как официальных, так и бытовых) ситуациях, реализуется, безусловно, в диалоге. Кажется бы, вести диалог на родном языке – что может быть проще? Но опыт показывает, что многие выпускники высших учебных заведений испытывают значительные затруднения в поддержании разговора (это проявляется, например, во время собеседования с целью трудоустройства). Обучение студентов диалогической речи, формирование у них умений и навыков вести диалог, формулировать вопросы, адекватно, содержательно и грамотно отвечать на заданные вопросы и т. п. должно занимать особое место в гуманитарной подготовке будущих представителей национальной интеллектуальной элиты.

Работа со студентами Донбасса по формированию навыков диалогической речи в общедидактическом плане мало чем будет отличаться от аналогичной работы со студентами других регионов (принципы, методы и формы работы будут во многом похожи). В то же время специфика Донбасса требует от преподавателей и студентов постоянного внимания к нормам русского литературного языка: обучение навыкам диалогической речи должно неизменно сопровождаться акцентом на нормативности тех или иных языковых средств, что, безусловно, будет способствовать преодолению просторечных и жаргонных явлений в речи студентов.

Диалог является господствующей формой коммуникации (ср., например, мнение М. М. Бахтина: «Вся жизнь языка в любой области его употребления пронизана диалогическими отношениями» [1, с. 205]). Подходов к толкованию диалога достаточно много, самым распространённым из которых является понимание его как цепи высказываний, порождаемых одно за другим в условиях непосредственного общения двух или нескольких лиц (А. А. Миролубов, И. В. Рахманова и др.), причём реплики связываются не только с помощью лексико-грамматических, но и ритмико-интонационных средств. Вместе с тем не следует забывать, что диалог как особенный коммуникативно-функциональный комплекс может состоять и из отдельных

высказываний, реакция на которые оформляется невербальными средствами. Диалог, будучи особенной формой речи, характеризуется ситуативностью, контекстуальностью, произвольностью и спонтанностью протекания.

Учебный диалог, безусловно, отличается от реального (ему свойственны заданность, определенность, регламентированность, что обусловлено целями самого образовательного процесса). Если в бытовом (а зачастую – и профессиональном) разговоре результат довольно сложно спрогнозировать, то в учебном диалоге педагог должен изначально запланировать результат (знания, представления, умения и т. д.), к которому он ведет обучаемых.

Целесообразно говорить о следующих функциях учебного диалога: а) информативной (путём отработки определённых элементов диалогической речи происходит изучение новой или закрепление уже рассмотренной информации); б) аналитической (создаются условия для проведения анализа изучаемого материала); в) корректирующей (происходит коррекция усвоенных знаний, приобретённых умений и навыков).

Основной единицей диалогической речи принято считать диалогическое единство (микродиалог), ситуативно связывающее две соседние реплики. Именно его целесообразно рассматривать в качестве лингвистической основы обучения диалогической речи.

В основе обучения диалогу должны лежать некоторые принципы, обусловленные его спецификой как особой формы речи, а именно:

1. Диалогическую речь, вопреки распространённому заблуждению, не следует рассматривать только как череду вопросов и ответов. Так, в диалоге

– *Мы с вами немолодые люди, мы отбросим политику в сторону. Для мастера нет политики, есть дело. Мы предлагаем вам дело, мастер.*

– *Я не мастер, – тихо ответил Тарас. – Я чёрный рабочий.*

– *А, хорошая шутка! Я понимаю. Шутка мастера.*

– *Я чёрный рабочий! – строго повторил Тарас (Б. Горбатов)*

нет ни одного вопроса. Реплики в диалогических единствах, как видим, могут связываться не только на основе модели «запрос – получение информации», поэтому при обучении диалогу следует рассматривать все возможные связи.

2. Диалогическая речь может содержать элементы экспрессивного синтаксиса (эллипсы, парцелляции, дислокации и др.), что обусловлено её ситуативностью и, следовательно, необязательностью строгого структурирования. Целесообразно, таким образом, обучение кратким ответам и вопросам. Например:

– *Куда?*

– *В школу.*

– *Дополнительные занятия? (У тебя дополнительные занятия?)*

– *Нет, субботник.*

3. Диалогическая речь богата разговорными клише типа: *Ну, ладно; Да, вы правы* и под., которые усиливают её эмоциональность. Акцентирование внимания на таких сочетаниях слов при обучении диалогической речи будет уместным.

4. В диалогической речи реплики собеседников зависят от многих экстралингвистических факторов, что влечет за собой необходимость быстрой реакции на вопрос или замечание партнёра. Этому также следует обучать. Участник диалога вынужден в считанные доли секунды понять реплику собеседника, спланировать и дать ответ, что нередко вызывает затруднения.

5. У студентов, к сожалению, недостаточно сформированы психические механизмы диалогической речи – надфразовое упреждение, способность планировать

логическое развертывание диалога, быстрота реакции на высказывание собеседника и др. [3]. Таким образом, задачей обучения диалогу должна стать выработка этих механизмов, наряду с формированием навыков нормативной речи.

6. Обучение диалогу следует проводить с учётом речемыслительной природы этой деятельности. Диалог ориентирован на собеседника и реализует комплекс личностных стимулов, мотивов и побуждений каждого из участников. Педагогу следует постоянно убеждать студентов в необходимости активно, плодотворно и креативно мыслить; необходимо предлагать им решение задач и проблемных ситуаций, подводить к построению «полновесных» диалогов, к резюмированию, пониманию ответов на вопросы или реакций на реплики собеседников.

7. Обучение диалогической речи призвано развивать способности студентов к осмыслению, сохранению и актуализации в нужный момент различного рода информации (фактов, событий, наблюдений и под.).

8. Диалогическая речь является формой социального поведения, поскольку предполагает установление контакта, восприятие и оценку личности партнёра, учёт составляющих ситуации общения и под. В связи с этим обучение диалогу способствует становлению и развитию у студентов специфической диалогической компетенции как неотъемлемой части коммуникативной компетенции.

9. Подход к обучению диалогу должен быть многоступенчатым (от микродиалогов – к развёрнутому диалогу, в котором собеседники касаются нескольких сложных вопросов).

Принято говорить о двух способах обучения диалогической речи – дедуктивном и индуктивном.

Дедуктивный подход предполагает детальное изучение диалогического образца в аспекте структурно-интонационной организации. Этот путь видится не всегда оптимальным, поскольку не развивает умения самостоятельно использовать языковой материал, сосредоточивая основное внимание на формальном аспекте речи, в результате чего наступает автоматизация элементов диалога в той связи, в которой они были в нём употреблены.

Индуктивный подход предполагает усвоение элементов диалога с опорой на учебно-речевую ситуацию. Этот путь, по нашему мнению, оптимален, поскольку ориентирован на обучение самостоятельному ведению диалога; формирование речевых умений и навыков при этом происходит в процессе общения. Студенты учатся самостоятельно планировать речевые действия «через осознание мотивов, целей и возможных результатов» [4].

В результате комплексного подхода к обучению диалогической речи у студентов должны сформироваться следующие устойчивые навыки: 1) навык начинать диалог, употребляя отвечающие ситуации инициативные реплики; 2) навык оперативно реагировать на реплику партнёра, используя различные лексико-грамматические, интонационные и невербальные средства; 3) навык поддерживать беседу, развивая предложенную собеседником тему; 4) навык стимулировать партнёра к изложению его точки зрения по обсуждаемому вопросу; 5) навык применять диалогические клише разных видов; 6) навык вести диалоги разных типов; 7) навык в случае необходимости корректно прервать беседу.

Большинство упражнений, направленных на выработку навыков диалогической речи, должны быть, безусловно, речевыми. Вместе с тем, первоначальное знакомство с типовыми диалогическими клише может проводиться и вне речевой ситуации. Таким образом, целесообразно говорить о следующих этапах работы по формированию навыков диалогической речи: а) докоммуникативном, ориентированном на отработку и

совершенствование умений употреблять различные лексико-грамматические средства; б) условно-коммуникативном, предполагающем обучение микродиалогам (не более четырёх реплик); в) собственно коммуникативном, направленном на порождение диалогической речи в различных (бытовых, профессиональных, светских и т. п.) речевых ситуациях.

Коммуникативность, как видим, является ведущим принципом обучения диалогической речи. Речевая ситуация является функциональной «средой» диалогического общения, поэтому обучение диалогу должно быть основано на рассмотрении и практическом освоении серии типичных коммуникативных ситуаций (ср. труды А. А. Леонтьева, В. Л. Скалкина и др.). Подход к моделированию речевых ситуаций должен быть комплексным: охватывать разработку не только системы упражнений, но и методики проведения занятий. Ситуативные задания различного типа (дополняемые, проблемные, ролевые и др.) воплощают технологию ситуативного моделирования [5, с. 37].

На докоммуникативном и условно-коммуникативном уровнях, предполагающих формирование и углубление лексико-грамматических, орфоэпических и акцентологических навыков, целесообразно использовать имитативные, подстановочные, трансформационные и репродуктивные упражнения.

Речевые (коммуникативные) упражнения являются основными в обучении студентов диалогической речи. Материал для таких упражнений может быть весьма разнообразным, поэтому в работе со студентами Донбасса возможно (а нередко – и предпочтительно) использовать художественные тексты местных писателей и поэтов, а также предлагать речевые ситуации, связанные с местными реалиями. Такой подход к методическому обеспечению речевых упражнений способствует патриотическому воспитанию молодёжи.

Речевые упражнения целесообразно классифицировать с учётом характера материала, положенного в основу, разделив их на две большие группы:

1. Упражнения, основанные на работе с текстом:

А. Постановка вопросов к тексту и беседа по этим вопросам в парах и малых группах. Такую работу можно проводить, например, с опорой на следующий текст:

С тех пор, как открыли в Донецком кряже залежи каменного угля, прошло без малого три века. Добывают его нынче и в Донецке, и в Горловке, Дзержинске и Енакиеве, в Снежном, Торезе, Шахтерске и Макеевке, в Доброполье, Красноармейске, Селидово и Угледаре. В центре кряжа и на его северных, западных, восточных и южных отрогах – всюду! Не говоря уж о Большом Донбассе, который охватывает и Днепропетровскую область, и Донецкую, и Харьковскую, и Луганскую в Украине, а в России – Ростовскую и Воронежскую области.

А залегаёт он по прихоти природы, в зависимости от мук, в которых рождала его земля, пластами толщиной от сорока пяти сантиметров и до двух метров и под уклонами от двадцати до семидесяти градусов. И выбирать его, зажатого со всех сторон породами известняками, по-прежнему не так-то просто. Ко всему ещё и реки подземные то и дело вскрываются и затопливают выработки, и газ метан неизменно грозит внезапными выбросами, когда в момент может запечатать угольной мелкой, как порох, пылью подземные галереи длиной в триста метров, а то и взорваться от какой-либо искры и обрушить на горняков каменное небо, как ты его ни укрепляй, и через каждые тридцать метров в глубину недр температура повышается на целый градус, а доводится добывать уголь почти на всех шахтах Донбасса уже за километровой отметкой, и большая крутизна мешает внедрить новую технику...

Хотя давным-давно кайла и ломы для ломки угля были заменены отбойными молотками. А там подоспела и врубовая машина – «врубовка», вслед за ней – угольные комбайны и комплексы, которые сами и проходку делают – пробивают подземные ходы к угольным пластам, и лаву в угле нарезают, вгрызаются в неподатливый пласт, сбрасывая на конвейер добытый уголек, а заодно и крепят вслед за собой выработанное пространство, автоматически передвигая и подпирая кровлю тяжёлыми чугунными, а возможно, и из какого-то прочного металла, тумбами...

И шахтерских коней, облепивших в свое время труд тягальщиков, или саночников, тоже заменили – на быстрые электровозы, каждый из которых заключает в себе не одну лошадиную силу энергии.

С введением новой техники неузнаваемо изменился и добытчик угля. По большей доле горняки теперь со средним и высшим образованиями, при надобности сами могут не только в темпе починить то ли комбайн, то ли комплекс, со всеми приводными сложными механизмами, а и доработать, доусовершенствовать их при испытании, перед тем, как завод горного оборудования приступит к серийному выпуску. Еще и прискажут: «Одна голова хорошо, а полторы лучше!» Имея в виду, что половина принадлежит заводским инженерам и конструкторам. Ну, в острологии им не откажешь (И. Костыря).

Б. Диалогизация, драматизация прослушанного или прочитанного текста.

В. Продолжение или трансформация предложенного диалога.

Г. Составление диалога по содержанию прочитанного текста.

2. Упражнения, в основе которых лежит речевая ситуация:

А. Составление диалога на заданную тему. Здесь можно предложить следующие темы: «Мой город», «В библиотеке имени Н. К. Крупской», «На Саур-Могиле», «Донбасс – край промышленных гигантов», «Донбасс – край великих художников и музыкантов» и под.

Б. Составление и драматизация диалога, имитирующего определённую профессиональную или бытовую речевую ситуацию (диалог работодателя и соискателя, преподавателя и студента, продавца-консультанта и покупателя, двух коллег, журналиста и интервьюируемого и т. п.).

В. Проведение дискуссии на социально значимую тему, такую как: «Нужно ли в ДНР высшее образование полностью перевести на платную форму?», «Каковой должна быть массовая культура в Донбассе?», «Какие отрасли народного хозяйства Донбасса следует считать приоритетными?» и под.

Речевые упражнения выполняются на завершающем этапе обучения студентов диалогической речи, поскольку они как наиболее приближенные к реальной ситуации общения ориентированы на закрепление навыков ведения диалога.

Таким образом, обучение студентов диалогу является сложным, многоуровневым процессом, охватывающим работу репродуктивного и продуктивного характера с различными языковыми и речевыми единицами и конструкциями. Выпускник высшего учебного заведения должен на уровне навыка порождать диалоги различной сложности и управлять их протеканием. Студентам Донбасса, строящим будущее этого непростого во всех отношениях региона, необходимо быть особенно активными, энергичными, творческими, уметь налаживать и поддерживать контакты с различными партнёрами, поэтому навыки диалогического общения им крайне необходимы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М.: Советская Россия, 1979. – 320 с.
2. Коротаева, Е. В. Интерактивное обучение: вопросы теории и практики обучения / Е. В. Коротаева // Педагогическое образование в России. – 2012. – Вып. 2. – С. 171–174.
3. Лapidус, Б. А. Интенсификация процесса обучения иноязычной устной речи / Б. А. Лapidус. – М.: Высш. шк., 1970. – 126 с.
4. Пименов, А. В. Управление собственным речевым действием в диалоге (на материале французской разговорной речи): автореф. дис. на соискание учёной степени канд. филол. наук / А. В. Пименов. – М., 1971. – 22 с.
5. Скалкин, В. Л. Коммуникативные упражнения на английском языке: пособие для учителя / В. Л. Скалкин. – М.: Просвещение, 1983. – 128 с.
6. Суворова, Н. Интерактивное обучение: новые подходы / Н. Суворова. – М.: Роспедагентство, 2005. – 110 с.

M.V. Balko

TEACHING DONBAS STUDENTS TO THE DIALOGUE IN THE RUSSIAN LANGUAGE: PRINCIPLES, DIDACTIC AND PRACTICAL SIGNIFICANCE

The article is devoted to the analysis of the principles and methods of teaching students of Donbas to the dialogic form of speech. The main attention is paid to the inductive method of teaching dialogue, including pre-communicative, conditional-communicative and communicative exercises. The expediency of using as a material for practical tasks the artistic texts of local authors is emphasized, which contributes to the patriotic education of young people.

Keywords: *dialogue, interactive learning, communication exercises, Donbas.*

УДК 81`42

И.И. Чумак-Жунь, Л.В. Проскурнина

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ СВОИХ И ЧУЖИХ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ПОЭЗИИ)

Статья посвящена когнитивному исследованию метафорических образов *своих* и *чужих* в художественном дискурсе. Анализируется концепт «Война» в белгородской поэзии. С позиций когнитивной семантики метафорические образы *своих* и *чужих* рассматриваются как средство концептуализации действительности и отражения картины мира, существующей в сознании носителей русской культуры.

Ключевые слова: *художественный дискурс, метафорический образ, концепт, картина мира, белгородская поэзия*

На современном этапе развития когнитивной лингвистики основной ее задачей, по мнению Н.Н. Болдырева, является «изучение языковых форм с позиций того, как они отражают определенное видение мира человеком и способы его концептуализации в языке» [2, с. 5]. Сам термин «картина мира» впервые появился в трудах австрийского ученого Л. Витгенштейна, посвященных исследованиям в области философии и логики: «Картина мира – модель действительности. Картина соответствует или не соответствует действительности; она верна или неверна, истинна или ложна. То, что картина изображает, – ее мысль. Мысль – логическая картина факта» [3, с. 8]. Впоследствии термин проникает в другие науки – лингвистику и литературоведение. Ученые-лингвисты под картиной мира понимают «упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [12, с. 4].

Одной из составляющих картины мира является художественная картина мира (наряду с философской, религиозной, мифологической и др.). В научный оборот термин *художественная картина мира* был введен Б.С. Мейлахом: «Художественная картина мира – воссоздаваемое всеми видами искусства синтетическое панорамное представление о конкретной действительности тех или иных пространственно-временных диапазонов» [10, с. 120]. То есть художественная картина мира – это совокупность представлений об окружающей действительности, имеющая субъективный характер. Это связано с тем, что она воспроизводится сквозь призму индивидуально-авторских ценностных установок того или иного художника. В художественном произведении она воссоздается на четырех уровнях: стилистическом, лексическом, композиционном и семантическом.

Художник (в том числе художник слова) пропускает образы действительности через творящее сознание. Факторы, которые определяют специфику художественной картины мира:

- субъективность, связанная с особым художественным восприятием;
- философский характер;
- образная основа;
- панорамное воспроизведение;
- эмоциональная окрашенность.

По словам Е.С. Кубряковой, индивидуально-авторская картина «является важной составной частью общей концептуальной модели мира, то есть совокупности представлений и знаний человека о мире, интегрированной в некое целое и помогающей человеку в его дальнейшей ориентации при восприятии и познании мира» [5, с. 169].

Индивидуально-авторская картина мира складывается из трех составляющих. Во-первых, это фрагменты общечеловеческой картины мира, то есть нормы и моральные ценности, общепризнанные в мировом культурном контексте. Концептосфера общечеловеческой картины мира представлена такими базовыми единицами, как «Добро» / «Зло», «Любовь» / «Ненависть», «Истина» / «Ложь», «Честь» / «Бесчестие», «Счастье» / «Несчастье», «Мир» / «Война» и т.п.

В.А. Маслова при рассмотрении базовых концептов русской культуры относит концепт «Война» к одним из самых значимых концептов русской языковой картины мира: «...слово *война* существует в языке с древнейших времен и основное значение его не претерпело существенных изменений, лишь со временем добавлялись некоторые переносные значения и коннотации. Значимость данного концепта подчеркивает и наличие значительного числа пословиц, народных примет со словом *война*, обилие характеристик, которые народ дает этому явлению» [9, с. 207].

Таким образом, концепт «Война» занимает важное место в языковой картине мира, в которой, в свою очередь, реализуются универсальные бинарные оппозиции, представленные лексемами *война / мир, зло / добро, смерть / жизнь, свои / чужие*, по-разному репрезентирующиеся в художественном тексте.

Второй компонент индивидуально-авторской картины мира – это национальная картина мира, включающая в себя традиции, обычаи, праздники и т.п. того или иного народа. О.А. Корнилов индивидуально-авторскую картину мира представляет в виде «вербализованной системы «матриц», в которых запечатлен национальный способ видения мира, формирующий и предопределяющий национальный характер» [4, с. 80].

В общероссийском контексте события 5 июля – 23 августа 1943 года воспринимаются как события на Курской дуге, причем при описании данного сражения в общекультурном российском контексте используются номинации *Курская битва / Битва на Курской дуге / Курская дуга; Огненная дуга / Битва на Огненной дуге; Танковое сражение / Битва на танковом поле*. Одна из самых масштабных битв Великой Отечественной войны стала предметом изображения в ряде художественных произведений. Это романы «Полюшко-поле» и «Курская дуга» Виктора Кондратенко, «Танки идут ромбом» Анатолия Ананьева, «Курский излом» Валерия Замулина. В четвертой части «Повести о настоящем человеке» Бориса Полевого речь идет также о сражении на Курской дуге. Храбрости, мужеству и отваге русских солдат, участвовавших в битве на Огненной дуге, посвящен и публицистический очерк А.Н. Толстого «Русская сила». Сборник стихотворений «Третье поле», редактором-составителем которого выступил В.Е. Молчанов, включает в себя стихотворения белгородских поэтов о Танковом сражении под Прохоровкой.

Третья составляющая индивидуально-авторской картины мира – это собственно индивидуальная картина мира того или иного писателя, тесно связанная с его познавательным опытом, с его личным восприятием и осмыслением действительности. Индивидуальная картина мира воспроизводится сквозь призму восприятия автора художественного произведения, включая концепты, характерные именно для данного произведения. Автор в тексте моделирует свою реальность.

Исходя из концепции З.Д. Поповой и И.А. Стернина, индивидуально-авторская картина мира воссоздается писателем:

- а) номинативными средствами языка;
- б) функциональными средствами языка;
- в) образными средствами языка;
- г) фоносемантикой языка;
- д) дискурсивными средствами (механизмами) языка;
- е) стратегиями оценки и интерпретации языковых высказываний, дискурсов, текстов разных жанров, критериями оценки их как образцовых или не образцовых, убедительных и неубедительных, удачных или неудачных и т.д. [12, с. 7].

Именно в творчестве поэтов Белгородчины концепт «Война» («Великая Отечественная война») чаще всего суживается до концепта «Прохоровская битва» / «Прохоровское поле».

Широкую известность поселок Прохоровка Белгородской области приобрел после одного из крупнейших танковых сражений в военной истории 12 июля 1943 года. Не только в России, но и за ее пределами оно известно как Третье ратное поле России (наряду с Куликовым и Бородинским полями): *Три поля России, три поля России, / Как русские гордость, отвага и честь. / Три поля России, три поля России, / Никто нам не страшен, пока они есть* (В. Молчанов); *Кто мог тогда предугадать такое? / Что*

станет это поле вдруг равно / Победной славе поля Куликова / И мужеству полей Бородино (И. Чернухин).

Для писателей Белгородчины данное событие номинируется, прежде всего, как *Битва под Прохоровкой (Прохоровское сражение)*. В поэтических произведениях И. Чернухина («Прохоровка. 12 июля 1943 года», «На Прохоровском поле»), Н. Грищенко («Контратака под Прохоровкой»), В. Игина «На Прохоровском танковом поле»), Д. Маматова («Прохоровское поле»).

Прохоровка, Прохоровская битва (сражение, бой) активно употребляются не только как иконические знаки (в заглавиях), но и в текстах стихотворений:

Здесь, *под Прохоровкой*, в сорок третьем,
Смерть презрев, по сигналу атаки,
Шли солдаты наши в бессмертие,
Становились бессмертными танки.

(И Чернухин)

Все смешалось...

Которые сутки

Рвется к Курску отчаянно враг.

Он на *Прохоровку*

В бешенстве жутком

Свой нацелил железный кулак.

(И Чернухин)

Под Прохоровкой танковое поле.

Тревожный пепел ветер разметал.

(Л Кузубов)

Как заметил Д.С. Лихачев: «Отношение к прошлому формирует собственный национальный облик. Ибо каждый человек – носитель прошлого и носитель национального характера. Человек – часть общества и часть его истории. Не сохраняя в себе самую память прошлого, он губит часть своей личности» [6, с. 4].

В многочисленных произведениях – художественных и публицистических – белгородские поэты (И.А. Чернухин, В.Е. Молчанов, Д.А. Маматов, В.С. Михалев, А.К. Филатов и др.) обращаются к этому переломному этапу Великой отечественной войны. Прохоровское поле в их поэзии изображается как место противостояния добра и зла, жизни и смерти, своих и чужих в военном контексте. В поэзии Белгородчины, посвященной Прохоровской битве, базовым является концепт «Война». В индивидуально-авторской картине мира поэтов Белогорья он моделируется посредством актуализации бинарной оппозиции «свои/ чужие», отражая особое авторское видение.

Базовые ментальные стереотипы *свои (мы)* и *чужие (они)* находятся в постоянной оппозиции друг другу. *Свои*, как правило, воспринимаются положительно, отношение к *чужим* может быть разным: от воинственного неприятия до спокойного понимания его особенностей. Однозначно враждебно воспринимаются *чужие* на войне. Это враги.

В стихотворении Д. Маматова «Бой за церковь» *чужие* ассоциируются с агрессией и угрозой: *Словно с ведома сатаны, / Бьют по церкви прямой наводкой; Под снарядный утробный свист; От разрывов дрожит алтарь.*

Уже в названии определяются основные концептуальные зоны («Война» и «Религия»), которые пересекаются в тексте, причем религия представлена здесь как элемент православия – традиционной веры русского народа (*рублевский мир*), а сам текст построен как развернутая метафора: бой за церковь – бой за веру Христову.

Противопоставлены номинативные средства, которыми представлены враждующие силы. С одной стороны, это *сатана, мышинные чужие мундиры*, с другой – это *Христовы раны, веций колокол, божий храм, библейские лица, Георгий Победоносец*.

Преобладает религиозная лексика, которая продуцирует общехристианские смыслы – ‘борьба’ и ‘страдание’. Страдания Христа воплощены в образах *Христовых ран, истерзанного храма, геройской смерти*. Но это страдания, которые переносятся простыми людьми, бойцами – *Мы лежим под стеною ниц, / Все измазанные, как черти. Измазанные, как черти* – фразеологизм, в котором отражено наивное воплощение сказочной нечистой силы.

Широко представлена перцептивная лексика, которая подчеркивает текстовую оппозицию «свои / чужие». «Язык, как один из основных инструментов познания, концептуализации и категоризации окружающего мира, помогает нам свести воедино и обобщить всю информацию, поступающую через зрение, слух, осязание, обоняние и вкус, то есть знания, приобретенные в результате восприятия мира органами чувств (чувственный опыт), а также знания, полученные путем предметной деятельности и мыслительных операций» [2, с. 27].

В стихотворении Д. Маматова «Бой за церковь» доминируют звуковые образы, по словам А.В. Мансуровой, «воссозданные в аспекте звучания мирообраза писателя» [8, с. 4]. При передаче звукового модуса перцепции поэт прибегает к глаголу, обозначающему звук особого качества, издаваемый предметом: *От разрывов дрожит алтарь*. Немаловажное значение в организации слухового восприятия играют существительные с семой ‘звук’. В стихотворении это существительное, обозначающее звуки особого качества и способ их распространения: *Под снарядный утробный свист*. В данном контексте употребляется оксюморон – *утробный свист*. Обычно лексема *свист* ассоциируется с громким звуком. Здесь же, исходя из лексических толкований слов *утробный* и *свист*, представлен глухой звук.

Свист, -а, м. 1. Резкий и высокий звук, производимый без участия голоса (через неплотно сомкнутые губы или при помощи специального приспособления). Издавать с. Пронзительный с. Художественный с. (искусство насвистывать мелодии) [11, с. 574].

Утробный, -ая, -ое; -бей, -бна. 1. ом. утроба. 2. черен. О звуке: глухой и низкий. У. смех. У. голос [11, с. 689].

Также в тексте встречается существительное, связанное со звучанием и пением – *колокол*: *Веций колокол тяжело свис*. В данном микроконтексте значимо отсутствие божественного звука: *колокол свис*, то есть колокол замолчал, перестал звонить.

Созданию полного полифонического звукового образа орудийных снарядов способствует нанизывание звуков: *бьют по церкви прямой наводкой, под снарядный утробный свист, веций колокол тяжело свис, от разрывов дрожит алтарь, и работает наш «Дегтябрь»*.

Несмотря на то, что тактильное восприятие, по словам Ю.Д. Апресяна, «не осознается носителями языка как ведущее» [1, с. 364], в стихотворении Д. Маматова осязательный модус перцепции представлен метафорическим образом *пожар войны: Разгулялся пожар войны*. В данном контексте в лексема *пожар* сливаются основное и переносное значения.

Пожар, -а, м. 1. Пламя, широко охватившее и уничтожающее что-н. Лесной п. Тушить п. Как на п. бежать (очень быстро, поспешно; разг.). Не на п. (некуда торопиться, успеет; разг.). 2. перен., чего. Употр. в некоторых выражениях для обозначения бурно развивающихся событий большого общественного значения (высок.). П. войны [11, с. 443].

Метафорический образ *пожар войны* вызывает тактильное ощущение жара, пекла, духоты, то есть температурного воздействия на субъект восприятия. В сознании читателя возникает образ чего-то яркого – красного – связанного с угрозой, опасностью.

При воссоздании обонятельного образа восприятия Д. Маматов использует существительное *гарь*: *Гарь ползет над рублевским миром*. В данном микроконтексте, прежде всего, привлекает внимание метафора *рублевский мир*. Несомненно, речь идет об иконе Андрея Рублева «Троица», на которой изображены три ангела, олицетворяющих триединое начало Бога – Отец, Сын и Святой Дух. Ангелы беседуют о том, как спасти мир. Это особенно актуально в переломный момент Великой Отечественной войны – во время Прохоровского сражения. Показательно также олицетворение – *гарь ползет*.

В данных микроконтекстах делается упор на то, что чужие, немецкие захватчики, являются так называемым «войском сатаны». А то, что входит в концептосферу *своего*, всегда приносит спокойствие и умиротворение: *И лучится с библейских лиц / Вдохновенье героической смерти*. В противовес этому *чужой* беспокоит, терзает и волнует: *От разрывов дрожит алтарь, / Гарь ползёт над рублёвским миром*.

Границы между «своими / чужими» в стихотворении Д. Маматова прослеживаются довольно четко. Своеобразным пространственным ориентиром, делящим действительность на «чужих» и «своих», является образ *церкви*, особого пространственного объекта, являющегося объединяющим началом стихотворения. Лексема *церковь* введена в заглавие, поэтому образ храма выходит на первый план. Церковь в стихотворении является символом православной России, чьи духовные ценности были поруганы немецкими захватчиками.

Церковь выступает особым сакральным пространственным объектом, хранящим духовные ценности, передающиеся из поколения в поколение. Представление о церкви непримиримо отделяет «своих» от «чужих». *Свои* предстают в стихотворении под сводами *истерханного божьего храма*, над которым *вещий колокол тяжело свис*. *Чужими* выступают немецкие захватчики, с приходом которых *пыль течёт по Христовым ранам*.

Таким образом, в стихотворении Д. Маматова «Бой за церковь» актуализируются следующие доминантные компоненты концепта «Война», обозначающие трагические явления или эмоциональные состояния, формирующие трагическое: «смерть» (*И лучится с библейских лиц / Вдохновенье героической смерти*), «пожар» (*Разгулялся пожар войны*), «сатана» (*Словно с ведома сатаны*), «черти» (*Все измазанные, как черти*), «пыль» (*Пыль течет по Христовым ранам*), «гарь» (*Гарь ползет над рублевским миром*), «бой» (*И ведет в рукопашный бой*), «страдание» (*Истерзанный божий храм*). Примечателен микроконтекст *И лучится с библейских лиц / Вдохновенье героической смерти* с оксюмороном – *лучится смерть*. Семантика глагола ‘лучиться’ связана с выражением чувства удовольствия, радости, счастья и т.п. Здесь же *лучится смерть*.

Таким образом, концепт «Война» включает в свою семантику ряд вариативных концептов, которые обозначают разные грани трагического и отражают трагические проявления войны. Данный концепт является организующим центром авторского сознания.

Упование на Бога и добросовестное исполнение порученного дела являются основой бытия героев стихотворения. Несмотря на то, что они *все измазанные, как черти*, а с икон *лучится вдохновенье героической смерти*, тем не менее, солдаты

*поднимаются над собой / Каски к низу до переносиц, / И ведет в рукопашный бой / Нас
Георгий Победоносец!*

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. – М.: Наука, 1974. – 367 с.
2. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. – 123 с.
3. Витгенштейн Л. Философские работы / Л. Витгенштейн. – М.: ГНОЗИ, 1994. – 612 с.
4. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – М.: ЧеРо, 2003 – 347 с.
5. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании картины мира / Е.С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Б.А. Серебрянников. – М.: Наука, 1988. – С. 141-171.
6. Лихачев Д.С. Смех в Древней Руси / Д.С. Лихачев. – Л.: Наука, 1984. – 295 с.
7. Маматов Д.А. Добро: стихи / Д.А. Маматов. – Белгород, 1991. – 181 с.
8. Мансурова А.В. Поэтика звукообразов в лирике М.Ю. Лермонтова: автореф. дис. ... канд. филол. н. / А.В. Мансурова. – Томск, 2004. – 18 с.
9. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика / В.А. Маслова. – Минск: Тетра Системс, 2004. – 266 с.
10. Мейлах Б.С. Философия искусства и художественная картина мира / Б.С. Мейлах // Вопросы философии. – 1983. – № 7. – С. 116-125.
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: Рус. яз., 1988. – 750 с.
12. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2003. – 59 с.

I.I Chumak-Zhun, L.V. Proskurnina

METAPHORICAL IMAGES OF THEIR OWN AND OTHERS IN THE ARTISTIC DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF THE BELGOROD POETRY)

The article is devoted to the cognitive study of metaphorical images of one's and another's in the artistic discourse. The concept of "War" in Belgorod poetry is analyzed. From the standpoint of cognitive semantics metaphorical images of their own and others are considered as a means of conceptualization of reality and reflection of the picture of the world that exists in the minds of Russian culture.

Key words: *artistic discourse, metaphorical image, target domain, mental model, Belgorod poetry*

УДК 81'23

А.П. Гейко

*МОУ «Петровская общеобразовательная школа»
администрации Старобешевского района*

СУРЖИК КАК ОСОБАЯ ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО ПОЛУЯЗЫЧИЯ

В статье рассматриваются региональные особенности русского языка жителей Донецкого края, обосновывается мнение, что условия русско-украинской интерференции стали причиной языкового явления суржик. Актуальность темы в

улучшении культуры речи как части менталитета. Автор раскрывает содержание понятия суржик; прослеживает мысль о взаимосвязи образной природы слова, культуры речи и генетического кодирования; акцентирует внимание на чистоте русского языка как основе духовных ценностей народа.

Ключевые слова: диглоссия, социальное полуязычие, суржик, образная природа слова, лингвистико-волновая генетика.

*Рассматривая народ как существо
духовного порядка, мы можем назвать
язык, на котором он говорит, его душой,
и тогда история этого языка будет
значительнее, чем даже история
политических изменений этого народа.*

В.К. Кюхельбекер

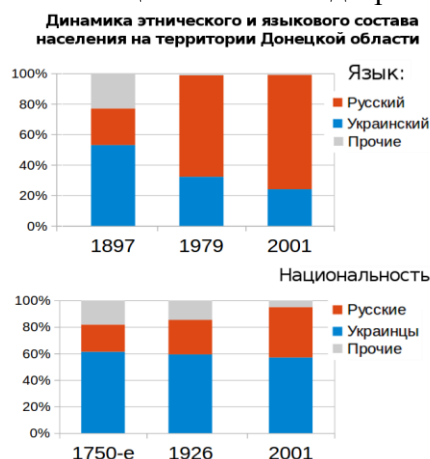
Любой язык – неисчерпаемая сокровищница культурного наследия народа-носителя, зеркало его менталитета. Это святыня народа, его генетический код. Великий русский писатель А. И. Куприн говорил о более широком значении языка: «Язык - это путь цивилизации и культуры». Неоспоримо, что культура речи, как важная составная часть языка и, следовательно, национальной культуры, - воплощение высших духовных ценностей народа.

Народ Донецкой области – особый, многонациональный. И язык его особый, отражающий сущность и неповторимость донецкого менталитета. По итогам Всеукраинской переписи 2001 года население Донецкой области составило 133 национальности из 134, зарегистрированных в Украине. По численности на первом месте украинцы и русские, с относительно небольшим (по сравнению с другими национальностями) перевесом первых. Конечно, в разных крупных городах и других населенных пунктах процентное количество национальностей несколько отличается, но общая картина выглядит однозначно. Вряд ли она очень изменилась в наши дни, когда многие семьи вынуждены были покинуть родной дом и сменить место жительства в силу различных обстоятельств (по большей части их выбор основывается на позиции проукраинской или же пророссийской, и это вопрос не только мировоззренческий, но и вопрос идентификации по национальному признаку).

Однако стоит подчеркнуть, что сновная особенность национального состава населения Донецкой области на протяжении XX века - полиэтничность. Историческое своеобразие этого процесса заключалось в том, что он происходил в условиях миграции, перемещения потоков населения, главным образом, восточнославянских народов. Каждая национальная группа региона, войдя в единый социально-экономический организм промышленного края, в этническом плане все же осталась самобытной, сохранила все признаки своих предков.

Большинство населения использует в устной речи суржик – смесь украинского и русского языков. Само слово суржик раньше обозначало хлеб из муки смеси разных сортов зерна. Причины возникновения языковой смеси (суржика) довольно понятны: людям всегда необходимо объясняться и понимать друг друга. И особенно это важно, если они говорят на разных языках, пусть даже и родственных. И тогда получается некая смесь, тот самый языковой суржик, вбирающая в себя черты обоих наречий (в нашем случае русского и украинского). Коммуникативные ситуации возникали не только на бытовом уровне, но и в процессе труда, в общественно-деловых отношениях, то есть повсеместно. Создавалось своеобразное интернациональное общество, в котором преобладают украинско-говорящие и русско-говорящие, стремящиеся

«подстроиться» друг под друга, и соответственно представители других национальностей вынуждены найти общий язык и «подстроиться» под большинство.

Само понятие суржика в языкознании не ново, но рассматривается достаточно противоречиво. Первые научные работы, посвящённые исследованию суржика как явления многопланового, появились в 1990-х годах. Проблематика рассматривалась в трудах Т. Возняка, Т. Кознарского, Л. Масенко, Я. Полищука, В. Радчука, О. Рудой, Л. Ставицкой, М. Стрихи, В. Товстенко, В. Труба, М. Феллера, О. Шумилова, Л. Биланюк, М. Флаера, А. Окары и других учёных. Общее мнение этой группы лингвистов можно сформулировать так:

- суржик возникает как результат системной интерференции на фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом уровнях;
- он репрезентирован цельнооформленными лексемами (суржикизмами), которые накладываются на украинскую или русскую языковую основу;
- чаще всего это хаотичное заполнение разрушенных звеньев структуры украинского языка элементами поверхности усвоенного русского;
- суржик проявляется на базе региональных разновидностей украинского языка как языковой код в среде индивидов различных типов языковой компетенции, в разнотипных социально-корпоративных и коммуникативных сферах.

Многие лингвисты выделяют суржик как отдельный язык общения, видят в нем сленговую разновидность, описывают как диалект, оказывающие значительное влияние на литературную форму языка.

Одновременно существует и другая, абсолютно противоположная, точка зрения: суржиком пользуются только на бытовом уровне малограмотные люди, с подобным засорением языка необходимо бороться, к тому же так как суржик не подвержен никаким правилам и закономерностям, то не стоит считать его языковым явлением, достойным изучения. И действительно, суржик – это недостаточно изученное уникальное языковое образование, однако, без сомнения, требующее особого внимания специалистов.

Среди языковедов встречается и такое мнение: язык (как самоорганизующаяся система) со временем самостоятельно справится с нарушением норм, естественным образом отбросив все наносное, лишнее, не соответствующее его законам. Однако наблюдаем ситуацию, когда массовое употребление вперемешку искаженных слов русского и украинского языков практически становится нормой в бытовом общении и постепенно осваивает медийное пространство.

Лингвисты единогласны во мнении, что все существующие в мире литературные языки являются бывшими суржиками. Каждый литературный язык – вполне

искусственный стандарт, принятый обществом для упорядочения и упрощения хозяйственно-экономической деятельности. Стандарты имеют свойство меняться в интересах общества, следовательно, на их появление или изменение, безусловно, оказывают влияние те же суржики на базе уже существующих стандартов. Как видим, круг замкнулся.

С точки зрения лингвистики на сегодняшний день нет единого мнения о структуре и статусе этого речевого явления. Но в то же время современные лингвисты отмечают значимость суржика как определенного этапа в развитии языка. Вот только какого? Русского или украинского? И вопрос, и ответ не могут быть однозначны, так как сама причина появления суржика – это смешение двух близких, родственных языков, другими словами, их взаимовлияние.

Исходя из вышесказанного, склоняюсь к точке зрения, что наш донецкий суржик представляет собой особую форму социального полуязычия и является некодифицированным разговорно-бытовым стилем языка (речью), который возник вследствие массового продолжительного контактного украинско-русского двуязычия в его диглоссной форме. Диглоссия — особый вариант, когда на определённой территории или в обществе сосуществуют два языка или две формы одного языка, применяемые их носителями в различных функциональных сферах [1, с. 7-9].

Наибольшая часть грамматики донбасского суржика взята из украинского языка, а лексика преобладает русская. В результате такого слияния язык понятен носителям обоих основных разговорных наречий, и при этом осуществляется постоянный контакт в общении, порождающий новые суржикизмы. Следует отметить, что даже в лексиконе одного индивида степень использования смешанного языка крайне нестабильна, изменчива, динамична и подвластна влиянию многих изменчивых факторов внешней коммуникативной среды и специфическим особенностям конкретной ситуации.

Таким образом, интерференция наблюдается в двух направлениях: русификации украинского языка и украинизации русского. Термин «интерференция» (от лат. *inter* – между и *ferens* – несущий) был введен в научный оборот лингвистами для идентификации процессов отклонения от норм контактирующих языков в условиях двуязычия. [5, с. 65]. Приходим к выводу, что суржик равно влияет на оба языка и, соответственно, на их развитие.

Суржик – это современная донбасская реальность. Это проблема, сигнализирующая не столько о засорении языка, сколько о неграмотности живой речи. Вызывает беспокойство и тот факт, что учащается проникновение суржикизмов в письменную или публичную речь.

Известна истина: язык – не просто форма общения, это еще и форма идентификации. Так какова же она, языковая личность Донбасса?

Специалисты выделяют три варианта использования суржика:

1) язык спонтанного использования (если является фактически единственным языком, которым владеют люди, недостаточно хорошо знающие как украинский, так и русский литературный языки и не придающие значение особенностям своего родного языка);

2) осознанное использование суржика (свойственно лицам, которые достаточно хорошо знают оба языка, но не имеют автоматизма или необходимости в их использовании);

3) произвольное проникновение элементов небазового языка в базовый либо базового в небазовый у лиц, хорошо владеющих одним языком и изучающих второй (русский или украинский).

В течение последних лет, предшествующих возникновению Донецкой Народной Республики, в Донецкой области особенно остро стояла проблема двуязычия, а точнее – прослеживалась тенденция устранения двуязычия в пользу государственного украинского языка. Русскоязычные дети обучались на украинском языке, русский был объявлен языком национального меньшинства, и, соответственно, его изучению в школе уделяли меньше внимания. В результате выпускники школы получали украинский язык как письменный, а русский более как разговорный. С украинским языком ситуация обратная: это не был язык общения. Украинские филологи, ратуя за чистоту украинского языка, считали суржик испорченным вариантом литературного украинского языка, претерпевающим влияние русскоязычного населения. Русисты видят ситуацию с противоположной стороны.

В любом случае основной причиной возникновения суржика, как видим, стоит признать двуязычие, которое неизбежно приводит к социальному полуязычию, стирая языковые грани, формируя некую полуязыковую личность. Суржик разрушает не только структуру литературного варианта того и другого языка, он изменяет мышление тех, кто ему подвержен. Возникает нечеткий языковой портрет личности, размывается родовая память. И человеку становится труднее идентифицировать свою принадлежность к одному из народов.

Принято считать, что суржик используют спонтанно, часто человек и не догадывается, что говорит неправильно. И связывают подобные случаи с низкой культурой владения как русским, так и украинским языком. Однако суржик - явление настолько мощное, что нередко его проявления фиксируются в средствах массовой информации, встречаются в вывесках, рекламах, объявлениях, информационных табличках и часто (можно сказать, автоматически) используются даже образованными людьми на бытовом уровне по принципу «делаю, как все». Например, «схожу по воду», «поехал до бабушки», «еду на город». Подобные словосочетания являются ярким отображением замены русского предлога украинским.

Отсюда, возможно, и печально известные спорные варианты «в Украине» и «на Украине», переформатированные в политическое решение вопроса. Литературная норма современного русского языка – *на Украине, с Украины*. Это результат исторического развития русского языка на протяжении нескольких столетий, и сочетаемость предлогов *в* и *на* с определенными словами объясняется исключительно традицией. Однако в 1993 году по требованию Правительства Украины нормативными следовало признать варианты *в Украину, из Украины*, тем самым лингвистически подтверждая статус Украины как суверенного государства, «... поскольку названия государств, а не регионов оформляются в русской традиции с помощью предлогов *в(во)* и *из...*» [2, с. 69].

Речь – это не только абстрактная система, это и сам человек, личность, владеющая языком. Кто тогда мы, дончане? Двуязычные? Вряд ли. Полуязычные? Звучит, согласитесь, оскорбительно. Носители языка, недостаточные владеющие его богатствами и нарушающие его нормы, не умеющие или не желающие полноценно использовать этот дар, чтобы достойно выглядеть в разных ситуациях общения.

Мы – суржикоязычные! - добровольные заложники ситуации, в которой теряем нечто неосознаваемое, но идентифицирующее нас, как представителей отдельного народа. И эта ситуация тревожная. Тревожная, в первую очередь, для людей, а не для языка (или двух языков одновременно).

Вся наша жизнь – вечное движение, и это движение творят мысли человека, рожденные, оформленные и озвученные посредством слова. Если слова выражают мысли, значит, они определяют наше сознание и мировоззрение. Вот и выходит, что

язык – способ общения с миром и с собой. Каковы же мысли того человека, которому бывает сложно найти подходящие и правильные слова для их выражения?

Используя языковую мешанину (суржик) в своей речи, мы незаметно меняем свое сознание, позволяя приживаться в нем некой упрощенности, грубости, неграмотности и даже, если хотите, некой своеобразной агрессивности. Так постепенно прививается чужеродный взгляд на мир, ментально не свойственный русскому или украинскому человеку, да и человеку иной национальности, стремящемуся быть своим в их среде.

Слово – не только выражение мыслей и сочетание звуков. Человеческое слово образно и энергоемко. Каждое есть воплощенный образ, предмет, живое существо, явление природы, человек, действие и т.д. Понимание образной природы слова требует не только работы ума, но и работы души. Этому необходимо учить, и этому стоит учиться.

Утрата или подмена родных слов искажает их истинный смысл, затрудняет верную оценку явлений жизни. Возникает чужеродный взгляд на мир, постепенно прививается иная ментальность. Что мы, суржикоговорящие, так старательно вкладываем сейчас в свой генетический код? Не сотрем ли самое важное – идентификацию русского (украинского) человека, его культурные традиции и веками сложившиеся, исторически выстраданные нравственные основы? Среда влияет на язык, но и он, в свою очередь, способен преобразовать и духовно наполнять ее.

Развитие языка и мышления – взаимообусловленный процесс. Вспомним, что писал В. А. Сухомлинский: «Слово – тончайшее прикосновение к сердцу, оно может стать и нежным, благоухающим цветком, и живой водой, возвращающей веру в доброе, и острым ножом, и раскаленным железом, и комьями грязи... Мудрое и доброе слово доставляет радость, глупое и злое, необдуманное и бестактное – приносит беду. Словом можно убить и оживить, рассеять сомнения, повергнуть в уныние, вдохновить и привести в оцепенение силы души». Энергия, которой обладает каждое слово, действительно существует. Искажение слов приводит к искажению мыслей, а значит – и внутреннего мира говорящего. Это грозит потерей самого дорогого – святыни народа, его языка.

П. П. Гаряев, автор новой науки «волновая генетика», считает: с помощью словесных мыслемоделей человек создает свой генетический аппарат [6, с. 11]. Суть в том, что представление о генетическом аппарате, состоящем только из химических веществ, устарело. На самом же деле, чтобы из ДНК построить живой организм, нужны куда более сложные программы, в которых должна содержаться львиная доля всей наследственной информации. И лингвистико-волновая генетика свидетельствует: ген – это не только клетка. Программа человека зашифрована в так называемой мусорной части ДНК. И не только в химических веществах, но и в физических полях, которые образуются вокруг хромосом и имеют голографическое строение. Вся информация о прошлом, настоящем и будущем организма содержится в свернутом виде в каждой точке волнового генома. Молекулы ДНК обмениваются этой информацией с помощью электромагнитных волн, в том числе акустических и световых. Сегодня ученые научились «накачивать» ДНК энергией света и звука. А слово звучит. Как и речь.

Ученые пришли к ошеломляющему выводу – ДНК воспринимает человеческую речь. Молекулы наследственности получают и акустическую, и световую информацию: молчаливое чтение доходит до клеточных ядер по электромагнитным каналам. Один текст оздоравливает наследственность, а другой ее травмирует. Доказано, например, что молитвенные слова пробуждают резервные возможности генетического аппарата.

Проклятие разрушает волновые программы, а значит, нарушает нормальное развитие организма. Представьте, каким может быть влияние суржика?

Вот так и разрушаем себя, свою среду – как социальную, так и психологическую. И катится этот снежный ком из поколения в поколение.

Мы должны быть ответственны в отношении к своей речи, беречь и развивать язык, совершенствовать его как средство общения и орудие мысли. Тогда будут накапливаться богатство добрых отношений между людьми, укрепляться нравственные устои нашей жизни. Сейчас мы переживаем очень сложный и тяжелый период. Воспитание уважительного отношения к слову и его значению, на мой взгляд, должно проходить красной нитью в работе учителя, особенно филолога. Главной его целью должна стать чистота речи, чистота русского языка, а значит – чистота и красота мысли, чистота и красота души, всего того, что называется духовностью. Ибо красотой, как считал великий знаток русской души Ф.М.Достоевский, спасется мир.

Язык создается народом и обслуживает его из поколения в поколение. Речь – великий дар и хранитель нашей сущности, давайте беречь ее и использовать во благо.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбачева Е. Ю., Родимушкина А. Суржик как лингвистический феномен // Молодой ученый. — 2016. — №7.4. — С. 7-9. — URL <https://moluch.ru/archive/111/28174/> (дата обращения: 13.05.2018).
2. Граудина Л. К. , Ицкевич В. А. , Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи. М.: Наука, 2001. 561 с.
3. Михайличенко Ю. В. Проблемные аспекты идентификации социолингвистического статуса суржика // Филология и литературоведение. 2014. № 11 [Электронный ресурс]. URL: <http://philology.snauka.ru/2014/11/1010> (дата обращения: 03.10.2017).
4. Українсько-російська двомовність. Лінгвосоціокультурні аспекти. Зб. наукових праць. — Київ, «Пульсари», 2007, с.77
5. Weinreich Uriel. Languages in Contact: French, German and Romansch in Twentieth-century. John Benjamins Publishing, 2011. с. 305
6. <http://wavegenetics.org/researches/model-geneticheskogo-koda/>
7. <http://kramtp.info/novosti/donbass/full/17159>
8. <http://www.krasnokutsk.org/суржик/>

A.P.Geyko

SURZHİK AS A SPECIAL FORM OF SOCIAL CONSTITUTION

The article deals with the regional peculiarities of the Russian language of the residents of the Donetsk region; the opinion is substantiated that the conditions of the Russian-Ukrainian interference were the cause of the surzhik language phenomenon. The relevance of the topic is in improving the culture of speech a part of the mentality. The author reveals the content of the concept surzhik; he traces the idea of the relationship of the figurative nature of the word, culture of speech and genetic coding; and he focuses on the purity of the Russian language as the basis of the spiritual values of the people.

Key words: *diglossia, social semi-lingualism, surzhik, figurative nature of the word, "wave genetics".*

ТЕРРИТОРИАЛЬНО ИЗОЛИРОВАННЫЕ МЕЩЕРСКИЕ ГОВОРЫ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

В работе рассматриваются языковые особенности на современном этапе развития территориально изолированных мещерских говоров Волгоградской области. Актуальность исследования определяется тем, что островные мещерские говоры Волгоградской области ранее не подвергались комплексному исследованию на разных языковых уровнях. При изучении исследуемых говоров удалось проследить устойчивость и изменчивость традиционных языковых особенностей переселенческих говоров, выявить сходство и различие языковых систем рассматриваемых говоров. Исследование показало, что территориально изолированные цокающие говоры с. Перещепного и с. Крайшева сохраняют исконные черты и в современности.

Ключевые слова: *территориально изолированные говоры, мещерские говоры, цоканье, южнорусские говоры.*

На современном этапе изучения диалектной речи, когда интерес к народному слову не только не угасает, но и, наоборот, обретает целенаправленность и мотивированность, обращение исследователей к диалектам представляется своевременным и актуальным.

Исследуемые нами цокающие островные говоры Волгоградской области, входят в группу Волжских говоров и являются собственно-переселенческими изолированного типа. Волгоградская область располагается на территории южнорусского наречия. Говоры Волгоградской области сформировались в период XVII-XIX вв., т.е. являются вторичными говорами, или говорами территории позднего заселения.

Первые жители с. Перещепного и с. Крайшева – переселенцы из Пензенской губернии и пришли, считают крайшевские старожилы, из села Ушинки, которое тоже относилось к Керенскому уезду. В свою очередь жители Керенского уезда Пензенской губернии являются переселенцами из рязанской Мещеры. Иными словами, в середине XVII в. предки перещепновцев и крайшевцев переселились из рязанской Мещеры в Пензенскую губернию, а уже оттуда перебрались в Поволжье [1, с. 29].

Таким образом, мещерские говоры попали на территорию Волгоградской области.

Впервые говоры сел Перещепное и Крайшево были обследованы Л.М. Орловым в 50-е годы XX в., повторное их исследование, уточнение и дополнение некоторых данных было осуществлено Р.И. Кудряшовой в 1980 г. В 2009-2011 студентами и преподавателями ВГСПУ в рамках диалектологических экспедиций было осуществлено повторное исследование этих говоров.

Главной отличительной чертой перещепновского и крайшевского говора является – твердое цоканье (*коц, цулоцки, доцка, цаво хош и др.*)

По данным исследования перещепно-крайшевского говора, цоканье как фонетическая особенность, претерпевает изменения как под воздействием литературного языка, так и по причине того, что старшее поколение, основные

носители диалектного языка, умирают, а молодое поколение старается забыть своеобразную речь и старается говорить «грамотно».

Если в говоре с. Перещепного у представителей старшего поколения оно еще сохраняется, то в речи жителей с. Краишева, в настоящее время, представлено довольно редко. В произношении на месте литературного [ч], помимо [ц] звучит также твердый звук [ч]: *чатвóртый уот, у печэ, дочэри* (с. Крш.).

Местные жители стесняются такой яркой фонетической особенностью своей речи и стараются не контактировать с жителями других населенных пунктов. Мы предполагаем, что сохранению до сегодняшнего дня этой яркой, исконной для мещерских говоров фонетической черты – цоканья – поспособствовал именно фактор закрытости, изолированности говора.

Поскольку перещепновский и краишевский говоры – южнорусские, наряду с аканьем, характерно яканье. Однако тип яканья у рассматриваемых говоров различен. В перещепновском говоре – умеренное яканье: *задяваю калодис и паливаю вядром, у сястре*. В краишевском же говоре наблюдается умеренно-ассимилятивное яканье: *кали жанились мы, тады вичарянки были*.

В обоих населенных пунктах нами зафиксирован переход ударного [а] в [о] в некоторых лексемах: *насОдють; развОлють на формам; заплОтють*.

Зафиксирован лексикализованный переход ударного [а] между мягкими согласными в [э] в слове *мяч*: ...у мец иурали.

В современных говорах отмечается яркая черта в области вокализма – произношение [и] на месте [а] предударного слога в начале слова: *ипять, идиялка, иуурцы*; в некоторых случаях наблюдается полная редукция начального гласного в этой позиции: *ни бязатильна; быкнавенный был; дикалон* (Прщ.).

В области консонантизма отметим такие южнорусские черты, как произношение фрикативного γ (*сыурать; друх; ураматный*), регулярен переход [в] (и в качестве предлога или приставки, и в середине слова) в [ў], а на месте [в] начале слова перед согласным обычно является [у] (*узварик; улей-ка им памаленьку; вирёўцками диржались*). В некоторых словах говора с. Перещепного иногда (крайне редко) сохраняется замена звука [ф] на [х]: (*хормы*). В говоре с. Краишева более частотна замена звука [ф] на [х], [хв]: *кохта, хундамент, сарахваны*.

В говорах обоих сел сохраняются типичные южнорусские инфинитивы, оканчивающиеся на -ть, на месте литературного -ти. Ударение подобные формы инфинитива имеют на основы. По аналогии с такими глаголами как класть, сесть, стричь утвердились с этим же ударением (на основу) и другие глаголы: *нада была атнести постель у жыниху; весть на быках* (Прщ.) *стулья нада вынести* (Крш.)

Возвратные глаголы как в говоре с. Перещепное, так и в говоре с. Краишево образуются добавлением частицы -сь (с) к глаголам, оканчивающимся на гласный: *вывчались, утянулись, слихастились* (Крш.)

Но если глагол оканчивается на согласный (кроме т), то к глаголу добавляется частица -си на месте литературной -ся: *спишимси у сільсавете; садилси пад маткай; стыдилси нецаво надеть*.

Нами также зафиксирован переход существительных среднего рода в женский: *халадно сю ремя у нас; платья крепкая, а не худая*.

Встречаются также в речи перещепновцев и краишевцев особые формы местоимений 2-го лица и возвратного местоимения в дательном и предложном падежах с произношением [j] на месте [б] (тае, сае). В говоре с. Краишево в речи местных жителей употребляются энклитические формы местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа в родительном и винительном падежах: *мя, ты*.

В говорах обоих сёл глаголы в 1-м лице настоящего времени регулярно произносятся с переносом ударения на основу, и при этом, как правило, отсутствует чередование на стыке основы и окончания, характерное для литературного языка: ...я не брешу, пустю туда, нако рмя.

В говорах обоих сёл частотно употребление постпозитивной частицы - *ти* после любых частей речи. Это явление было отмечено ранее Р.И. Кудряшовой [1, с. 32].

Приведем несколько примеров из материалов экспедиций 2009-2011 гг. Употребление постпозитивных частиц после указательных местоимений: *Витушки такими-ти парежишишь и у пече някли.* (Крш.)

После существительных: *Мух-ти то много у доме.* (Крш.) *Дейки-ти садитись на стульях, стайма ни стойтя.* (Перещ.)

После глаголов: *вадицки пустили-ти, муцыцы всыпали-ти и теста мисили.* Прщ. *Скапнили –ти сено.* (Крш.)

Данная частица -*ти*, как и реже встречающиеся в говоре частицы *та*, *ту*, произошла из соответствующего указательно-выделительного местоимения. В диалектах древнерусские формы местоимений преобразовались в согласованные постпозитивные частицы.

Далее обратимся к частицам - *та*, - *ту*, которые согласуются в роде и падеже с предшествующим именем: *детства-та мы её не видали.* (Крш.); *каша-та пишенная стаить на пеце...*; *итить на улыцу-ту.* (Крш.)

Рассмотренные нами постпозитивные частицы преимущественно употребляются в севернорусских и среднерусских говорах. Регулярное употребление этих частиц характерно для говора с. Краишево, а в с. Перещепное реже встречаются подобные конструкции.

Лексическая система говоров двух сёл не была изучена ранее в исследованиях ученых-диалектологов. Делать однозначных выводов о том, сохраняются ли в ней традиционные черты или произошли какие-то изменения, не представляется возможным. Поэтому наши выводы носят предположительный характер, основанный на данных «Словаря русских народных говоров Рязанской Мещеры», который представляет диалектную лексику недифференцированно, и данных «Словаря русских народных говоров», который фрагментарно фиксирует мещерскую лексику. Опираясь на эти данные, делаем вывод, что в рассматриваемых говорах с. Перещепного и с. Краишева частично сохраняются традиционные черты (16% от всей лексики и 14% соответственно), характерные для материнских говоров рязанской Мещеры.

Лексика говоров двух сёл разная, практически не содержащая общих наименований. Как правило, одни и те же предметы в говорах имеют разные названия, например, название бус: *жерелки* – в с. Краишево, *вёрстки* – в с. Перещепном; название пирога: *загнибушек* – в с. Перещепном, *каньши* – в с. Краишево; название каши: *сухая каша*, *сливная каша* – в с. Краишево, *затуруха*, *мамулыга* – в с. Перещепном; название верхней одежды: *кулюн*, *шубняк* – в с. Перещепном, *кургузик*, *полудошка* – в с. Краишево; название шкафа для посуды: *посудник* – в говоре с. Перещепное, *брус* – в говоре с. Краишева. Всего лишь 23 лексические единицы из рассмотренных в тематических группах 314 единиц имеют общие названия, характеризующие преимущественно обрядовую и бытовую сферы (*витушки*, *кузьминки*, *девятая пятница*, *ссыпки*, *зыбка*, *мост*, *шабол*, *канун*, *дуля* и др.).

Наряду с общедиалектными и общераспространенными, литературными названиями одежды, продуктов питания, бытовых предметов, наименований растительного и животного мира в говорах функционируют местные диалектные слова, так называемые уникальные, которые составляют 36% от всей рассмотренной лексики

(шуба с хантАми, сапаги с набОрами, загнибушки, обыгрывать витушки, ссыпки, абёртка). Уникальные лексические единицы в каждом говоре свои.

Говоры обоих сёл, восходящие к одному пензенскому диалекту, а еще ранее к говору рязанской Мещеры, в своем современном состоянии имеют по большей части разную лексику, т. е. расходятся на лексическом уровне языка. Предполагаем, что расхождение говоров на лексическом уровне происходило постепенно под воздействием окружающих донских диалектов и литературного языка.

Говор с. Перещепного и говор с. Краишева, являющиеся в своей основе южнорусскими мещерскими, сохраняют в современном состоянии преимущественно южнорусские черты и типичные материнские особенности. Но говоры рассматриваемых сёл, ранее идентичные на всех языковых уровнях, на современном этапе развития имеют расхождение на всех языковых уровнях.

Материалы исследования показали, что на современном этапе развития говор с. Перещепного оказывается более устойчивым в плане сохранения типичных признаков, в то время как говор с. Краишева утрачивает их и развивает тенденцию к постепенной ассимиляции с окружающими его неостровными южнорусскими говорами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кудряшова Р.И. Слово народное. Говоры Волгоградской области в прошлом и настоящем: Учеб.пособие / Р.И. Кудряшова. – Волгоград: Перемена, 1997. - 124 с.
2. Кудряшова Р.И. Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа (на материале донских казачьих говоров Волгоградской области). – Волгоград: Перемена, 1998. – 93 с.
3. Орлов Л.М. Русские говоры Волгоградской области: Учеб.пособие / Л.М. Орлов. – Волгоград: Изд-во ВГПИ им. А.С. Серафимовича, 1984. - 96 с.
4. Русская диалектология. Под ред. Касаткина Л.Л. - М.: Академия, 2005.–288 с.
5. Словарь русских народных говоров /Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз., Словарный сектор. – М.: Наука, 1965 – 2011. – Вып. 1 – 43.(СРНГ)
6. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингв. исслед.; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999. (МАС)
7. Словарь Донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р. И. Кудряшова Е. В. Брысина, В. И. Супрун; под ред. проф. Р. И. Кудряшовой. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — Волгоград: Издатель, 2011. — 704 с. (СДГВО)

S.M. Rudometova

VOLGOGRAD TERRITORIALLY ISOLATED, CLINKING DIALECTS: HISTORY AND MODERN STATE

The article is about language features of territorially isolated Meshchersky dialects of the Volgograd region at the present stage of development. The relevance of the study is determined by the fact that the insular Meshchersky dialects Volgograd region had not previously been subjected to a comprehensive study at different language levels. While studying this type of dialects, we traced the stability and variability of the traditional linguistic features of resettlement dialects, to reveal the similarity and difference of the linguistic systems of the dialects. The study showed that the territorially isolated clinking dialects of the village of Pereshchepny and the village of Kraishhev retain their original features in modern times.

Key words: *territory isolated dialects, meshcherskys dialects, clinking , the southern Russian dialects.*

РОЛЬ СТУДЕНЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ В РАЗВИТИИ ЛИНГВОРЕГИОНОВЕДЕНИЯ

В статье поднимается проблема выделения лингворегионоведения в отдельную научную отрасль, обозначаются ее приблизительные содержательные контуры в виде тематических блоков действующей авторской программы «Лингворегионоведение» (историко-этнологический, диалектологический, топонимический, нормативно-стилистический и др.), подчеркивается дидактический потенциал регионоведения, называются новые формы систематизации и презентации регионоведческой информации, среди которых как наиболее эффективная рассмотрена форма создания студентами проектов по лингвокультурной и краеведческой проблематике.

Ключевые слова: лингворегионоведение, авторская программа, презентация, проекты

Термин «лингворегионоведение» пока не получил широкого распространения и довольно редко используется в научных работах, хотя в РФ выходят периодические издания под названиями «Регионоведение», «Регионология», в вузах активно вводятся регионоведческие специализации.

Между тем обращение к краеведческому материалу актуально не только в научно-исследовательском плане, но и в процессе обучения, причем на разных его этапах, от начальной до высшей школы. Д.С. Лихачев, говоря о краеведении, справедливо отмечал, что это самый массовый вид науки: в сборе материалов могут принять участие и большие ученые, и школьники. Студенты составляют «промежуточное», но действенное звено: «лишь личностно значимые знания остаются в долговечном запасе личности и образуют тот фундамент, на основе которого протекает последующее совершенствование в различных сферах» [6, с. 293].

Интерес к исследованию регионоведческой информации возрастает, но эта сфера, на наш взгляд, пока не избалована исследовательским вниманием. Необходима дальнейшая разработка как теоретических основ, так и прикладных аспектов лингворегионоведения: корректировка терминологического аппарата, освоение новых направлений и объектов исследования. Филологами признаётся результативность апелляции к краеведческому материалу, однако их деятельность зачастую сдерживается отсутствием баз данных, учебников, практических рекомендаций, размытостью ориентиров продвижения в данном направлении и, как следствие, распространением субъективизма и вкусовщины. По этой причине обсуждение востребованных направлений в исследовании лингвокультурного материала региона является безусловно актуальной проблемой нынешнего этапа развития как собственно лингвистики, так и школьной и вузовской лингводидактики.

Исходя из убеждения, что лингвокраеведческий курс необходим не только в средней, но и в высшей школе (поскольку позволяет студентам интегрировать знания из разных разделов лингвистики и придает филологическому образованию

компетентностную направленность), мы разработали программу спецкурса «Лингворегионоведение». Варианты программы дисциплины (для специальностей «Филология», «Русский язык и литература», «Теория и методика начального обучения») дан в наших пособиях, где представлены: а) комплект программно-методических материалов; б) обобщающая теория в виде курса лекций; в) учебник-практикум; д) методические и текстовые материалы (в распечатках, в электронном варианте, в виде комплекта слайдов).

Накопленный опыт анализа регионального языкового материала был реализован при создании учебных пособий и проведении научных мероприятий. В поддержку спецкурса «Лингворегионоведение» выпущены четыре пособия [2, 3], проведены две конференции «Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства» (2014 и 2017 гг.) [см. 4]; по следам последней из них подготовлены материалы в помощь организации НИР и НИРС «Лингворегионоведение: о конференции post factum» [9], где представлены на обсуждение совершенно новые направления и «белые пятна» современного этапа краеведения и лингворегионоведения [9, с. 21-23].

В первых изданиях [2] нами были указаны векторы исследовательской работы в школе, выводящие на поиск и систематизацию региональных лингвокультурных явлений и фактов. На том этапе были обозначены *три* важнейших направления: диалектологическое, социолингвистическое и ономастическое, уточнена тематика конкретных исследовательских и проектных работ. В монографии «Культурологический подход к преподаванию русского языка в аспекте регионализации образования» [1] были детализированы формы работы по изучению языка и культуры в регионоведческом ракурсе и предложены модели включения подобного материала в программы обучения, воспитания и социализации разного уровня [1, с.139-140; 171-179]. Названные в коллективной монографии белгородских ученых [7] векторы научного поиска: *диалектологическое, топонимическое, концептуально-филологическое, дидактико-методическое* (заявленные в виде названий отдельных глав) - не утратили своей остроты и актуальности по сей день и безусловно перспективны для дальнейшего развития региональной лингвистики. В указанном издании в то время не нашли отражения такие значимые объекты исследования, как региональная фольклористика, фразеология, паремиология и некоторые другие аспекты исследования: например, в работах В.К. Харченко поднимаются проблемы региональной антропонимики и генеалогии, функционирования современного разговорного дискурса, ставится задача организации «языковой поддержки социума в целом и регионального инновационного общества в частности», что, по мнению филолога, в условиях Белгородчины «знаменует проблематику борьбы за чистоту родного языка (преодоление сквернословия на региональном уровне), разработку проблемы аутовоздействия...» [8, с. 24].

В настоящее время в наших пособиях содержательные контуры научного направления обозначены в виде 8 тематических блоков.

1. Представление лингворегионоведения как научной отрасли (объект, предмет, принципы, методы); освоение понятийно-терминологического аппарата.

2. Исторические и этнические основы формирования языкового своеобразия региона (из истории Слобожанщины как территориально-административного образования).

3. Диалектология как составляющая лингворегионоведения; наиболее показательные черты южнорусского говора. Диалектизмы и регионализмы. Украинизмы в лексиконе жителей Белгородской области.

4. Понятие о социолекте. Диалекты и социолекты применительно к региону. «Языковой портрет» современного белгородца.

5. Региональные топонимикон и антропонимикон. Микротопонимы, локализмы, эргонимы г. Белгорода и Белгородской области.

6. Языковое своеобразие творчества белгородских авторов. История и природа края в поэмах И. Чернухина «Белгород», «Третье поле», «Мозаика века».

7. Дидактические аспекты лингворегионоведения: содержание регионального компонента программ по русскому языку, тематические и интегрированные уроки на краеведческом материале, внеклассная и внешкольная работа. Программа «РУСиЯ» (региональные уроки словесности и языка) как инновационная форма организации урочно-внеурочных занятий по лингворегионоведению.

8. Языковая политика региона. Молодежные акции и фестивали «Родное Белогорье», «Язык наш – друг наш», «Белгородчина – территория без сквернословия» и др. [3, с. 6].

Однако во всех названных (и неназванных, но, несомненно, существующих) изданиях представляются и обсуждаются, в первую очередь, насущные проблемы формирования *содержания* краеведения и регионоведения. Действительно, содержание в наше время активно меняется, открываются новые сведения, новые области исследования. Однако как бы ни менялось содержание краеведения, в наше время не менее стремительно меняется его *форма* и, в частности, формы поиска, фиксации, систематизации и предъявления подобного уникального материала.

Поэтому не менее актуальной считаем проблему освоения *современных форм* сосредоточения и сохранения краеведческой информации, в частности, информации филологического содержания. В материалах 1-й конференции «Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства» наша статья заканчивалась заключением-рекомендацией: «Следует активнее осваивать новые методы поиска, презентации и анализа регионоведческой информации: Интернет, видео- и электронные ресурсы...» [4, с. 48]. На осмыслении некоторых утверждающихся в настоящее время форм сосредоточения и презентации краеведческого материала предполагаем остановиться чуть подробнее.

Современные формы и методы освоения регионоведческой информации связаны с распространением и внедрением информационных технологий, новых технических приспособлений для хранения и переработки информации, с учетом связей с новой, стремительно развивающейся информационной средой - Интернет. В нашей практике получили распространение такие новые формы сосредоточения и представления региональных лингвокультурных фактов, как: 1) презентационные версии информационно-тематических (краеведческих) блоков, 2) электронные банки данных, сайты и форумы лингвокраеведческого характера, 3) буктрейлеры, видеофильмы и видеоролики, 4) буклеты, рекламные листовки и др. [Подробнее об этом см. в 4].

Сама по себе это необъятная тема, поэтому рассмотрим одну из освоенных нами форм систематизации краеведческого материала. В особой степени перспективной нам кажется форма разработки и реализации *проектного задания* на актуальную, иногда достаточно частную регионоведческую проблему, поскольку проектная форма позволяет применить комплексные формы предъявления тематического материала. В контексте рассматриваемой проблемы нам импонирует оценка В.К. Харченко проектной деятельности как «самостоятельной или коллективной творческой завершённой работы, имеющей социально значимый результат» [8, с.47]; безусловно, изучение истории и сегодняшнего дня родного края и есть этот самый «социально значимый результат». Финальным «аккордом» проекта становится получение реальных

результатов, которые обобщаются, объединяются в нечто целое: книгу, картину, рисунок, схему – или творческую или научную работу, статью, описание опыта. Для исследовательского проекта важна форма не только презентации, но и формы сохранения и распространения полученных данных (электронные базы данных, словарные комплексы, сайты).

В наше время нельзя не учитывать *виртуальное информационное пространство*. С целью привлечения внимания молодежи к культурно-языковым проблемам региона мы посчитали полезным представление в сети Интернет дискуссионных материалов по вопросам специфики языка региона на веб-сервере НИУ «БелГУ» в виде тематического сайта «Наш язык сегодня» и форума «Язык нашего региона» в его структуре [10]. Функционирование форума в течение 5 лет подтвердило нашу гипотезу: интерес молодежи к изучению языка не утрачен, нужно только умело стимулировать это внимание лично значимыми языковыми примерами. Следует активнее осваивать новые методы поиска, сосредоточения и фиксации регионоведческой информации филологического содержания: видео- и электронные ресурсы, медиатеки, презентационные блоки, банки данных, форумы, буктрейлеры, видеоролики, буклеты, афиши, рекламные креолизованные тексты, представляющие в яркой форме региональные бренды [4, с. 42-45].

Опишем некоторые из современных форм работы с регионоведческой информацией, апробированные нами в практике преподавания дисциплины по выбору «Лингворегиеведение».

В процессе работы по программе «Лингворегиеведение» предполагается апробация слушателями новых форм и приемов обучения и контроля, в частности, подготовка и защита **регионально ориентированных исследовательских и творческих проектов**. Начинающие лингворегиеведы имеют возможность анализировать современные языковые явления, работая над научными и практико-ориентированными регионоведческими проектами различного характера, причем не только историко-этнологического, диалектологического, топонимического, лексикографического (что особенно распространено), но и нормативно-стилистического, например:

- просторечная лексика в речи молодежи региона;
  - школьное арг (на примере конкретного учебного заведения);
  - сниженная и жаргонная лексика в СМИ (на примере конкретного регионального периодического издания, телепередачи, Интернет-сайта);
  - язык рекламы (на примере текстов наружной рекламы в Белгороде)
- и др.

Наиболее полно и разнообразно представлено практико-ориентированное направление, связанное с подготовкой презентационных версий (в программе Power Point) исследовательских и мини-исследовательских работ по диалектологии и диалектной лексикографии, по топонимике и антропонимике, социолингвистике, по историческим и филологическим аспектам литературоведения, о чем говорят названия подготовленных проектов: «Белгородский алфавит», «Цветная карта Белгородчины», «Поэзия улиц Белгорода», «Диалектизмы и регионализмы села ... (указание населенного пункта)», серия литературных портретов белгородских авторов, примерами которых могут быть проектные работы студенток Я. Царевой «Поэзия и музыка – две музы Владимира Молчанова», А. Медведевой «Родники поэзии Александр Гирявенко» и др.; например, на студенческом проблемном семинаре историко-филологического факультета по линии НИРС «Регионоведческая проблематика

исследовательских и проектных работ студентов», состоявшемся 13.04.2017 г., были представлены презентационные версии студенческих проектов: «*Николай Германский: поэт и духовный наставник*», «*Эпитафия Василию Лиманскому*», «*Борис и Александр Осыковы - певцы Белогорья*» и др.; большинство проектов сопровождалось показом слайд-шоу или видеороликов. Обильней других всегда бывают представлены проекты и презентации по топонимической проблематике. Проекты носят обычно простые, непритязательные, но понятные всем и каждому названия: «*Моя малая родина*», «*Белгородские топонимы*», «*Родное село*», «*Родная улица моя*», «*Поэма о родном селе*», «*Названия родников и водоёмов*», «*Местные микротопонимы*», «*Короча – второй Крым*», «*Бирюч старый и новый*», «*Грайворон*», «*Новый Оскол*», «*Губкин*», «*Мой берег – мое Береговое*», «*Овеянная славой Прохоровка*» и др. Например, та же Прохоровка – один из «брендов» Белгородской области. В зачетной работе студентки, а теперь магистрантки историко-филологического факультета Риммы Ликарчук – в видеоролике «*Моя Прохоровка*» – даны некоторые сведения об истории родного места, визуализированы достопримечательности поселка; и пусть работа еще далека от совершенства как по содержанию (явно неполному), так и по эстетическому оформлению, но дорого в ней чувство автора, неравнодушного к своему родному месту – видеоролик назван Р. Ликарчук «*Моя Прохоровка*»; сопровождая видеоряд краткими комментариями, она включила в текст стихи своего отца, журналиста местной газеты, выразила свои чувства.

Следующий этап работы краеведа - сосредоточение ресурсов подобного рода в виде Банка данных, видеотеки (теперь, наверное, следует ввести понятие «слайдотека»), создание ресурса энциклопедического формата наподобие Википедии – своеобразной региональной Википедии. Возможен и функциональный информационный вариант - создание сайта и форума в его структуре для дополнения и обсуждения материалов, обмена мнениями. Как выше указано, уже несколько лет функционирует на сайте НИУ «БелГУ» веб-форум «Наш язык сегодня» с рубрикой «Язык региона», где студенты и гости форума обсуждают лингвистические «изюминки» современного языка белгородцев [10].

Практическая работа по руководству студенческими проектами лингвокультурной и краеведческой тематики убедила нас, насколько эффективен комплексный подход к решению проблемы сбора, систематизации регионоведческой информации в новом формате. По нашему мнению, это и есть наиболее реалистичный путь развития лингворегионоведения в настоящее время. Подключение компьютерных и цифровых технологий, других современных форм хранения и предъявления информации дают возможность не только малозатратного сбора и надежного сохранения уникального языкового и культурно-исторического материала, но и его интегративного представления для будущих читателей и пользователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новикова Т.Ф. Культурологический подход к преподаванию русского языка в аспекте регионализации образования: монография. - Белгород: Изд. БелГУ 2007. 296 с.
2. Новикова Т.Ф. Лингворегионоведение. Ч.1: программа и программно-методические материалы. - Белгород, 2010. – 84 с.; Лингворегионоведение. Ч. 2: практикум. - Белгород, 2010. - 104 с.
3. Новикова Т.Ф. Лингворегионоведение в школе: учеб. пособие. Изд. 2-е, испр. и доп. – Белгород - Харьков: Изд «Федорко», 2018. – 148 с.
4. Новикова Т.Ф. Новые формы сосредоточения и сохранения регионоведческой информации филологического содержания //Язык и культура региона как

составляющие образовательного пространства: сборник материалов II Международной научно-практической конф. – Белгород, ООО «Эпицентр», 2017. – С. 42-46

5. Новикова Т.Ф. Лингворегионоведение как самостоятельное научно-прикладное направление: опыт разработки и реализации// Коммуникативные позиции русского языка в славянском пограничье: двуязычие и межъязыковая интерференция: научные доклады участников Международного форума русистов (г. Новозыбков Брянской обл., 24-26 мая 2018 г.) /Под ред. С.Н. Стародубец, В.Н. Пустовойтова. - Брянск: ООО «АВЕРС», 2018. – С.182-188

6. Новикова Я.В. Значение русской народной культуры в процессе изучения предметов художественно-эстетического цикла // Молодой ученый. – 2014. - №15. – С. 292-293.

7. Опыт аспектного анализа регионального языкового материала (на примере Белгородской области): кол. монография/ под ред. Т.Ф. Новиковой. Белгород: ИПК НИУ «БелГУ», 2011.- 228 с.

8. Харченко В. К. О языке, достойном человека: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука. – 2010. – 160 с.

9. Харченко В. К., Новикова Т.Ф. Лингворегионоведение: о конференции post factum: материалы по организации НИР и НИРС. – Белгород, ООО «Эпицентр», 2017. – 28 с.

10. БелГУ. Ресурсы. Форумы. «Наш язык сегодня». [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.bsu.edu.ru/bsu/forum/index.php?PAGE_NAME=message&FID=?

T. F. Novikova

THE ROLE OF STUDENT PROJECTS IN THE DEVELOPMENT OF LINGVOREGIONOVEDENIE

The article raises the problem of separation of *Lingvoregionovedenie* in a separate branch of science are marked with its approximate meaningful contours in the form of thematic blocks of the current author's program "Lingvoregionovedenie" (historical-ethnological, dialectology, toponymy, normative-stylistic and etc.), emphasizes didactic potential investment called new forms of systematization and presentation of regional studies, among which the most effective identified creation form students projects on linguistic and cultural and regional issues.

Keywords: *lingvoregionovedenie, author program, presentation, projects*

**ИЗ ОПЫТА АНАЛИЗА СТУДЕНЧЕСКИХ РАБОТ
НА ТЕМУ «СЛОВАРЬ МОЕГО СЕЛА»**

В статье анализируются студенческие работы, включающие подборку диалектизмов, широко используемых в населенных пунктах Белгородской области. В ходе изучения вузовской дисциплины «Лингворегионоведение» студенты – будущие учителя начальных классов – знакомятся с диалектной основой языка региона. С одной стороны, они наблюдают над диалектизмами с целью выявления особенностей местной речи, а с другой – готовятся к тому, чтобы при работе с младшими школьниками устранять ошибки, имеющие диалектный характер.

Ключевые слова: лингводидактика, лингворегионоведение, язык региона, диалектизмы, студенческий проект.

Лингворегионоведение как научное направление и учебный предмет возникло относительно недавно. Лингвокраеведческий аспект преподавания русского языка в школе попал в фокус внимания методистов, во-первых, вследствие общей тенденции к культууроориентированному подходу к лингводидактике. Язык, уже достаточно долго рассматриваемый в лингвистике как средство накопления и передачи культуросодержащих смыслов, должен осознаваться в этой функции и обучающимися. То есть лингворегионоведение призвано решить важную проблему «соизучения языка и культуры» [7, с. 41]. Во-вторых, дидактический материал, включающий языковые особенности местных говоров – их фонетические, грамматические, лексические признаки, – региональный фольклор и художественную литературу, региональную ономастику, речевой этикет [2, с. 28] может составить региональный компонент содержания образования.

В Белгородской области лингвометодические аспекты лингворегионоведения как для вуза, так и для школы разрабатываются, прежде всего, проф. Т.Ф. Новиковой. Она отмечает, что существует противоречие между неоспоримой потребностью в научном осмыслении и анализе языка «малой родины» и неготовностью учителей русского языка к научно-практической и методической работе такого рода [5, с. 6]. Задачи, которые решаются в курсе, связаны с приобщением учащихся к языковым проблемам и языковой политике региона, формированием особой компетенции – регионоведческой, углублением знаний по диалектологии, культуре речи, стилистике, вооружением студентов приемами работы с регионоведческим материалом [5, с. 8].

Содержание разделов лингворегионоведения, которые включены Т.Ф. Новиковой в программу курса, предполагает обращение к истории заселения белгородского края, рассмотрение вопросов, связанных с содержанием понятия «язык региона» (под которым понимается сложная контаминация литературного языка с его многочисленными нелитературными разновидностями: просторечием, жаргонами, диалектами), изучение специфики регионального топонимикона и антропонимикона, анализ языка прозы и поэзии региональных авторов, изучение особенностей языковой политики области. Важное место в содержании программы занимает вопрос о диалектной основе языка региона.

Актуальность обращения к диалектному материалу обусловлена тем, что его элементы по-прежнему звучат в живой разговорной речи окружающих, используются в художественных текстах писателей-земляков. Поэтому данный материал требует научного осмысления и детального анализа, особенно ввиду трудностей квалификации той или иной единицы как диалектизма или регионализма. В современной лингвистике, как считает Н.М. Голева, сложились благоприятные условия для рассмотрения народных говоров, изменилось отношение к ним. Так, местные говоры, как неиссякаемый источник языкового богатства, способны уравновесить собой немотивированные заимствования и чрезмерную жаргонизацию языка. Кроме того, говоры сохранили некоторые древнейшие языковые черты; для белгородских говоров, например, в качестве такого реликта указывается явление второй палатализации заднеязычных [6, с. 66-67].

Особо важно сфокусировать внимание на диалектных особенностях русского языка в условиях его преподавания в сельской школе, поскольку окружающая языковая среда насыщена соответствующими элементами плотнее, нежели среда городская. Для формирования у обучающихся навыков литературной речи необходимо сопоставлять диалектные и литературные варианты языковых единиц различных уровней, предупреждать возможные ошибки, связанные с неуместным, неоправданным использованием диалектизмов, вызывающих нарушение стилистических норм в письменных работах. В устной речи учащихся, соответственно, необходимо предупреждать проявление фонетических диалектных черт (фрикативный [γ], неслоговой [ϋ], шоканье, конечный мягкий согласный у глаголов в форме 3 лица).

При этом следует развивать системное представление о том, что каждый вариант языка имеет право на существование в определенной речевой ситуации, что говор – это важная форма существования национального русского языка, а ресурсы говоров питают и питают литературный язык. Наконец, к говору «малой родины» нужно относиться с уважением, любовью, потому что он, как и образы детства – картины родной природы, звуки, запахи, – вызывает светлые ностальгические воспоминания. Вот как передает их Н. Рыжих в рассказе «Федины лапоточки»: *«И как же я соскучился по нашим местам за тридцать лет! [...] И вот я в Алексеевке, до Хлевища осталось восемнадцать километров... Брожу по «Пидторжью», базарчик около вокзала так называется, от палатки к палатке и отыскиваю наших деревенских баб – их найти нетрудно, они будут в кирзовых или резиновых сапогах, в телогрейках, увешанные уклунками спереди и сзади – подслушиваю их разговоры. «Колька», «Ванька», «ще», «каго», «бегая», «делая»:*

– Кума, кума, гля ще делая? Залил шары и пре как на бухвет...» [Цит. по: 5, с. 55]

Курс «Лингворегионоведение» читается для студентов как филологических, так и нефилологических специальностей, в частности для бакалавров профиля «Начальное образование» на последнем году обучения. Следует сказать, что материалы, рассматриваемые нами в этом курсе, оказываются для студентов достаточно интересными, поскольку позволяют опереться на их реальный жизненный и языковой опыт. Так, например, данный курс помогает будущим учителям начальных классов получить более детальное представление о диалектологии, об особенностях местных говоров, поскольку до этого диалектизмы рассматривались лишь в курсе теоретических основ начального языкового образования в группе лексики ограниченного употребления, на которую отводится всего 2 часа теории и 2 часа практики.

На одном из практических занятий студенты делятся собранным ими материалом к так называемому «Словарю моего села». В процессе сбора языкового материала студенты вспоминают, какие слова, словоформы, выражения, выходящие за пределы

литературного языка, они слышали у себя дома и употребляли сами, опрашивают родителей, родственников, соседей. Одни записывают слова, характеризующие говор своего села, другие собирают языковые факты по всему району. В аудитории полученные списки сопоставляются и анализируются: выявляются общие для целого ряда районов лексемы, слова, которые различаются от литературных только фонетической огласовкой, слова, которые при единой форме наполняются в разных частях области разным содержанием. Так, например, слово *тюря* с. Готовьё Красненского р-на – сладкая вода с хлебом, *тюря* (г. Губкин) – размоченный в супе или борще хлеб. *Юшка* (с. Готовьё) – картофельный суп, *юшка* (с. Грузское Борисовского р-на) – жидкость в супе.

Поскольку в университете учатся луганские и донецкие студенты, они добавляют к беседе свои примеры – в Белгородской области никто не называет *велосипед лайбой*. Для сравнения предлагают свои глоссарии учащиеся родом из Курской, Брянской областей. Студенты, прибывшие из отдаленных регионов – Красноярского края, Республики Коми, – в ходе такой беседы обычно испытывают разную степень удивления. С *тремпелем* их знакомят еще на первом курсе, но не более. Нужно сказать, что у студентов, прибывших из субъектов РФ, которые не граничат с Белгородской областью, лучше получается выявить в языке региона то незнакомое, странное, требующее толкования, что студентам-«аборигенам» кажется самим собой разумеющимся и очевидным.

Анализ собранного эмпирического материала позволяет учащимся осуществить связь теории с практикой, самостоятельно подобрать примеры к каждому из видов диалектной лексики (лексико-фонетических, лексико-словообразовательных, лексико-семантических, собственно лексических, грамматических диалектизм, этнографизмов). Студенты объясняют на конкретных примерах, чем территориальные варианты лексем отличаются от литературных. У обучающихся появляется четкое понимание того, что говоры их села – это не искажение, «неправильность» литературной речи, а принципиально иная, вызывающая большой исследовательский интерес форма существования русского национального языка. Эта форма на местах испытывает разнообразные влияния, в основном, говоров и языков пограничных территорий. Кроме того, такие работы, не претендующие, в общем, на детальную картотеку слов и выражений, тем не менее, дают представление о современном состоянии территориальных языков в разных районах нашей области. Сбор языковых данных такого характера – это возможность почувствовать себя настоящим исследователем-диалектологом. Это ценный опыт, который может служить подтверждением того, что в науке констатируется не столько нивелировка диалектов, а их «изменение в диалектные единицы промежуточного характера, отмечаемые во многих современных языках (полудиалекты, региолекты)» [4, с. 17].

Формы, в которых студенты представляли свои глоссарии, разнообразны. Это и списки слов в алфавитном порядке, и списки, сгруппированные по частям речи, и мультимедийные презентации, где каждой лексеме соответствует подходящая иллюстрация. Учащихся настоятельно просили указывать в словах ударение и отмечать, в каком населенном пункте области (или хотя бы районе) они были записаны. Далее в тексте приводятся примеры, взятые из студенческих работ. Их орфография отражает живое произношение.

Студентами широко отмечаются хорошо знакомые местным жителям фонетические черты: *будя* – будет, *мо́жа* – может, *туда́* – туда, *хо́дють* – ходят, *ко́хта* – кофта (с. Белый Колодезь, Вейделевский район); *позавчо́ра* – позавчера, *вза́ди* – позади, *за́втра* – завтра, *тепе́ря* – теперь, *тра́ктор* – трактор, *теляхфо́н* – телефон,

учора – вчера, *унучок* – внучок (Яковлевский район). Новая лексика также находит отражение в языке региона: *нубук* – ноутбук (Яковлевский район). Вряд ли данный пример относится к диалектному варианту – здесь мы имеем дело с просторечной интерпретацией заимствованного слова.

С грамматической точки зрения в глоссариях преобладают имена существительные. Это фонетические, лексические, лексико-семантические диалектизмы, этнографизмы, обозначающие:

- постройки: *закута* – место для скота, *кильдём* – маленький сарай (с. Готовьё Красненского р-на); *пуня* – место для хранения муки, *курник* – курятник, где ночуют куры, гуси; *мазанка*, *хатёнка* – летняя кухня, *саманка* – непосредственно сам дом (Корочанский р-н); *клу́ня* – место для хранения сена; *пунька* – сарай, постройка для хранения хлеба; *времянка* – постройка для временного проживания, летняя кухня; *ворок* – огороженное место для летнего содержания скота, хлев (Прохоровский р-н);

- понятия, связанные с земледелием: *гаун* – арбуз (с. Щетиновка, Белгородский р-н); *гычь* – листья от свёклы, *каун* – арбуз, *буряк* – свёкла, *агудина* – плетни от огурцов, дынь, арбузов (с. Грузское, Борисовский р-н); *бахча* – стебли огурцов, тыквы, *качан* – кукуруза (с. Морозово Губкинского р-на); *хмызняк* – орешник (Валуйский район), *крёт* – медведка, *зелёня* – озимая пшеница, *гудка* – твердый кусок земли (с. Готовьё Красненского р-на, также с. Белый Колодезь), *огирок* – огурец (Яковлевский район); *жомка* (травы) – небольшой пучок (с. Белый Колодезь); *баклажан* – помидор, *очирэт* – камыш, *сояшнык* – подсолнух (с. Алексеевка Корочанского р-на);

- орудия труда: *корчик* – совок (с. Белый Колодезь), *грабалки* – совковая лопата; *скребачки* – штыковая лопата (с. Алексеевка Корочанского р-на);

- предметы одежды: *баилык* – капюшон, *зипун* – верхняя одежда (Беловской р-н Курской обл.); *завёска* – фартук (с. Белый Колодезь), *рыминья* – ремень, *шарахан* – юбка, *хустына* – платок (с. Алексеевка Корочанского р-на);

- кулинарные термины: *напол* – бочка для солений (сала, яблок, огурцов) (с. Готовьё), *квасолики* (г. Губкин), *квасули* (с. Морозово Губкинского р-на), *квасоля* (с. Грузское) – фасоль; *пампушки* – оладьи, *квас* – окрошка (с. Морозово Губкинского р-на), *ладики* – оладьи (Корочанский р-н); *каталка колбасы* (с. Грузское); *сымок* – сметана, сливки (с. Белый Колодезь); *кислуха* – неудачный хлеб; *кундюба* – сложное кулинарное блюдо (Прохоровский р-н); *кисляк* – домашний кефир; *коржик* – лепёшка; *олия* – подсолнечное масло; *насиння* – семечки (с. Алексеевка Корочанского р-на);

- посуда и кухонная утварь: *тарабачка* – пластмассовая посуда (с. Морозово Губкинского р-на); *каталка* – скалка для теста, *ополоник* – половник (Курская обл., широко распространено и в Белгородской обл.); *грубка* – печь (с. Белый Колодезь); *кухлик* – глиняный горшок с крышкой (Прохоровский р-н); *крынка* – глиняный кувшин для молока, *макитра* – глиняная посуда для хранения масла (с. Алексеевка Корочанского р-на); *братыня* – медный или оловянный сосуд для разлива пива, *выварка* – посуда, в которой кипятится белье (Шебекинский р-н);

- домашние и дикие животные: *козюля* – змея (с. Белый Колодезь), *ви́вцы* – овцы, *вутка* – утка, *курка* – курица, *курчата* – цыплята (с. Алексеевка Корочанского р-на); *кышка* – кошка, *кочет* – петух (Шебекинский и др. р-ны);

- предметы обихода: *оклунок* – неполный мешок (с. Морозово Губкинского р-на); *ночвы* – корыто (с. Алексеевка Корочанского р-на), корыто из дерева (Шебекинский р-н), *ночёвки* – корыто для замачивания белья (с. Готовьё Красненского р-на, с. Белый Колодезь Вейделевского р-на); *скры́ня* – сундук, *насто́льник* – скатерть (Краснояржский р-н), *численник* – календарь (г. Губкин); *вихоть* – тряпка, *каганец* – светильник из лучинок (с. Алексеевка Корочанского р-на);

- природные явления: *сiверка* – холодный ветер (с. Белый Колодезь), *хвы́жа* – вьюга (с. Алексеевка Корочанского р-на);

- характеристику человека: *страмнiока* – бесстыдница (с. Белый Колодезь).

В Прохоровском районе записали целую группу прилагательных, характерных и для других районов области, несмотря на то, что адъективная лексика представлена в глоссариях слабее, чем прочие части речи: *гонкай* – высокий, *кургузый* – куцый, короткий, *кумашний* – красный, *проголосная* – протяжная (о песне), *склизкий* – скользкий, *тутошний* – здешний, *шалый* – непутёвый. Добавим сюда лексему *швыдкий* – быстрый (с. Алексеевка).

Несколько уже представлены глаголы, среди которых тоже можно выделить различные семантические группы:

- глаголы, связанные с физическим состоянием и его изменением: *хворать* – болеть (Белгородская, Курская обл.), *ухандокал* – убил, *саданулся* – ударился (с. Белый Колодезь Вейделевского р-на), *отды́хал* – выздоровел (г. Губкин); *грéбовать* – брезговать (в разных районах);

- глаголы, обозначающие прием пищи: *полудневать* – обедать (с. Готовьё, также с. Белый Колодезь), *вечерять* – ужинать (Прохоровский р-н и др.);

- глаголы говорения: *балакать*, *казать* – говорить, *бурóвить* – говорить бессмыслицу, ерунду (во многих районах);

- разнообразные бытовые действия, в том числе сельского человека: *бузовать* – активно работать (в разных районах), *управляться* – ухаживать за хозяйством (с. Грузское Борисовского р-на), *убираться* – одеваться (с. Готовьё); *пóраться*, *управляться* – ухаживать за скотом (с. Щетиновка Белгородского р-на); *кавзáться* – кататься на чём-л. (г. Клинцы, Брянская обл.); *стренуть* – встретить (с. Белый Колодезь Вейделевского р-на); *ушився* – убежал (с. Алексеевка Корочанского р-на);

- глаголы экспрессивной оценки: *гоманiть* – громко говорить, *расшонéриться* – мешать проходу, *козыряться* – ругаться (с. Морозово Губкинского р-на, также Прохоровский р-н); *ильiндать* – бродить (г. Клинцы, Брянская обл.), *муздать* – хлебать, *ащеряться* – смеяться (с. Белый Колодезь Вейделевского р-на).

В собранном материале встретились и наречия, наречные сочетания и выражения с наречным значением: *трóхом пахнет* – очень вкусно, но мало (с. Щетиновка Белгородского р-на), *кучеряво* – много (Корочанский район), *анады́* – позавчера, *позанады́* – позавчера (с. Готовьё), *витсéля* – отсюда, *вчэра* – вчера (с. Алексеевка Корочанского р-на).

Студенты упоминали, что слышали настолько необычную речь – в лексическом, грамматическом, интонационном плане, – что не смогли её записать, а воспользоваться диктофоном для её фиксации постеснялись. Так, студентка из Волоконовского района рассказала, что её свекровь практически в каждой фразе приговаривает что-то похожее на «тóтики». Ни она сама, ни муж не знают, что это значит. Расшифровать значение этого слова (выражения, междометия?) мы не смогли.

В ходе проведения занятия некоторые студенты смогли выявить этимологию своей фамилии, о чем раньше не задумывались (о региональном антропонимиконе в курсе мы говорим особо). Так, в глоссарии, собранном в с. Щетиновка, встретилось слово *шпакы́* – скворцы, а на занятии присутствовала студентка по фамилии Шпаченко. Слово *кóновка* – кружка, записанное студенткой из Валуйского района, напомнило знакомых по фамилии Коно́вка, с ударением на второй слог.

В ходе занятия студенты смогли определить, какие семантические группы составляют собранные слова, наглядно показать на примерах языковые особенности белгородских говоров. Встречаются слова, отличающиеся от литературных

отдельными звуками или ударением (*кохта, вчѐра*), фонетически отражающие соседство украиноговорящих районов (*кишка, насиння, казать* и пр.), обозначающие древние предметы обихода (*братыня, братина* у В.И. Даля – ‘сосуд, в котором разносят питья, пиво на всю братию и разливают по деревянным чашкам и стаканам’ [1]; у Т.Ф. Ефремовой – ‘старинный шаровидный сосуд, в котором подавались напитки для разливания по чашам или питья вкруговую’ [3]). Более детальный анализ, выявление границ распространения позволит вычленить из глоссариев регионализмы (на основании того, что они используются не только сельским населением, а всеми жителями региона независимо от их возраста, социального статуса и района пребывания). Специально такого задания не давалось, но при обсуждении была выявлена частотность ряда лексем.

Тем не менее, дидактическая ценность таких студенческих глоссариев достаточно велика. Во-первых, полученные данные позволили продемонстрировать, как выглядит диалектная речь в начале XXI века, окончательно не распавшаяся даже в условиях глобализации, под влиянием средств массовой информации и всеобщего образования. Во-вторых, подобная форма работы развивает у учащихся языковой слух, воспитывает внимание к проявлению диалектных черт в речи, тем самым способствует лучшей дифференциации литературного и внелитературного и более успешному усвоению языковой нормы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] : 2008-2017. Режим доступа: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=2098>
2. Демичева В.В. Социокультурное образование младших школьников (на региональном материале) в процессе изучения русского языка: программа для общеобразоват. учеб. заведений Белгородской области. Начальное общее образование / В. В. Демичева, О. И. Еременко, Т. В. Яковлева. – Белгород : Политекра, 2007. – 124 с.
3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. Режим доступа: <https://www.efremova.info/>
4. Кошарная С.А. Региолект Белгородчины как лингвокультурное образование // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. №14 (263). Выпуск 34. – С. 14-25.
5. Новикова Т.Ф. Лингворегионоведение. Часть 1: программа и программно-методические материалы / Т.Ф.Новикова. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – 76 с.
6. Опыт аспектного анализа регионального языкового материала (на примере Белгородской области) / кол. моногр.; под ред. Т.Ф. Новиковой. – Белгород: ИПК НИУ «БелГУ», 2011. – 228 с.
7. Яковлева Т. В., Еременко О. И. Методические аспекты лингворегионоведения / Т. В. Яковлева, О. И. Еременко // Интеграция образования. 2010. №2. – С. 41-44.

К.К. Stebunova

TO THE ANALYSIS OF STUDENT WORKS ON THE THEME “DICTIONARY OF MY VILLAGE”

The article gives the analysis to student papers, which contain selections of dialectisms widely used in settlements of the Belgorod region. During the course of Regional Linguistic Studies future primary school teachers get acquainted with the dialectal basis of the regional language. On the one hand, they observe dialectisms in order to identify the peculiarities of

local language, and on the other hand, they prepare to eliminate future primary school students' mistakes of dialectal kind.

Key words: language education, regional linguistic studies, language of the region, dialectisms, student project.

СОДЕРЖАНИЕ

Лексикология и стилистика

Е.С. Астахова (Северо-Кавказский федеральный университет) Экспрессивный синтаксис: функции в современном газетном тексте	4
Т.А. Гончарова (ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков») Устаревшая лексика в языке современной мультипликации	10
А.Ю. Лазуренко (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Тактики пикапера как мужской инвективной языковой личности в рж пикап	14
Е.А. Лопатина (ФГАУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет») Особенности графического оформления интернет-мемов	19
А.О. Лукьянова (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Основные способы создания компьютерных терминологических единиц	24
С.С. Калинин (ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет») Ареальные особенности и фреквенталии палеоазиатских языков и проблема их внешних связей в свете теории цивилизационных ограничений на трансфер знаний	31
С.А. Кошарная (ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет») К вопросу об этнокультурной специфике региолекта Белгородчины	40
А. Сухорукова (ФГОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет») Фразеологизмы как средство характеристики внутреннего мира и внешности человека (на материале романа М. Шолохова "Поднятая целина")	47

Э.М. Левина (ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет») Прецедентность как репрезентация концептосферы поэта (на материале белгородской поэзии)	51
М.И. Саенко (ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет») Колыбельные песни Белгородчины как источник диалектологического и региолектического материала	57
Е.В. Юрьева (ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет») Место слогана социальной рекламы в осмыслении социальных проблем Донбасса	62
Н.П. Курмакаева, А.С. Мазурова (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Газетный заголовок: функциональная нагрузка и специфика	70
А.В. Понкратенкова (ГОУВПО «Луганский национальный университет имени Владимира Даля») Языковая игра в коммуникативном пространстве семьи	74
Ж.В. Салдаева (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Креатив в современной рекламе	80
Э.П. Лаврик, Е.А. Величко (ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет») Особенности функционирования фразеологизмов в современном газетном тексте	85
А. С. Мамедова (МБОУ «Школа № 37» г. Рязань) Об изучении перифразы на уроках русского языка	91

Дискурсология и генристика

- М.В. Борисова, Н.А. Чехлань** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет») Развитие новых институциональных форм высшего образования Канады в условиях введения электронного обучения 95
- К.А. Куприянова** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Лексика донецкого региолекта: системно-функциональный подход 102
- Н. П. Курмакаева, А. В. Носова** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Культурно-языковые особенности в бытовом общении жителей села Успенка Амвросиевского района 108
- В. М. Статилко** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Представление о «счастье» и «несчастье» в русской национальной традиции 114
- М.С.Бойко** (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина) Обогащение словаря учащихся ценностными понятиями на уроках русского языка 121
- Н.Н. Шпильная, В.К. Чулюкова** (Алтайский государственный педагогический университет) Методическая модель развития письменно-речевых способностей у учащихся 6-го класса (к постановке проблемы) 129
- М. В. Балко** (ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики») Обучение студентов Донбасса диалогу на русском языке: принципы, дидактическая и практическая значимость 135
- И.И. Чумак-Жунь, Л.В. Проскурнина** (ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет») Метафорические образы своих и чужих в художественном дискурсе (на материале Белгородской поэзии) 141
- А.П. Гейко** (МОУ «Петровская общеобразовательная школа» администрации Старобешевского района) Суржик как особая форма социального полужычия 148

С.М. Рудометова (ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет») Территориально изолированные мещерские говоры Волгоградской области	148
Т.Ф. Новикова (ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет») Роль студенческих проектов в развитии лингворегиеоноведения	152
К.К. Стебунова (ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет») Из опыта анализа студенческих работ на тему «Словарь моего села»	158

CONTENTS

Lexicology and Stylistics

E.S. Astakhova Expressive syntax: functions in modern newspaper text	4
T.A. Goncharova Deprecated lexicon in the language of contemporary multiplication	10
A. Yu. Lazurenko Picaper tactics as a male injective language person in the speech genre pick-up	14
E.A. Lopatina Features of graphic design of internet memes	19
A. O. Lukyanova Main ways of creating computer terminological units	24
S.S. Kalinin Areal peculiarities and near-universals of paleo-siberian languages and their external relationships in the light of the theory of civilizational restrictions on knowledge transfer	31
S.A. Kosharnaya To the question on ethno-cultural specificity of regiolect of Belgorod region	40

A. Sukhorukova Dialective and literary phraseologists as a means of objectives of emotions and characteristics in a novel of M.A. Sholokhov "Podnyataya tselina"	47
E.M. Levina Precedent as representation of the concept sphere of the poet (based on Belgorod poetry)	51
M.I.Saenko Belgorod lullaby as the source of dialectological and regiolectic material	57
E. V. Yuryeva The place of social advertising slogan in understanding the social problems of Donbass	62
N.P. Kurmakaeva, A.S. Mazurova Newspaper title: functional load and specificity	70
A.V. Ponkratenkova Language game in the family communicative space	74
Z.V. Saldaeva Creativity in modern advertising	80
E.P. Lavrik, E.A. Velichko Features of functioning phrasiological units in modern newspaper text	85
A.S.Mamedova On the study of periphrasis at russian language lessons	91

Discourse and Genristics

M.V. Borisova, N.A. Chehlan Development of new institutional forms of higher education in Canada in conditions of the e-learning implementation	95
K.A. Kupriyanova Lexis of the Donetsk regiolect: system-functional approach	102
N.P. Kurmakaeva, A.V. Nosova Cultural and language features in everyday communication the residents the Uспенka village Amvrosievsky district	108

V. M. Statilko Opinions about «happiness» and «unhappiness» in the russian national tradition	114
M.S. Boiko Enriching students vocabulary with value concepts in russian language lessons	121
N.N. Shpilnaya, V.K. Chulyukova Methodical model of development in writing and speech abilities of students of the 6-th class (problem statement)	125
M.V. Balko Teaching donbas students to the dialogue in the russian language: principles, didactic and practical significance	129
I.I Chumak-Zhun, I.V. Proskurnina Metaphorical images of their own and others in the artistic discourse (on the material of the Belgorod poetry)	135
A.P.Geyko Surzhik as a special form of social constitution	141
S.M. Rudometova Volgograd territorially isolated, clinking dialects: history and modern state	148
T.F. Novikova The role of student projects in the development of lingvoregionovedenie	152
K.K. Stebunova To the analysis of student works on the theme “Dictionary of my village”	158

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

В структуре публикации необходимо предусмотреть: а) формулировку проблемы в общем виде; б) показ её связи с актуальными научными и практическими задачами; в) лаконичную оценку основополагающих работ в данной области; г) определение целей и задач исследования; д) изложение основного материала с обоснованием полученных результатов. Выводы должны содержать мнение автора о перспективах дальнейшего исследования.

За точность изложенных фактов, цитат и ссылок несут ответственность авторы.

1. Для статьи необходима полная информация об авторе: фамилия, имя, отчество, курс, специальность, контактный телефон, фамилия научного руководителя с указанием должности и звания. Данная информация отправляется на электронный адрес редакции (donrus452@yandex.ru) **отдельным файлом** по прилагаемой ниже форме в виде файла в формате rtf (название файла должно соответствовать фамилии автора, например: ivanov_zayavka.rtf):

Фамилия, имя, отчество

Для студентов и аспирантов

Место учебы

Курс

Научный руководитель

Для молодых ученых

Место работы,

Должность

Ученая степень (если есть)

Ученое звание (если есть)

Научный руководитель (если есть)

Для всех

Название доклада

Домашний адрес с указанием почтового индекса

Телефон, E-mail

2. В отдельном файле подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**.

Образец:

Петрова А. В. Глагольные конструкции с предлогом под со значением сравнительно-уподобительным.

Petrova A. V. Verbal constructions with the preposition 'under' in the meaning of comparison and similarity

3. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, учитывая научную значимость и актуальность представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с

авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректурa статей авторам не высылается. Статья присылается в виде прикрепленного файла электронного письма в формате * doc и * rtf, названных по фамилии автора, например: ivanov.doc. и ivanov.rtf. **Страницы не нумеруются.**

Объем статьи – 6-8 страниц (полных).

Размещение:

- формат бумаги – А 4;
- поля: сверху и внизу – 2,5 см., слева 3 см., справа 2 см.
- основной шрифт: Times New Roman , размер 12, стиль нормальный;
- абзацный отступ – 1 см.;
- межстрочный интервал – 1;
- первая строка – индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа)
  - вторая строка – инициалы (перед фамилией) и фамилия автора печатаются с выравниванием по правому краю жирным курсивом: *М.Н. Иванова*;
  - третья строка – название учебного заведения (*выравнивание по правому краю, курсив*);
  - четвертая строка – сведения о научном руководителе – печатается с выравниванием по правому краю курсивом в круглых скобках – (*Научн. рук. д.филол.н., проф. В.И. Теркулов*);
  - пятая (и при необходимости 6, 7 и т.д.) строка – название статьи – печатается большими буквами жирным шрифтом с выравниванием по центру;
  - через строчку – аннотация на русском языке (12 кегль) объемом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные результаты. Ключевые слова (3-5 слов, курсивом)
- текст набирается без переносов (выравнивание по ширине).
  - а. в тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (но не подчеркиванием);
  - б. для названий произведений используются "угловые" кавычки: «Война и мир»;
  - в. цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть "угловые" кавычки: «... "..."...»;
  - г. необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский – поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;
  - д. если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы – двумя наклонными чертами:
  - е. Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую – к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М.Цветаева. Пригвождена...); если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие

параметры: размер шрифта – 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 4 см.:

В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.

(А.Пушкин. К портрету Каверина)

ЛИТЕРАТУРА (12 кегль без абзацного отступа). Словосочетание **ЛИТЕРАТУРА** (Жирный) выравнивается по центру страницы. Список литературы оформляется как нумерованный в алфавитном порядке; публикации, принадлежащие одному и тому же автору, располагаются в соответствии со временем их опубликования. Формат: абзацный отступ – 1 см., выравнивание по ширине. Описание производится на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник дается в квадратных скобках издания: [15, с. 12]; при необходимости указать том издания, его вписывают римскими цифрами после номера: [7, VII, с. 35-36] Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех-четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

Образцы оформления литературы:

1. Андреева С.В. Речевые единицы устной русской речи: система, зоны употребления, функции / С.В. Андреева // Изд. 2. – Саратов: КомКнига, 2006. – 192 с.

2. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: Восток – Запад, 2007. – 314 с.

3. Влавацкая М.В. Учение о синтагматических связях слов в историческом рассмотрении / М.В. Влавацкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2009, № 1. – С. 36–42.

4. Комаров, Г.В. Национально-культурная специфика новой лексики английского языка : автореф. дис. ... канд. филолог, наук: 10.02.19 – теория языка / Комаров Георгий Владимирович – Краснодар, 2007. – 24 с.

5. Берн Э. Игры, в которые играют люди (психология человеческих взаимоотношений) / Э. Берн. – Режим доступа: <http://www.lib.ru/PHINO/BERN>

И т.д.

4. Далее приводятся инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по правому краю) **на английском языке.**

- название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),

- текст аннотации на английском языке (12 кегль)

- ключевые слова (курсив).

Образец оформления статьи:

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ
КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ
В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ**

В статье рассматриваются основные функции и наиболее распространенные механизмы создания креолизованного текста в сфере интернет-коммуникации, а также его воздействие на адресата и влияние логоэпистемных единиц прецедентных феноменов на представителей различных лингвокультур. Актуальность темы обусловлена необходимостью создания системы базовых моделей формирования креолизованных текстов для более полного изучения типов связей (автосемантических и синсемантических) между вербальными и невербальными компонентами, что позволит глубже проникнуть в природу комического эффекта и определить степень влияния на реципиентов. В ходе исследования были определены роль и значение визуальной информации в интернет-коммуникации.

Ключевые слова: прецедентное высказывание, интернет-коммуникация, пресуппозиция, фрейм-сценарий, прагматический потенциал

Текст текст текст ...

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР, серия литературы и языка. М., 1973. - Т. 32. - Вып. 1. - С. 84-90.
2. Анисимова Е. Е. О целостности и связности креолизованного текста. К постановке проблемы / Е. Е. Анисимова // Филологические науки. – М., 1996. - № 5. – С. 74-85.
3. ....

N. V. Gladkaya

**THE PRECEDENT STATEMENTS AS A MAIN CHARACTERISTIC OF
CREOLIZED TEXTS IN INTERNET COMMUNICATION**

This article discusses the key features and the most common mechanisms of creating creolized text in the Internet communication, its impact on the recipient and the impact of logoepestems units precedent phenomena on members of a linguistic culture. The topic relevance due to the need to establish a system of basic models of formation creolized texts to better study the types of connections between verbal and nonverbal components that allow a deeper insight into the nature of the comic effect and determine the degree of impact on the recipients. It was identified the role and importance of visual information in the Internet communication.

Key words: precedent statement, Internet communication, presupposition, frame script, pragmatic potential

3. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают **рецензию** научного руководителя.

4. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений

5. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.